

Научно-популярный журнал

ВЕСТНИК Пермского института ФСИН России

Издается 2 раза в полугодие

Выпуск № 2(41)/2021

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Научные специальности:

12.00.08 - Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки);

12.00.14 - Административное право; административный процесс (юридические науки).

Учредитель и издатель –
ФКОУ ВО Пермский институт
ФСИН России

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Жемулин С.Б. (главный редактор) – кандидат экономических наук, начальник ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России;

Антонов А.Г. – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

Головкин Р.Б. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых»;

Дугенец А.С. – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России;

Сергун П.П. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и муниципального права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»;

Гришковец А.А. – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук;

Дворянсков И.В. – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России;

Каплунов А.И. – доктор юридических наук, профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России;

Мартынов А.В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»;

Миронов А.Н. – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка Центра командно-штабных учений Академии управления МВД России;

Орлов В.Н. – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»;

Полищук Н.И. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России;

Соболева Ю.В. – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и муниципального права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»;

Уткин В.А. – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ (ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России):

Степанов А.В. (заместитель главного редактора) – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника института по учебной работе;

Бобров А.М. – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин;

Брылева Е.А. – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин;

Запивалов Д.А. – кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики;

Новиков Р.В. – кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права;

Попова В.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин;

Сурин В.В. – кандидат юридических наук, доцент, декан факультета внебюджетного образования;

Устинов А.А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права;

Фетищева Л.М. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики;

Филиппов М.Н. – кандидат юридических наук, начальник факультета профессионального обучения и дополнительного профессионального образования.

Территория распространения — Российская Федерация. Издаётся с 2010 года.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,

информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-39748 от 07 мая 2010 года.

ISSN 2226-2326. (16+)

Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.

Авторские рукописи рецензируются и не возвращаются.

Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений.

© Без предварительного согласования с издателем запрещается воспроизведение материалов журнала в любом виде и в любых целях.

© «Вестник Пермского института ФСИН России», 2021

© Фотоматериалы предоставлены пресс-службой института.

По вопросам публикации работ, получения и распространения журнала обращаться по адресу: 614012, г. Пермь, ул. Карпинского, д. 125.

Тел. (342) 228-65-04 (150), факс (342) 228-56-78,

e-mail: nauka-perm@yandex.ru

Journal

OF THE PERM INSTITUTE OF THE FPS OF RUSSIA

Quarterly popular scientific journal

№ 2(41)/2021

Founder – The Perm Institute of the FPS of Russia
Territory of distribution – the Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL:

- Zhemulin S.B. (Editor-in-chief)** – Ph. D. in Economics, Chief of the Perm Institute of the FPS of Russia;
- Antonov A.G.** – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
- Golovkin R.B.** – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State and Law Theory of Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs;
- Dugenets A.S.** – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Federal Governmental Institution Research Institute of the FPS of Russia;
- Sergun P.P.** – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative and Municipal Law of Saratov State Law Academy;
- Grishkovets A.A.** – Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the Department of Administrative Law and Administrative Procedure of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Science;
- Dvoryanskov I.V.** – Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher of the Federal Governmental Institution Research Institute of the FPS of Russia;
- Kaplunov A.I.** – Doctor of Law, Professor of the Department of Administrative Law of Federal State Public Educational Establishment of Higher Professional Training Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation;
- Martynov A.V.** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod;
- Mironov A.N.** – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Public Protection Bodies Management of the Command-Staff Exercise Center of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
- Orlov V.N.** – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University;
- Polishchuk N.I.** – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State and Law Theory, International and European Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia;
- Soboleva Yu.V.** – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative and Municipal Law of Saratov State Law Academy;
- Utkin V.A.** – Doctor of Law, Professor, Director of Law Institute of Tomsk State National Research University.

EDITORIAL BOARD (THE PERM INSTITUTE OF THE FPS OF RUSSIA):

- Stepanov A.V. (Deputy Editor-in-chief)** – Ph. D. in Law, Associate Professor, Deputy Chief of the Institute in Educational Work;
- Bobrov A.M.** – Ph. D. in Law, Associate Professor, Chief of the Department of State and Legal Disciplines;
- Bryleva E.A.** – Ph. D. in Law, Associate Professor, Chief of the Department of Civil and Legal Disciplines;
- Zapivalov D.A.** – Ph. D. in Law, Chief of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics;
- Novikov R.V.** – Ph. D. in Law, Chief of the Department of Criminal and Penal Law;
- Popova V.V.** – Ph. D. in Law, Assistant Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines;
- Surin V.V.** – Ph. D. in Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Extrabudgetary Education;
- Ustinov A.A.** – Ph. D. in Law, Assistant Professor of the Department of Criminal and Penal Law;
- Fetishcheva L.M.** – Ph. D. in Law, Assistant Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics;
- Philippov M.N.** – Ph. D. in Law, Chief of the Faculty of Professional Training and Continuing Professional Education.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

АНТОНОВ А.Г., ЗОРИНА Е.А. К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ЧАСТЯМИ 3 И 5 СТАТЬИ 327 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	5
БЕЛОУСОВА А.Н. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	12
БРОВКИНА А.А. ОСНОВНЫЕ МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ВЕРОУЧЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	21
ГОЛОВАСТОВА Ю.А., ГОРДОПОЛОВ А.Н. К ВОПРОСУ О СПЕЦИАЛЬНОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ЗЛОСТНЫХ ПРОСТУПКОВ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	29
ЗАВИТОВА С.В. ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ ПО ИСПОЛНЕНИЮ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ	38
КУТАКОВ Н.Н. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА СОТРУДНИКА ПЕНИТЕНЦИАРНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ И СОВРЕМЕННОЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО	48
ЛУПЫРЬ М.В., КОНДРАТЮКОВ С.С., КВАСНИКОВ Е.С. ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 274 УК РФ	60
НАГИБИН В.Л. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЯМ И ИНЫМ МЕРАМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА, НЕ СВЯЗАННЫМ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА	67
ТУЛОЕВ И.Ю. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА, СОПРЯЖЕННОГО С ПРЕДНАМЕРЕННЫМ НЕИСПОЛНЕНИЕМ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	78
УСТИНОВ А.А. МЕРЫ ПОощРЕНИЯ И ВЗЫСКАНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ К ОСУЖДЕННЫМ, ОТБЫВАЮЩИМ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ	84
ФЕДОРОВ А.Ф., СУСЛОВ Ю.Е. СРЕДСТВА БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ В МЕСТАХ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ	92
ХОХРИН С.А. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	100
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС	
ГРИШКОВЕЦ А.А. ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ И ЕГО ЗАЩИТА (АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)	110
ЗАНИНА Т.М., БУТОВА М.В. К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВАХ, ПРИМЕНЯЕМЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	123
ПАСТУХОВ П.С., СУРИН Н.В. ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ)	131
СОБОЛЕВА Ю.В., ФАИСХАНОВ Р.Р. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА, ПРИМЕНЯЕМОГО В ОБЛАСТИ ОБОРОТА ОРУЖИЯ	141
ТЕТЕРЯТНИКОВ Н.Ю. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОДИТЕЛЕМ УСТРОЙСТВ СВЯЗИ ВО ВРЕМЯ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА	147

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF THE PENAL SYSTEM

ANTONOV A.G., ZORINA E.A. TO THE QUESTION OF THE OFFENCES DELIMITATION UNDER THE ARTICLE 327, PARTS 3 AND 5 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	5
BELOUSOVA A.N. PROBLEMS AND PROSPECTS OF RESOCIALIZATION OF MINORS HAVING COMMITTED CRIMES	12
BROVKINA A.A. BASIC MEASURES TO PREVENT AND COUNTERACT THE SPREAD OF THE TEACHINGS OF SOCIALLY DANGEROUS RELIGIOUS MOVEMENTS IN PLACES OF DETENTION	21
GOLOVASTOVA Yu.A., GORDOPOLOV A.N. ON THE QUESTION OF SPECIAL PENITENTIARY RESPONSIBILITY OF CONVICTS FOR COMMITTING MALICIOUS OFFENSES IN PLACES OF DEPRIVATION OF FREEDOM	29
ZAVITOVA S.V. PROBLEMS OF THE ACTIVITY OF CORRECTIONAL CENTERS FOR THE EXECUTION OF SENTENCES IN THE FORM OF FORCED LABOR	38
KUTAKOV N.N. CRIMINAL AND LEGAL PROTECTION OF A PENITENTIARY EMPLOYEE: FOREIGN EXPERIENCE OF THE CIS MEMBER STATES AND MODERN DOMESTIC LEGISLATION	48
LUPYR M.V., KONDRATYUKOV S.S., KVASNIKOV E.S. QUESTIONS OF QUALIFICATION OF A CRIME UNDER ARTICLE 274 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	60
NAGIBIN V.L. RESPONSIBILITY OF PERSONS CONVICTED TO PUNISHMENTS AND OTHER MEASURES OF A CRIMINAL LEGAL NATURE, NOT RELATED TO ISOLATION FROM SOCIETY	67
TULOEV I.Yu. SOME ASPECTS OF THE QUALIFICATION OF FRAUD INVOLVING DELIBERATE NON-PERFORMANCE OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS IN THE FIELD OF BUSINESS ACTIVITY	78
USTINOV A.A. THE MEANS OF ENCOURAGEMENT AND PENALTY APPLICATION TO THE CONVICTS TO THE UNFREE LABOR	84
FEDOROV A.F., SUSLOV Yu.E. MEANS OF COMBATING OFFENSES IN PLACES OF SERVING SENTENCES	92
HOKHRIN S.A. CRIMINAL LEGAL FORMS OF COUNTERACTION TO PENITENTIARY CRIME IN THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES	100
ADMINISTRATIVE LAW. ADMINISTRATIVE PROCEDURE	
GRISHKOVETS A.A. RIGHTS TO OWNERSHIP AND ITS DEFENSE (ADMINISTRATIVE LAW ASPECTS)	110
ZANINA T.M., BUTOVA M.V. ON THE ISSUE OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEANS USED BY THE UNITS FOR JUVENILE AFFAIRS IN THE IMPLEMENTATION OF THE PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY	123
PASTUCHOV P.S., SURIN N.V. INFORMATION SECURITY OF DIGITALIZATION OF PUBLIC AUTHORITIES (ON THE EXAMPLE OF THE PENAL SYSTEM)	131
SOBOLEVA Yu.V., FAISKHANOV R.R. IMPROVING THE CONCEPTUAL FRAMEWORK USED IN THE FIELD OF ARMS TRAFFICKING	141
TETERYATNIKOV N.Yu. DRIVER'S USE COMMUNICATION DEVICES WHILE DRIVING A VEHICLE: LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE	147

Информация для цитирования:

Антонов А.Г., Зорина Е.А. К вопросу о разграничении преступлений, предусмотренных частями 3 и 5 статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 2(41). С. 5–11. DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.001.

For citation:

Antonov A.G., Zorina E.A. K voprosu o razgranichenii prestuplenij, predusmotrennyh chastjami 3 i 5 stat'i 327 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii [To the Question of the Offences Delimitation Under the Article 327, Parts 3 and 5 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2021, no. 2(41), pp. 5–11. (In Russ.). DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.001.

УДК 343.35

**К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ЧАСТЯМИ 3 И 5 СТАТЬИ 327 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

А.Г. Антонов¹, Е.А. Зорина²

¹ ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
196105, Санкт-Петербург, Московский проспект, 149
E-mail: antonovanton1@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2708-020X

² ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России
196105, Санкт-Петербург, Московский проспект, 149
E-mail: zorina_lena@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4552-0256

Аннотация. Введение: Федеральный закон от 26.07.2019 № 209-ФЗ «О внесении изменений в статью 327 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» существенным образом изменил содержание ст. 327 УК РФ. Несмотря на имеющиеся в настоящее время руководящие разъяснения в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», вопрос о разграничении деяний, предусмотренных ч. 3 ст. 327 УК РФ и ч. 5 ст. 327 УК РФ, остается проблематичным. Анализу этой проблемы и посвящена настоящая статья. **Цель:** определить признаки, позволяющие разграничить составы преступлений, предусмотренных частями 3 и 5 ст. 327 Уголовного кодекса Российской Федерации. **Методы:** диалектический метод познания общественных явлений, а также общенаучные и частнонаучные методы. **Результаты:** Отражены критерии разграничения преступлений, предусмотренных ч. 3 и ч. 5 ст. 327 УК РФ. **Выводы:** Авторы приходят к выводу о необходимости более четкого определения в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 признаков заведомо подложного документа, который является предметом преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ, а также о необходимости подробных разъяснений для правоприменителя относительно разграничения ч. 3 ст. 327 УК РФ и ч. 5 ст. 327 УК РФ в данном постановлении.

Ключевые слова: подделка; изготовление, оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков; уголовная ответственность; использование поддельных документов; официальный документ.

TO THE QUESTION OF THE OFFENCES DELIMITATION
UNDER THE ARTICLE 327, PARTS 3 AND 5 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Anton G. Antonov¹, Elena A. Zorina²

¹ Saint-Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia
149, St. Petersburg, Moscow Avenue, 196105
E-mail: antonovanton1@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2708-020X

² Saint-Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia
149, St. Petersburg, Moscow Avenue, 196105
E-mail: zorina_lena@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4552-0256

Abstract. Introduction: The Federal Law No. 209-FZ of 26 July 2019 "On Amending Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" significantly changed the content of Art. 327 of the Criminal Code. Despite the current available guidance in the Resolution of the Supreme Court Plenum of the Russian Federation No. 43 (December 17, 2020) "On some issues of judicial practice in cases of crimes under articles 324-327.1 of the Criminal Code of the Russian Federation," the issue of differentiation acts under parts 3 and 5 of Art. 327 of the Criminal Code rests problematic. The present article is devoted to the analysis of this problem. **Aim:** to determine the characteristics that allow separating the corpus delicti provided in parts 3 and 5 of Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation. **Methods:** dialectical method of social phenomena cognition, as well as general scientific and private scientific methods. **Results:** The criteria for differentiation crimes under Parts 3 and 5 of Art. 327 of the Criminal Code are described. **Conclusions:** The authors reveal the necessity to define clearly in the Resolution of the Supreme Court Plenum of the Russian Federation (December 17, 2020 № 43) distinctions of forged documents that is the subject of a crime under Part 5 of the Art. 327 of the Criminal Code. There is also the need for detailed explanations regarding the distinction between the crimes under Parts 3 and 5 of Art. 327 of the Criminal Code of the Russian Federation in the same Resolution of the Supreme Court Plenum of the Russian Federation.

Keywords: forgery; document forgers, circulation of forged documents, state awards, stamps, seals, forms; criminal liability; using of forged documents; official document.

Введение
У сложение общественных отношений влечет за собой все более изощренные приемы подделки документов и ввода их в оборот. Статистические данные говорят о довольно широкой распространённости данного вида преступлений [1, с. 99].

Уголовная ответственность за подделку, изго-

товление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков предусмотрена статьей 327 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Вопросы развития и совершенствования нормативно-правового регулирования в рассматриваемой сфере уже не один год привлекают внимание как российских [2], так и зарубежных ученых [3].

Федеральный закон от 26.07.2019 № 209-ФЗ «О внесении изменений в статью 327 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» существенным образом изменил содержание ст. 327 УК РФ. Наиболее значимая новелла – это закрепление уголовной ответственности за использование заведомо подложного документа в двух различных составах преступлений: в ч. 3 ст. 327 УК РФ и ч. 5 ст. 327 УК РФ. Разграничение этих составов преступлений требует всестороннего анализа. Вероятно, эта причина обусловила появление Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 43 от 17 декабря 2020 года «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». В нем действительно уделено немало внимания упомянутому вопросу.

Российское уголовное законодательство и правоприменительная практика по делам о преступлениях, предусмотренных частями 3 и 5 статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации

Согласно п. 10 данного постановления в частях 3 и 5 статьи 327 УК РФ под использованием заведомо поддельного (подложного) документа понимается его представление (а в случае электронного документа – в том числе посредством применения информации о телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет») по собственной инициативе или по требованию уполномоченных лиц и органов в соответствующее учреждение либо должностному лицу, иным уполномоченным лицам в качестве подлинного в целях получения (подтверждения) права, а равно освобождения от обязанности. Использование лицом своего подлинного документа, являющегося недействительным (например, с истекшим сроком действия), либо подлинного документа, принадлежащего другому лицу, или предъявление вместо надлежащего документа схожего с ним подлинного документа не образует состава преступления, предусмотренного частью 5 статьи 327 УК РФ¹.

Несмотря на разъяснения Верховного Суда РФ, достаточно трудным остается вопрос о раз-

граничении деяний, предусмотренных ч. 3 ст. 327 УК РФ и ч. 5 ст. 327 УК РФ. В соответствии с ч. 5 ст. 327 УК РФ определен уголовно-правовой запрет на использование заведомо подложного документа, за исключением случаев, предусмотренных предыдущей нормой.

В ч. 3 ст. 327 УК РФ устанавливается уголовная ответственность за использование определенных видов поддельных документов: паспорта гражданина, удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, штампов, печатей или бланков.

Если используются иные поддельные (подложные) документы, то ответственность будет наступать в соответствии с ч. 5 ст. 327 УК РФ. Использование штампов, печатей и бланков, а также паспорта гражданина, удостоверения исключает применение данной нормы. Исключает такое применение и использование официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей.

Какой поддельный документ должен использовать виновный, чтобы его действия были квалифицированы по ч. 5 ст. 327 УК РФ? Ответ на этот вопрос, казалось бы, содержится в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 43 от 17 декабря 2020 года «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»²: по смыслу ч. 5 ст. 327 УК РФ к заведомо подложным документам относятся любые поддельные документы, удостоверяющие юридически значимые факты, за исключением поддельных паспорта гражданина, удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей (например, подложные гражданско-правовой договор, диагностическая карта транспортного средства). Такое описание предмета преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ, не является исчерпывающим, что может повлечь затруднения у судей при квалификации соответствующего преступления. Исходя из изложенного, к предмету использования заведомо подложного документа по ч. 5 ст. 327 УК РФ может относиться документ, не указанный в ч. 3 ст. 327 УК РФ. Какой документ? Это либо доку-

¹ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12. 2020 № 43. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12. 2020 № 43. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мент неофициальный, либо официальный, но не предоставляющий права или освобождающий от обязанностей. Именно этими критериями определения предмета, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ, вынуждены руководствоваться суды на сегодня. Достаточно ли таких критериев для объективной оценки данного предмета?

Для ответа на поставленный вопрос обратимся к судебной практике. Так, суд, рассмотрев в открытом судебном заседании материалы уголовного дела в отношении А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ, установил, наряду с другими обстоятельствами, что А. совершил использование заведомо подложного документа за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 ст. 327 УК РФ, а именно: заведомо зная, что имеющийся при нем документ является подложным, и имея умысел на использование заведомо подложного документа с целью подтверждения своего законного нахождения на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области 10.04.2020 года около 16 час. 20 мин., находясь у дома, предъявил сотруднику полиции приисканное им из неустановленного источника свидетельство № 624 о регистрации по месту пребывания от 13.11.2019 года, выданное от имени 1 Отделения отдела по Адмиралтейскому району СПб УВМ ГУМВД России по СПб и ЛО на имя А., которое по сведениям 1 Отделения ОВМ УМВД России по Адмиралтейскому району Санкт-Петербурга не выдавалось, при этом адрес регистрации – Санкт-Петербург, ул. Бумажная, д. 22, корп. 2, кв. 134 по административно-территориальному делению не принадлежит территории обслуживания 1 Отделения ОВМ УМВД России по Адмиралтейскому району Санкт-Петербурга, то есть совершил преступление, предусмотренное ч. 5 ст. 327 УК РФ.

В судебном заседании подсудимый А. признал свою вину, согласился с предъявленным ему обвинением в полном объеме. Он был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ¹. В данном случае предмет преступления – поддельное свидетельство о месте пребывания. Относится ли он к составу преступления, закрепленном в ч. 5 ст. 327 УК РФ? Является ли он заведомо подложным документом, который относится к любым поддельным документам, удостоверяющим юридически значимые факты, за исключением поддельных паспорта гражданина, удостоверения или иного официального документа, предостав-

ляющего права или освобождающего от обязанностей?

Попробуем разобраться. Очевидно, что исследуемый предмет преступления не является паспортом или удостоверением. Является ли он официальным документом, предоставляющим права или освобождающим от обязанностей? С уверенностью даем положительный ответ. Ведь согласно п. 1 рассматриваемого постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации под официальными документами, предоставляющими права или освобождающими от обязанностей, в статье 324 Уголовного кодекса Российской Федерации и официальными документами в части 1 статьи 325 УК РФ понимаются такие документы, в том числе электронные документы, которые создаются, выдаются либо заверяются в установленном законом или иным нормативным актом порядке федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления либо уполномоченными организациями или лицами (образовательными, медицинскими и иными организациями независимо от формы собственности, должностными лицами и лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих и некоммерческих организациях, экзаменационными, врачебными и иными комиссиями, нотариусами и пр.) и удостоверяют юридически значимые факты. Свидетельство о месте пребывания соответствует описанным критериям официального документа, предоставляющего права.

Как видится, нас не должен смущать тот факт, что данное определение не отнесено к ч. 3 или ч. 5 ст. 327 УК РФ. Категория «официальный документ» должна пониматься единообразно в законе, тем более относительно однородных норм, коими являются нормы, в отношении которых Верховный Суд РФ дал разъяснения в своем постановлении № 43 от 17 декабря 2020 года. Отметим, что данная категория в нем не раскрыта отдельно применительно к частям 3 и 5 ст. 327 УК РФ.

Приведем еще один показательный пример. Т., управляя автомобилем, был остановлен сотрудниками ИДПС роты ДПС ГИБДД УМВД России по Оренбургской области, и, на законные требования сотрудников полиции, предъявил им поддельное водительское удостоверение, тем самым умышленно, незаконно, без соответствующего разрешения, достоверно зная, что водитель-

¹ Извлечение из дела № 1-17/2020-60. Судебный участок № 60 Санкт-Петербурга (22 июня 2020 года). URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_78/mass-media/news/archive?item=26190015.

ское удостоверение является поддельным, использовал его. Действия подсудимого суд квалифицировал по ч. 5 ст. 327 УК РФ¹. Данное решение вызывает определенные сомнения. Ведь очевидно, что поддельное водительское удостоверение является предметом преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ. Это нашло свое отражение в судебной практике. Например, по другому уголовному делу было установлено, что подсудимый управлял автомобилем и был остановлен сотрудником ДПС ОР ДПС № 2 ГИБДД ГУ МВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. По требованию данного сотрудника водитель предъявил, как заключил эксперт позже, поддельное водительское удостоверение на свое имя. Описанное деяние суд верно квалифицировал по ч. 3 ст. 327 УК РФ².

Помимо поддельного водительского удостоверения, в судебной практике, при квалификации преступления по ч. 3 ст. 327 УК РФ, имеют место и другие предметы преступления. Так, 16.07.2020 постановлен обвинительный приговор Дзержинским районным судом г. Новосибирска в отношении П. Судом установлено, что 06.04.2020 П., осведомленная об увольнении за отсутствие на рабочем месте без уважительной причины, приобрела у неустановленного лица, заведомо поддельный листок нетрудоспособности, содержащий ложные сведения о наличии факта ее нетрудоспособности в нужный ей период, который впоследствии предъявила бухгалтеру в качестве официального документа, освобождающего ее от трудовой деятельности. П. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ³. В сходной ситуации (подсудимый С. с целью сокрытия факта отсутствия на рабочем месте без уважительной причины, фактически не нуждаясь в медицинской помощи, приобрел у неустановленного лица, а затем предъявил по месту работы поддельный листок нетрудоспособности), по другому уголовному делу было принято другое решение – суд квалифицировал преступление согласно ч. 5 ст. 327 УК РФ⁴. Однако, лист нетрудоспособности сле-

дует отнести к предмету преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ, так как это официальный документ установленной формы, освобождающий лицо от исполнения обязанностей, исходящий от уполномоченного лица.

Можно констатировать, что все приведенные примеры относятся к ч. 3 ст. 327 УК РФ. Какие же тогда предметы преступления могут обуславливать уголовную ответственность согласно ч. 5 ст. 327 УК РФ? Исходя из логического толкования рассматриваемых норм, таким предметом, как мы указывали ранее, должен быть либо документ неофициальный, либо официальный, но не предоставляющий права или освобождающий от обязанностей. Относительно существования последнего существуют определенные сомнения, так как любой документ обуславливает наличие определенных прав и обязанностей, либо освобождение от последних. Поэтому, предметом преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ, является неофициальный документ, который не исходит от компетентных органов, но удостоверяет юридически значимые факты. В п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 43 от 17 декабря 2020 года «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»⁵ приводится пример таких предметов – подложные гражданско-правовой договор, диагностическая карта транспортного средства. Действительно, правоприменительная практика справедливо относит к рассматриваемому предмету документы, исходящие не от компетентных органов, а от граждан, например.

Так, подсудимая Т., находясь в помещении ООО «УК ЖКХ», с целью регистрации по месту жительства, желая избежать административной ответственности за проживание гражданина Российской Федерации без регистрации, заполнила бланк заявления о регистрации по месту жительства, в который от имени скончавшейся гражданки внесла заведомо ложные сведения о ее согласии в предоставлении жилого помещения, указав

¹ См.: Приговор № 1-255/2020 от 29 мая 2020 года по делу № 1-255/2020 Дзержинского районного суда г. Оренбурга.

² См.: Постановление о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием по делу 1-6 от 16 января 2020 года. г. Волосово, судебный участок мирового судьи № 5. URL: http://5.lo.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=6134594&delo_id=1540006; См. также сходное решение суда относительно квалификации преступления. URL: http://86.lo.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=1321167&delo_id=1540006.

³ Дзержинский районный суд г. Новосибирска: новости: сайт. URL: http://dzerzhinsky.nsk.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=554.

⁴ См.: приговор мирового судьи Ленинградской области судебного участка № 1 Бокситогорского района от 13 апреля 2020 года (г. Бокситогорск Ленинградской области). URL: http://1.lo.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=2268679&delo_id=1540006.

⁵ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2020 № 43. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в нем паспортные данные почившей и поставив за нее подпись. Далее, продолжая свой преступный умысел, подсудимая, находясь в кабинете начальника домоуправления ООО «УК ЖКХ», действуя умышленно, в личных целях, а также с целью использования заведомо подложного документа – заявления о регистрации по месту жительства, составленного ею, заведомо зная, что он является ложным по содержанию, предоставила его начальнику домоуправления ООО «УК ЖКХ». Данное деяние было верно квалифицировано мировым судьей по ч. 5 ст. 327 УК РФ¹.

В завершении приведем пример, который является показательным относительно характера сложности разграничения ч. 3 ст. 327 УК РФ и ч. 5 ст. 327 УК РФ при определении свойств предмета преступления. 06.11.2019 около 12 часов 30 минут, находясь в помещении ОГИБДД УМВД России по Всеволожскому району Ленинградской области, расположенном по адресу: Ленинградская область, Всеволожский район, город Всеволожск, улица Пермская, дом 48, кабинет № 7, имея умысел, направленный на использование заведомо подложного документа, намереваясь ввести представителя власти в заблуждение, а также с целью избежания привлечения к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 12.27 ч. 2 Кодекса РФ об административных правонарушениях (оставление водителем в нарушение Правил дорожного движения места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся, при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния), умышленно, осознавая общественную опасность своих действий и предвидя наступление общественно опасных последствий, лично предъявил находившемуся при исполнении служебных обязанностей в форменном обмундировании сотрудника органов внутренних дел РФ инспектору группы по розыску ОГИБДД УМВД России по Всеволожскому району Ленинградской области майору полиции, занимающемуся разбором административного материала, заведомо подложный документ - копию выписки из истории болезни на свое имя, после чего, в продолжение своего преступного умысла, преследуя ту же цель, 26.11.2019 около 11 часов 30 минут, находясь в ОГИБДД УМВД России по Всеволожскому району Ленинградской области, расположенному по адресу: Ленин-

градская область, Всеволожский район, город Всеволожск, улица Пермская, дом 48, кабинет № 7, действуя через доверительное лицо, предъявил инспектору группы по розыску ОГИБДД УМВД России по Всеволожскому району Ленинградской области майору полиции заведомо подложный документ - выписку из истории болезни на свое имя, с оттисками печатей и штампов СПб ГБУЗ «Городская больница № 26», то есть совершил преступление, предусмотренное ч. 5 ст. 327 УК РФ². Насколько верна данная квалификация? В приведенном примере обозначены два предмета преступления: копия выписки из истории болезни и выписка из истории болезни. Может ли копия документа быть предметом преступления, предусмотренного статьей 327 УК РФ? Ответ однозначный – нет, так как речь идет в данной статье только о документах, но не об их копиях. Поэтому приговор основан на факте использования поддельной выписки из истории болезни. Является ли она документом? Официальным или нет? Исходя из изложенного и основываясь на позиции Верховного Суда Российской Федерации, можно сделать вывод, что в приведенном примере предметом преступления выступает официальный документ, предоставляющий права или освобождающий от обязанностей, исходящий от компетентного лица, имеющий установленную форму. Тем самым, квалифицировать описанное деяние необходимо по ч. 3 ст. 327 УК РФ.

Результаты

Изложенное свидетельствует о необходимости более четкого определения в Постановлении Пленума ВС РФ признаков заведомо подложного документа, который является предметом преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ. Необходимы и подробные разъяснения для правоприменителя относительно разграничения ч. 3 ст. 327 УК РФ и ч. 5 ст. 327 УК РФ.

Заключение

Таким образом, понимая, что нормы уголовного закона призваны охранять и защищать общественные отношения, должны быть эффективными, и осознавая, что уже внесенные в УК РФ изменения и имеющиеся руководящие разъяснения по вопросам уголовно-правовой борьбы с подделкой, изготовлением, оборотом поддельных

¹ См.: приговор мирового судьи Бокситогорского района Ленинградской области судебного участка № 2 от 15 октября 2020 года. URL: http://2.lo.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=5537578&delo_id=1540006.

² Извлечение из дела № 1- 5/2020: фрагмент приговора мирового судьи судебного участка № 12 Всеволожского района Ленинградской области от 17.08.2020. URL: http://12.lo.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=1545434&delo_id=1540006.

документов, государственных наград, штампов, день практика применения уголовного законодательства относительно рассмотренных вопросов правового регулирования в сфере порядка управления, следует признать, что на сегодняшний день практика применения уголовного законодательства нуждается в дальнейшем совершенствовании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бойцова Ж.А., Калининская Я.С. Новеллы уголовного законодательства в сфере оборота официальных документов, печатей, бланков, штампов и государственных наград // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 98–101.
2. Ефремова М.А. Уголовная ответственность за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 35–39.
3. Komnenić M., Željko B., Spalevic Z. The case of document forgery offenses // Law-Theory and Practice. 2012. Iss. 4-6. Pp. 89–108. URL: https://www.researchgate.net/publication/341050206_The_case_of_document_forgery_offenses_pp.89-108.

REFERENCES

1. Bojцова Zh.A., Kalininskaja Ja.S. Novelty ugodnogo zakonodatel'stva v sfere oborota oficial'nyh dokumentov, pechatej, blankov, shtampov i gosudarstvennyh nagrad [Novels of the Criminal Law in the Sphere of Circulation of Official Documents, Seals, Letterheads, Stamps and State Awards]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2019, no. 7, pp. 98–101. (In Russ.).
2. Efremova M.A. Ugodnaja otvetstvennost' za poddelku, izgotovlenie ili sbyt poddel'nyh dokumentov, gosudarstvennyh nagrad, shtampov, pechatej, blankov [Criminal Liability for Forgery, Production or Sale of Forged Documents, State Awards, Stamps, Seals, Letterheads]. *Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2015, no. 2 (20), pp. 35–39. (In Russ.).
3. Komnenić M., Željko B., Spalevic Z. The Case of Document Forgery offenses. *Law-Theory and Practice*, 2012, no. 4-6, pp. 89–108. URL: https://www.researchgate.net/publication/341050206_The_case_of_document_forgery_offenses_pp.89-108. (In Eng.).

Информация об авторах:

Антонов Антон Геннадьевич,
профессор кафедры трудового права ФБОУ ВО
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: antonovanton1@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2708-020X

Зорина Елена Андреевна,
начальник кафедры трудового права ФБОУ ВО
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: zorina_lena@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4552-0256

Information about the authors:

Anton G. Antonov,
Professor of the Department of Labour Law of Saint-
Petersburg University of State Fire Service of Emercom
of Russia, Doctor of Law, Associate Professor
E-mail: antonovanton1@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2708-020X

Elena A. Zorina,
Head of the Department of Labour Law of Saint-
Petersburg University of State Fire Service of Emercom
of Russia, Ph. D. (Law), Associate Professor
E-mail: zorina_lena@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4552-0256

Информация для цитирования:

Белоусова А.Н. Проблемы и перспективы ресоциализации несовершеннолетних, совершивших преступления // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 2(41). С. 12–20. DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.002.

For citation:

Belousova A.N. Problemy i perspektivy resocializacii nesovershennoletnih, sovershivshih prestuplenija [Problems and Prospects of Resocialization of Minors Having Committed Crimes]. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2021, no. 2(41), pp. 12–20. (In Russ). DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.002.

УДК 343.85

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

А.Н. Белоусова¹

¹ ФГКОУ ВО Воронежский институт МВД России

394065, г. Воронеж, просп. Патриотов, 53

E-mail: velanna22@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0905-4406

Аннотация. Введение: Несовершеннолетних как одну из самых мобильных, развивающихся групп населения, следует рассматривать как генетический, экономический и политический ресурс государства. В современных условиях вызывает озабоченность стабильность удельного веса лиц несовершеннолетнего возраста, ранее совершивших преступления, рост доли групповой преступности, в том числе с признаками организованности. Во многом это обусловлено психофизиологическими особенностями возраста, которые облегчают вовлечение несовершеннолетних в криминальную сферу и определяют характер их противоправного поведения. В зависимости от факторов объективного и субъективного характера последних можно рассматривать как преступников, нарушивших законы, и, в то же время, как жертв негативного воздействия микросреды. В этой связи представляет интерес ресоциализация несовершеннолетних, совершивших преступления, вне зависимости от факта привлечения к уголовной ответственности и (или) форм ее реализации. **Цель:** выявить проблемы и перспективы ресоциализации несовершеннолетних, совершивших преступления. **Методы:** При проведении исследования использовались методы диалектического познания, сравнительно-правовой, формально-логической, статистической. **Результаты:** В результате проведенного исследования автор формулирует этапы коррекции социальных установок и убеждений несовершеннолетних, совершивших преступления, и определяет потенциал заинтересованных субъектов. **Выводы:** Автор приходит к выводу, что ресоциализация несовершеннолетних, совершивших преступления, не может завершаться изменением уже сложившегося отношения к нормам права, обществу, жизни. Ее поступательное движение предполагает дальнейшее развитие, формирование умения влиять на события и принимать корректные с точки зрения права решения.

Ключевые слова: ресоциализация; преступность несовершеннолетних; криминогенность несовершеннолетних; факторы рецидива несовершеннолетних.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF RESOCIALIZATION
OF MINORS HAVING COMMITTED CRIMES

Anna N. Belousova¹

¹ Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
53, Patriots av., Voronezh, Russia, 394065
E-mail: velanna22@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0905-4406

Abstract. Introduction: Minors as one of the most mobile, developing groups of the population should be considered as a genetic, economic and political resource of the state. In modern conditions, the stability of the proportion of minors who have previously committed crimes, the growth of the share of group crime, including those with signs of organization, is of great concern. This is largely due to the psychophysiological peculiarities of age, which facilitate the involvement of minors in the criminal sphere and determine the nature of their illegal behavior. Depending on the factors of objective and subjective nature, the minors can be considered as criminals who have violated the laws, and at the same time, as victims of the negative impact of the microenvironment. In this regard, it is of interest to re-socialize minors who have committed crimes, regardless of the fact of criminal prosecution and (or) the forms of its implementation. **Aim:** to identify the problems and prospects of resocialization of minors who have committed crimes. **Methods:** Methods of dialectical cognition, comparative legal, formal logical and statistical methods were used in the study. **Results:** As a result of the research, the author formulates the stages of correction of social attitudes and beliefs of juvenile delinquents and determines the potential of interested subjects. **Conclusions:** The author comes to the conclusion that the resocialization of minors committing crimes cannot terminate with a change in the already established attitude to the norms of law, society and their lives. Its progress involves further development, the formation of the ability to influence events and make correct decisions from the law point of view.

Keywords: resocialization; juvenile delinquency; crime rate of juvenile delinquents; factors of juvenile recidivism.

Введение

Традиционно процесс ресоциализации рассматривается в рамках пенитенциарной системы. Е.Г. Бугреева, М.Г. Детков, Н.А. Стручков, И.В. Шмаров, А.М. Яковлев и др. определяют его суть во включении осужденного в обычные условия жизни общества, в социально одобряемые отношения. Однако мы полагаем, что такой подход в современных реалиях несколько ограничивает возможности ресоциализации несовершеннолетних, совершивших преступления. Во-первых, несовершеннолетние относятся к специфической демографической группе, которая характеризуется особенностями физиологии, строения и функционирования нервной системы, нравственно-психологическими чертами, механизмом формирования и реализации мотивации. Эти психофизиологические характеристики про-

являются в поведенческих реакциях, содержании социальных ролей и функций, влияют на процесс формирования причин и условий преступлений, совершаемых несовершеннолетними, на содержании и эффективности предупредительных мер. Неслучайно в уголовном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном кодексах в отдельных главах закрепляются особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, порядок и условия расследования уголовных дел с участием несовершеннолетних, условия исполнения некоторых видов наказаний, назначаемых несовершеннолетним.

Во-вторых, опираясь на разработанное криминологией понятие механизма индивидуального преступного поведения, следует понимать, что ресоциализация должна включать ценностно-смысловой (потребности, мотивы, интересы, цели, ценностные ориентации), интеллектуально-

волевой, эмоционально-оценочный (взгляды, интересы, социальные установки) и поведенческий аспекты. Другими словами, ресоциализация должна охватывать внутренние субъективные факторы поведения (преступного) личности и внешние, объективные обстоятельства, их формирующие.

В-третьих, если рассматривать поведение несовершеннолетних, в том числе и противоправное, как следствие социальной действительности, то ресоциализация должна затрагивать и микросоциальное окружение подростка, играющее приоритетную роль в его социализации.

В-четвертых, если говорить о гуманистической позиции уголовного закона, то несовершеннолетние, совершившие преступления, могут и не привлекаться к уголовной ответственности, например, в связи с недостижением возраста уголовной ответственности, либо могут быть освобождены от уголовной ответственности в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия, либо реально не отбывать наказание в воспитательных колониях при помещении в специализированные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа или с назначением исполнения наказания условно. Поэтому ресоциализация как система восстановления социальных связей, ценностей, установок и т.д. не может быть ограничена только рамками исправительного учреждения. Об этом прямо говорит Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹.

Обсуждение

О необходимости активизации мероприятий по ресоциализации несовершеннолетних, совершивших преступления, свидетельствуют статистические данные о преступности этого вида. Они позволяют оценить характер и степень общественной опасности, тенденции и распространенность преступности, криминогенный и виктимогенный потенциал несовершеннолетних. Так, за последние пять лет число преступлений несовершеннолетних снизилось на 29 % (с 53,7 тыс. до 37,7 тыс.), количество лиц несовершеннолетнего возраста, совершивших преступления, – на

38 % (с 48,5 тыс. до 29,8 тыс.). Положительная динамика преступности рассматриваемого вида – уменьшение в среднем ежегодно на 9,2 %, не может не радовать. Так, в 2016 г. снижение составило 13,1 % от АППГ, в 2017 г. – 15,7 %, в 2018 г. – 3,8 %, в 2019 г. – 4,6 %, в 2020 г. – 9,1 % от АППГ. Сокращается и доля детской преступности в общей массе всех преступлений с 4,5 % до 3,7 %². Важным показателем криминальной активности несовершеннолетних выступает коэффициент преступности. Но его изменение с 1158,1 в 2016 г. до 719,2 в 2019 г. не отражает реальной картины – уровень криминогенности несовершеннолетних (657,0) практически совпадает с общероссийским уровнем (723,1)³.

В структуре преступности несовершеннолетних статистика констатирует снижение краж с 63,7 % в 2016 г. до 60,7 % в 2019 г., постоянство доли грабежей и разбоев – 9 % в 2016 г. и 8,9 % в 2019 г., небольшой рост уровня преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ – с 5,3 % в 2016 г. до 5,6 % в 2019 г. Однако отмечается рост насильственных преступлений: на 17 % – убийств, на 16,5 % – изнасилований; умышленных причинений вреда здоровью: на 2,1 % – тяжкого, на 0,4 % – средней тяжести вреда здоровью; вымогательств на – 71 %⁴. Все то, что ранее было присуще взрослой категории преступников, стало реальностью современной подростковой среды. Дерзость, циничность, агрессивность, жестокость, стремление достичь желаемого любыми способами, в том числе преступными, – наиболее характерные черты несовершеннолетних правонарушителей.

В 2019 г. выросло и количество тяжких и особо тяжких, предварительно расследованных преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, на 3,4 % и на 6,9 % соответственно. Вызывает опасение рост групповой преступности (с 42,2 % до 46,8 %), а особую тревогу – рост числа групп с признаками организованности (+4,7 %)⁵. Во многом этому способствует распространение криминальной субкультуры [2, с. 14]. Именно состояние качественных показателей преступности несовершеннолетних позволяет сделать вывод о проблемах в предупре-

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/> (дата обращения 24.12.2020); Состояние преступности за январь-декабрь 2020 года. Москва, 2021. 160 с.

³ Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2019 года и тенденции ее развития: аналитический обзор / ФГКУ «ВНИИ МВД России». Москва, 2020. С. 42.

⁴ Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2019 года и тенденции ее развития: аналитический обзор / ФГКУ «ВНИИ МВД России». Москва, 2020. С. 42.

⁵ Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/> (дата обращения: 24.01.2021).

дательной деятельности. А стабильность удельного веса лиц несовершеннолетнего возраста, ранее совершавших преступления (в среднем ежегодно их доля составляет 25 %), свидетельствует о проблемах института ресоциализации.

Несовершеннолетний возраст является одним из важнейших этапов социализации. В этот период закладывается понимание желаемого и возможного, обязательного и вероятностного, основы будущего общественного сознания, будущее всего общества. Поэтому несовершеннолетних следует рассматривать как генетический, экономический, политический ресурс государства. Однако физическая слабость, неразвитость нервной системы, постоянное изменение гормонального фона, влияющее на поведенческие реакции, подчиненное положение в обществе, особенности взаимоотношений с окружающим миром, с социальной средой и с самими собой ставят детей в положение группы повышенного социального риска. Несовершеннолетних можно рассматривать как преступников, нарушающих законы, и, в то же время, как жертв негативного воздействия окружающей среды. Это обусловлено внушаемостью, доверчивостью, отсутствием жизненного опыта, что облегчает вовлечение в криминальную сферу и определяет характер их противоправного поведения.

В этой связи ресоциализацию несовершеннолетних, совершивших преступления, необходимо рассматривать как социально-правовой процесс, снижающий, ограничивающий, нейтрализующий влияние криминогенных факторов повторного совершения преступления, и расширяющий, совершенствующий социальную жизнь индивида, уже попавшего в поле зрения уголовного закона. М.И. Рожков оценивает ресоциализацию несовершеннолетних правонарушителей как коррекцию социальности, изменение социальных установок и убеждений, сформированных в результате неадекватного восприятия им социальных отношений [2, с. 137]. По мнению С.Н. Лосевой, этот процесс включает в себя разрушение старой (криминогенной) системы ценностей и формирование новой системы взглядов и стереотипов поведения [1, с. 164].

Рассматривая ресоциализацию как воздействие на несовершеннолетнего, совершившего преступление, с целью усвоения им простых правовых, нравственных, культурно-этических норм,

ценностей, необходимых для включения в жизнь общества, и его социальное окружение, первоочередное внимание следует уделить духовно-нравственному воспитанию. Оно выступает основой формирования уважительного отношения к человеку, обществу, государству, закону, нормам, правилам и традициям человеческого общества. Благодаря духовно-нравственному воспитанию подросток осознает непристойность совершенного деяния и необходимость соблюдения правовых норм. На начальном этапе это должно быть сожаление о преступлении, основанное на осознании полноты и глубины его негативных последствий, в первую очередь для себя, своих близких, а потом – для общества. Показателем признания своих ошибок, понимания недопустимости совершения преступления является деятельное раскаяние. По мнению Т.В. Пивоваровой, при формировании нравственности необходимо воздействовать на ум, чувство и волю подростка. Такие этические мотивы как долг, честь, совесть, ответственность в механизме саморегуляции поведения занимают редкое, второстепенное место¹.

Правомерное поведение во многом обусловлено осознанием сущности прав и свобод. Понимание и соблюдение уголовно-правовых запретов свидетельствуют об уважении к закону, а через него – к государству и обществу. Осознание начинается с правового просвещения. В отношении несовершеннолетних оно заключается не в информировании об ответственности за совершенные деяния, а в моделировании кризисных ситуаций, в которых правовые знания помогут найти оптимальный выход. О.Б. Панова предлагает использовать технологию педагогического обеспечения правовой социализации несовершеннолетних, суть которой заключается в создании условий принятия ими ценностей права, постижения смысла правовой жизни. Но для подростков, совершивших преступления, характерны правовая деформация и дефекты правосознания. Их преодоление строится на формировании способности к осмыслению последствий совершаемых действий, тем более подростковому возрасту свойственны сравнения и оценка окружающего мира. Последняя должна основываться на самоанализе и осознании своих переживаний, осмыслении их причин. По мнению О.Б. Пановой, лучше оценивать не себя или конкретную личность,

¹ Пивоварова Т.В. Особенности нравственного воспитания несовершеннолетних осужденных к лишению свободы как один из инструментов ресоциализации // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): сб. тезисов выступлений и докладов участников. Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. Рязань, 2017. С. 341.

а абстрактный образ индивида, оказавшийся в схожей ситуации. Тогда лицо дистанцируется от своей физической ценности, его психика не травмируется и процесс анализа происходит более объективно¹. Это легко сделать, если рядом есть заинтересованные и сочувствующие собеседники, способные выслушать, дать совет, взглянуть на ситуацию со стороны, эмоционально поддерживать. Такую поддержку могут оказать не только представители правоохранительных структур, но и волонтеры. Безусловно, ресоциализацией несовершеннолетних, совершивших преступления, должны заниматься профессионалы. В первую очередь, педагоги и психологи. Их преданность профессии, целеустремленность и альтруизм способствуют формированию социально-значимых навыков, коррекции и замене неприемлемых моделей поведения на социально-одобряемые.

При этом постепенно актуализируются процессы, определяющие личностные преобразования: мотивация, усвоение правового знания, эмоциональное реагирование, рефлексия, преодоление кризиса правовой позиции. Указанная методика побуждает несовершеннолетних к отказу от противоправных убеждений и установок, способствует самокоррекции и саморазвитию, ориентирует на личностные перспективы². Специфическим признаком коррекционно-развивающей технологии педагогического обеспечения ресоциализации несовершеннолетних, совершивших преступления, выступают активизация их желания к ориентации в социальном пространстве; вытеснение из сферы значимостей несовершеннолетних криминальных идеалов и ценностей; зарождение эмпатии к общечеловеческим явлениям и фактам; актуализация рефлексии с позиций моральных норм; пробуждение стремления к утверждению себя в представлениях окружающих как просоциальной личности.

Доказала свою эффективность и методика ведения дневника самоконтроля и саморазвития. Личный пример специалиста (волонтера, педагога или психолога) по заполнению такого же дневника стимулирует подростка на совместное обсуждение прочитанной литературы, собственных переживаний, отношения к литературным образам или реальным лицам. Самооценка с позиции существующих правовых норм развивает способ-

ность к сочувствию и сопереживанию другим людям.

Однако одного понимания правовых норм для правомерного поведения недостаточно. Необходимо развить готовность к выполнению обязанностей и несению ответственности за их неисполнение, в т.ч. и наказанию. Таким образом, ребенок должен сначала понять эти запреты, потом принять, и только после этого наказание за неисполнение установленных правил будет оправданным. Здесь уместно вспомнить о ресурсах религиозных организаций, в том числе русской православной церкви. Она принимает оступившихся членов общества без порицания, осуждения, т.е. такими, какими они есть, и призывает не терять человеческого измерения. Для несовершеннолетнего вера объясняет закономерности и основы бытия, тем самым, определяя жизненные цели, дает надежду на будущее, помогая встать на путь исправления. Возрождение человека в собственных глазах и перед лицом окружающих рождает стремление к духовно-нравственному самосовершенствованию, а оно выступает основой формирования гармонично развивающейся личности. Необходимость отправления религиозных обрядов дисциплинирует, что вселяет понимание значимости законопослушной жизни, учит отказываться от сиюминутных удовольствий и потребительства и преодолевать себя. Считаем, что приобретаемый новый социальный опыт, связанный с осмыслением и принятием прав и обязанностей, ответственности и последствий, учащий преодолевать препятствия на пути реализации жизненных планов, может стать основой для формирования умения у несовершеннолетних выживать в сложных и постоянно меняющихся условиях.

Несовершеннолетние как специфическая категория населения требует особого отношения. Неопытность, конформность, противоречивость, интерес ко всему новому и неизвестному, завышенное самомнение, пониженное чувство контроля и осознания своего поведения, обидчивость и равнодушное отношение к переживаниям других очень ярко характеризуют эмоционально-волевою сферу личности несовершеннолетних, определяя их уязвимость криминогенному влиянию. Эти психофизиологические особенности

¹ Панова О.Б. Педагогический потенциал художественной рефлексии в ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Государственная политика в правоохранительной сфере: правовые, организационные и психологические основы: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Вологда, 2018. С. 65.

² Панова О.Б. Коррекционно-развивающие технологии и их роль в педагогическом обеспечении ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом: сб. тезисов выступлений и докладов участников Междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2018. С. 895.

следует использовать для достижения социально-полезных целей. Подросткам необходимо не только определить эти социально-полезные цели, но и заинтересовать в их достижении. К сожалению, особенности детской психологии таковы, что фактическое времяпровождение закрепляется в привычку, формируя соответствующие потребности [4, с. 65]. Поэтому на первоначальном этапе ресоциализации целесообразнее вовлечь их в деятельность досуговых организаций. Различные формы централизованного отдыха и развития позволяют восстановить утраченные социально полезные коммуникативные связи. Организация работы кружков, секций, школ обязывает соблюдать график посещения, расписание занятий, выполнять требования наставника (тренера, руководителя, педагога), тем самым дисциплинируя, направляя на достижение единой для всех занимающихся цели, учат находить общий язык среди сверстников и т.д. Их посещение расширяет картину мира, увеличивает число субъектов позитивного общения, раскрывает жизненные цели и перспективы. Это особенно важно для несовершеннолетних, совершивших преступления. Они не знают к чему стремиться, считают свою жизнь серой, лишённой эмоциональных красок и надежд. Досуговая деятельность не только обладает развивающим потенциалом, но и меняет внутреннее содержание нравственных качеств. Однако акцентировать внимание следует не на «возможных» достижениях, а на «должном» поведении, которое приведёт к ожидаемому результату.

И на этом этапе следует убедить несовершеннолетнего, совершившего преступление, в возможности проектирования собственного будущего, помочь создать этот образ, внушить уверенность в его достижении через самовоспитание и самореализацию. Важно разъяснить, что всегда можно исправить себя и изменить свою жизнь. Нравственным ресурсом при этом выступают позитивные личностные особенности, на которые можно опираться при планировании профилактических мероприятий. Это могут быть развитые душевные качества, интеллектуальные способности, увлечения, таланты, склонность к независимости, ценность и значимость интересов семьи, потребность в нахождении смысла жизни, необходимость в получении информации, расширяющей границы мировоззрения. Результатом эффективной ресоциализации оступившихся несовершеннолетних должен стать отказ от криминальных идеалов и ценностей, выражающийся в правомёрном поведении. Поиск социально значимых

перспектив и осознание новых целей позволит личности нормализовать отношения с окружающим миром, изменить жизненную позицию, приостановить её нравственное падение. Таким образом, определение жизненных перспектив, прогнозирование своего будущего способно сформировать поведение в настоящем и стать сдерживающим фактором противоправных поступков, снизить общественную опасность личности.

Учитывая, что развитие несовершеннолетних, в том числе и нравственное, протекает противоречиво, неравномерно, рассогласовано, то необходимо выявить и пресечь источники негативного влияния на подростка извне. Множество криминогенных факторов общесоциального характера становятся катализаторами преступного поведения. Это и экономическая нестабильность, и снижение уровня жизни большинства семей, и ослабление инфраструктуры здравоохранения, образования и культуры. Полагаем, что ресоциализацию необходимо рассматривать с позиции комплексности, направленности на улучшение свойств личности и создание необходимых для жизни условий.

Главной платформой социализации подростка, его важнейшей средой существования является семья. Однако не всегда родительскую семью можно назвать педагогически сильной: излишняя строгость, недопущение самостоятельности, чрезмерная опека, завышенные ожидания, конфликтность порождают неуверенность, скрытность, изворотливость, лживость. Внешне благополучные семьи, где родители заботятся лишь о материальной составляющей жизни ребенка, удовлетворяют все его желания и нужды, способствуют выработке у несовершеннолетних иждивенческих настроений. Родительское доверие при низком уровне правосознания и правовой культуры расценивается подростками как ослабление контроля, вседозволенность. А родители нередко скрывают за ним безразличие к жизни ребенка, к её духовной части. Последнее формирует у несовершеннолетних ложную завышенную самооценку, чрезмерную самоуверенность, геройство, разнузданность.

Определённый заряд десоциализации несут в себе так называемые неблагополучные семьи, в которых преобладает нравственная и физическая распущенность. В такой микросреде особенно быстро развиваются порочные привычки, искажённые идеалы, склонность к безделью, отрицательное отношение к труду, к нормам права и морали, негативные навыки поведения и индивидуального мировоззрения. Федеральный закон от

24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹ называет такие семьи находящимися в социально опасном положении. Воспитываясь в рамках девиантной субкультуры семьи и ближайшего окружения, несовершеннолетний не имеет понятия об общечеловеческих ценностях и нормах, у него не формируется модель законопослушного поведения, и дезадаптация его поведения носит антиобщественный характер (о чем свидетельствует факт совершения преступления).

Ценностные ориентации родителей, интересы, идеалы, система взаимоотношений в семье, отношение к ребенку выступают в качестве факторов развития его личности. Образцы поведения, сформированные в родительской семье, становятся наиболее доступными, первыми, а потому более авторитетными для наблюдения и подражания. Часто между родителями и детьми нарушена система межличностного общения, выстроенные годами барьеры непонимания не позволяют им правильно воспринимать друг друга. Без помощи специалиста психолога или педагога решить эту проблему самостоятельно невозможно, поэтому необходимо психологическое сопровождение семьи, сопровождение родительства, родительно-детских отношений [5, р. 495]. До родителей необходимо донести, одновременно привлекая их к воспитательному процессу, что психологическое сопровождение – это не переделка неблагополучной семьи, а поиск ее скрытых возможностей, резервов, которые станут основой будущих взаимоотношений с ребенком. Система взаимоотношений в семье, степень доверия, понимания, взаимопомощи позволяют прогнозировать рецидив в противоправном поведении несовершеннолетних.

Сопровождение рассматривается как поддержка, форма стимулирования осмысления несовершеннолетним, совершившим преступления, себя как личности, обеспечение его наиболее целесообразного и успешного поведения, общения, продвижения в обучении, овладении профессией, необходимой в жизненном и профессиональном самоопределении, побуждение к самостоятельности, самопроявлению, способствующему усвоению новых социальных ролей, накоплению опыта соответствующего социального поведения. Главной целью сопровождения является форми-

рование условий и оказание поддержки для перехода от позиции «Я не могу» к позиции «Я могу сам справиться со своими жизненными трудностями».

Совершение подростком преступления для многих семей выступает кризисной ситуацией. Родители не знают, что им делать, как вести себя с ребенком, куда обратиться за помощью, и нужна ли она. Нарботки психологов по проведению тренингов внутрисемейной коммуникации, формированию родительской ответственности, консультирование родителей по психофизиологическим особенностям несовершеннолетнего возраста, особенностям бесконфликтного общения с ним, создание благоприятных условий для развития в семье доказали свою результативность. Опыт комплексной работы с семьей сотрудников специализированных заведений, в которых пребывают несовершеннолетние, совершившие преступления, показал свою эффективность в рамках проекта «Дом, где тебя ждут!»². Проект направлен на формирование условий для ресоциализации детей, преступивших закон, посредством активизации ресурсов их семей и расширения подготовленности родителей в преодолении девиантного поведения ребенка [3]. В рамках проекта проводились интерактивные тренинги для родителей и несовершеннолетних, позволяющие восстановить детско-родительские отношения и нарушенную коммуникацию, снизить конфликтность, улучшить эмоциональный фон в семье, изменить социальные и бытовые условия жизни подростка; обучение сотрудников КДНиЗП, ЦВСНП, ВК, СИЗО, учебно-воспитательных учреждений закрытого типа педагогическим технологиям, предоставление им алгоритма работы с семьями.

В любом из рассмотренных случаев ресоциализация направлена на коррекцию, восстановление и сохранение внутрисемейных и детско-родительских отношений, поиск и использование духовных и воспитательных возможностей семьи, активное включение ее членов в педагогический процесс, повышение ценности этого социального института и его роли в жизни несовершеннолетнего, рост уровня родительской компетентности. Но, как правило, семья, в которой ребенок совершил преступление, не имеет собственных источников для нейтрализации условий совершения преступления и недопущения его

¹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Аксенова Д.Ф., Ахтамьянова И.И. Социально-психологическое сопровождение ресоциализации несовершеннолетних воспитанников с учетом социокультурной среды пенитенциарного учреждения // Социализация человека в современном мире в интересах устойчивого развития общества: междисциплинарный подход: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Калуга, 2017. С. 232–241.

вновь, не видит способа снижения уровня конфликтности, формирования социально и личностно полезных связей, оздоровления микросреды, создания условий для включения в различные виды позитивной деятельности. Родителям или лицам, их замещающим, нужна квалифицированная психолого-педагогическая помощь.

В связи с популяризацией сети Интернет и социальных сетей многие деструктивные субкультуры активно внедряются в деятельность образовательных организаций, общественных и иных объединений несовершеннолетних¹. Эффективность их влияния обусловлена психофизиологическими факторами виктимности несовершеннолетних. Наибольшую опасность представляет влияние криминальной субкультуры. И общение с несовершеннолетним, совершившим преступления, коснувшимся противоправного мировоззрения, будет своего рода идеологическим противостоянием, к которому необходимо тщательно готовиться. Следует знать современные подростково-молодежные течения, авторитетных лиц или персонажей для подростка, чтобы вести разговор на равных, выяснить слабые стороны аргументации ребенка, чтобы родительская позиция была более убедительна. Необходимо помнить, что современный уклад жизни характеризуется неоднозначностью для всех членов общества, поэтому собственная приверженность правомерным взглядам, идеям толерантности, высокой правовой культуры будут убедительны, нежели критика или пренебрежительность. Однако недостаточно разоблачить криминальную идеологию, мифические романтические образы, создаваемые криминальным миром, необходимо замещать их истинными примерами патриотизма, справедливости, героизма, самоотверженной работы на благо общества, культурными ценностями страны или региона, народа. Учитывая, что важным мотивом поведения несовершеннолетних, совершивших преступления, выступает самоактуализация, необходимо разъяснять, что криминальная идеология не способствует определению несовершеннолетнего места во взрослом мире, а ее ценности носят иллюзорный характер, несет опасность потери своей индивидуальности.

Полагаем, что эффективность работы специалиста будет выше, если он будет взаимодействовать с сотрудниками правоохранительных органов. Последние способны выявить лиц, негатив-

но влияющих на подростка, и пресечь их деятельность. Они же вправе и применить меры принуждения, которые необходимы, пока еще отсутствует внутренний ограничительный барьер противоправной деятельности. Само наличие мер принуждения и потенциальная возможность их применения позволит подростку осознать неотвратимость наказания. Применять принуждение необходимо с осторожностью, не вызывая озлобление несовершеннолетнего, его отторжение от педагогов и сотрудников правоохранительных органов в силу их некомпетентности, несоответствия применяемых мер тяжести совершенного проступка. В этой связи от субъектов ресоциализации требуются не только высокие профессиональные навыки, но и их искренняя заинтересованность в возвращении в социум полноценного и полноправного члена общества. И значимо здесь более не наказание, а стимулирование и поощрение позитивных сдвигов в поведении личности.

Результаты

Ресоциализацию необходимо рассматривать не только как цель, как результат процесса, но и как сам процесс изменения личности под влиянием как внешних, так и внутренних условий.

Полагаем, что работа должна идти по следующим направлениям:

- формулирование и принятие единой концепции ресоциализации несовершеннолетних, совершивших преступления;
- формирование единого эффективного алгоритма взаимодействия всех служб и организаций, обеспечивающего последовательность и преемственность в работе с подростком и семьей;
- постоянный контроль и надзор за семьями, находящимися в социально опасном положении;
- устранение, нейтрализация или блокирование пагубного влияния криминальной субкультуры;
- создание образов истинного героизма и патриотизма;
- оказание правовой, психологической и методической помощи родителям несовершеннолетних, совершивших преступление;
- изменение или замещение иждивенческих и потребительских стереотипов социально полезными и социально одобряемыми привычками;
- определение несовершеннолетним жизненных перспектив и ясных горизонтов.

¹ Противодействие распространению криминальной субкультуры среди несовершеннолетних: методические указания / Р.Б. Иванченко, О.А. Садыкова, А.Н. Щеголева, А.В. Польшиков, С.Г. Родин, Е.А. Буданова. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2019. 55 с.

Заключение

Ресоциализация несовершеннолетних, совершивших преступления, с одной стороны, предусматривает изменение правосознания и поведения, а с другой – способствует самоопределению и самоориентации на основе принятия правовых норм. Этот процесс должен быть постоянным,

ежедневным, преемственным, подчиненным единой цели. Барометром результативности ресоциализации становится четкая правовая позиция подростка, которая отражает устойчивое негативное отношение к криминогенным или аморальным обстоятельствам окружающей среды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лосева С.Н. Процесс ресоциализации несовершеннолетних, осужденных к наказаниям без изоляции от общества // Вопросы педагогики. 2019. № 3. С. 163–166.
2. Рожков М.И. Воспитание свободного человека: педагогическое кредо. Ярославль, 2006. 265 с.
3. Садовникова М.Н., Анищенко А.С. К вопросу о ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей: работа с семьей как основа профилактики преступности несовершеннолетних // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4 (83). С. 104–112.
4. Щеголева А.Н. Виктимологические аспекты ранней профилактики преступности несовершеннолетних: монография / под науч. ред. В.А. Лелекова. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2009. 140 с.
5. Adler F. Criminology and Criminal Justice System. Part III. Types of Crimes. Chapter 12. Crimes against Property / F. Adler, G.O.W. Mueller, W.S. Laufer. New York, McGraw-Hill Higher Education, 2001. 683 p.

REFERENCES

1. Loseva S.N. Process resocialization of minors sentenced to punishment without isolation from society. *Voprosy pedagogiki*, 2019, no. 3, pp. 163–166. (In Russ.).
2. Rozhkov M.I. *Vospitanie svobodnogo cheloveka: pedagogicheskoe kredo* [Education of a Free Person: Pedagogical Credo]. Yaroslavl, 2006, 265 p. (In Russ.).
3. Sadovnikova M.N., Anishchenko A.S. K voprosu o resocializatsii nesovershennoletnih pravonarushitelej: rabota s sem'ej kak osnova profilaktiki prestupnosti nesovershennoletnih [To a Question of Resocialization of Minors in Conflict with Law: Working within a Family as a Basis of the Juvenile Crime Prevention]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik*, 2018, no. 4 (83), pp. 104–112. (In Russ.).
4. Shchegoleva A.N. *Viktimologicheskie aspekty rannej profilaktiki prestupnosti nesovershennoletnih* [Victimological Aspects of Early Prevention of Juvenile Delinquency]. Voronezh: Voronezhskij institut MVD Ros-sii, 2009, 140 p. (In Russ.).
5. Adler F., Mueller G.O.W., Laufer W.S. *Criminology and Criminal Justice System*. Part III. Types of Crimes. Chapter 12. Crimes against Property. New York, McGraw-Hill Higher Education, 2001, 683 p.

Информация об авторе:

Белоусова Анна Николаевна,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
ФГКОУ ВО Воронежский институт МВД России,
кандидат юридических наук, доцент, полковник
полиции
E-mail: velanna22@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0905-4406

Information about the author:

Anna N. Belousova,
Associate Professor of the Department of Criminal Law
and Criminology of Voronezh Institute of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, Ph. D. (Law), Associate
Professor, police colonel
E-mail: velanna22@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0905-4406

Информация для цитирования:

Бровкина А.А. Основные меры по предупреждению и противодействию распространению вероучений общественно опасных религиозных движений в местах лишения свободы // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 2(41). С. 21–28. DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.003.

For citation:

Brovkina A.A. Osnovnye mery po preduprezhdeniyu i protivodeistviyu rasprostraneniyu verouchenii obshchestvenno opasnykh religioznykh dvizhenii v mestakh lisheniya svobody [Basic Measures to Prevent and Counteract the Spread of the Teachings of Socially Dangerous Religious Movements in Places of Detention]. *Journal of the Perm Institute of the Federal Penal Service of Russia*, 2021, no. 2(41), pp. 21–28. (In Russ.). DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.003.

УДК 343.85

**ОСНОВНЫЕ МЕРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ВЕРОУЧЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННО
ОПАСНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

А.А. Бровкина¹

¹ Академия ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1
E-mail: alexandera.brovkina@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9114-3645

Аннотация. Введение: Сфера влияния религиозных движений затрагивает все уровни общественной жизни. Но наиболее опасное проявление религиозного экстремизма в виде сектантства наблюдается в местах лишения свободы. Под влиянием данных течений могут оказаться как осужденные, так и сотрудники или члены их семей. Поэтому профилактика социально опасных форм сектантства в среде осужденных к лишению свободы является одним из важных направлений в деятельности уголовно-исполнительной системы. В целях противостояния формам сектантства сотрудники должны знать отличительные признаки новых религиозных движений деструктивного характера, методы вербовки adeptов, приемы и способы манипулирования сознанием, механизмы противодействия распространению сектантского вероучения. В статье уделяется особое внимание внешним маркерам, по которым сотрудники пенитенциарных учреждений могут идентифицировать лиц, приверженных радикальной религиозной идеологии. **Цель:** теоретически обосновать систему мер по пресечению, предупреждению и противодействию распространению вероучений общественно опасных религиозных движений в учреждениях УИС. **Методы:** Методологическую основу исследования составляют универсальные методы познания, такие как анализ, обобщение, дедукция, а также частнонаучные методы – структурный анализ, сравнительно-правовой метод. **Результаты:** Автором предложен ряд мер, направленных на профилактику деструктивного поведения лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях и являющихся приверженцами идеологии тоталитарного религиозного движения, а также на пресечение распространения экстремистской идеологии в местах лишения свободы. **Вывод:** Мероприятия по борьбе с распространением экстремистской идеологии должны носить не стихийный или ситуативный характер, необходима разработка государственной системы мер идеологического и информационного противодействия радикальной идеологии в исправительных учреждениях.

Ключевые слова: новые религиозные движения; религиозный экстремизм; УИС; секта; деструктивный культ.

BASIC MEASURES TO PREVENT AND COUNTERACT THE SPREAD OF THE TEACHINGS OF SOCIALLY DANGEROUS RELIGIOUS MOVEMENTS IN PLACES OF DETENTION

Aleksandra A. Brovkina¹

¹ Academy of Law and Management of the FPS of Russia

1, Sennaya st., Ryazan, Russia, 390000

E-mail: alexandera.brovkina@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9114-3645

Abstract. Introduction: The sphere of influence of the religious movements affects all the levels of public life. But the most dangerous demonstration of the religious extremism in the form of sectarianism is observed in the places of detention. Under the influence of these trends, both convicts and employees or members of their families may be affected. Therefore, the prevention of socially dangerous forms of sectarianism among those sentenced to imprisonment is one of the most important directions in the activities of the penal system. In order to resist sectarianism forms, penal officers should know how to differ new religious movements of a destructive nature, as well as methods of recruiting adherents, techniques and methods of manipulating consciousness, mechanisms to counteract of sectarian beliefs spread. It is paid particular attention to appearance markers by which prison officers can identify individuals committed to radical religious ideology. **Aim:** to substantiate a system of measures to eliminate, prevent and counteract the spread of the doctrine of socially dangerous religious movements in the institutions of the penal system in theory. **Methods:** Methodological base of the study is presented by universal methods of knowledge, such as analysis, generalization, deduction, as well as private scientific methods – structural analysis, comparative legal method. **Results:** The author proposes a number of measures aimed at preventing the destructive behavior of persons serving sentences in penitentiary institutions and who are adherents of the ideology of the totalitarian religious movement, as well as at suppressing the spread of extremist ideology in detention places. **Conclusion:** Measures to eliminate the spread of the extremist ideology should not be spontaneous or situational, it is necessary to develop a state system of measures for ideological and informational counteraction to radical ideology in penitentiary institutions.

Keywords: new religious movements, religious extremism, penal service, sect, destructive cult.

Введение

Социальная изоляция лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния, провоцирует повышенную тревожность и страх, сопровождается дефицитом внимания и информации, фрустрацией, дезориентацией в нравственных установках, связана с вынужденными ограничениями и лишениями. Все это способствует открытости к восприятию радикальных взглядов и убеждений. Одним из опасных проявлений деятельности деструктивных религиозных движений является распространение идеологии в среде осужденных к лишению свободы, что непосредственно негативно отражается на оперативной обстановке,

затрудняет процессы ресоциализации и социальной адаптации осужденных, а также выступает одним из факторов, дестабилизирующих работу пенитенциарного учреждения. Деятельность религиозных движений деструктивного характера наносит вред психологическому самочувствию личности, ее психическому здоровью, полезным социальным связям. Радикализм в среде осужденных порождает агрессию и насилие, жестокость и враждебность, способствует нарастанию нетерпимости к иной культуре, вере и идеологии. Приверженность осужденных религиозным радикальным взглядам может базироваться на идеологическом протесте против администрации учреждения и государственной власти в целом, вы-

ступать в качестве формы самоутверждения и достижения определенного статуса в среде осужденных или как поиск защиты и поддержки среди определенной категории лиц.

Обзор литературы

Проблема религиозного экстремизма и его распространение в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания, остается актуальной на современном этапе. В исследованиях неоднократно рассматривались общие и частные проблемы противодействия религиозному экстремизму [3, 5]; оперативно-розыскной профилактики террористической и экстремистской деятельности в учреждениях УИС [1]; особенности личности религиозных экстремистов, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы [3].

Обсуждение

Места лишения свободы являются благоприятной средой для распространения религиозно-экстремистской идеологии и ее принятия осужденными. Определяющим фактором является социальная изоляция, которая способствует отчуждению от внешнего мира и противопоставлению тюремного мира социуму. В таких условиях принятие экстремистской религиозной идеологии обусловлено желанием осужденного самоутвердиться, выразить протест против существования в изоляции, уйти от реальности, найти поддержку и защиту у группы лиц, объединенных схожими идеологическими взглядами и антисоциальными установками.

К детерминантам, обуславливающим распространение идеологии религиозных движений деструктивного характера, относят концентрацию в местах лишения свободы большого количества лиц с ярко выраженной девиантно-деструктивной и делинквентной направленностью. Также в исправительных учреждениях содержится высокий процент лиц, страдающих психическими расстройствами (2016 – 111 862 чел., 2017 – 108 197 чел., 2018 – 101 881 чел.)¹. Для них характерна увлеченность идеями, повышенная внушаемость и агрессивность, слабая развитость волевых качеств. Все это делает их более склонными к процессу радикализации.

Следует отметить низкий уровень общего светского и религиозного образования осужденных. Отсутствие критического мышления, знаний основ религиозных вероучений, низкий уровень интеллектуальных способностей приводит к тому, что лицо воспринимает любую идеологию

без должного осмысления. Особенностью тоталитарных религиозных движений является обман при вербовке адепта, умолчание, действие под прикрывающими организациями. Поэтому осужденные, ставшие членами секты еще до начала отбывания наказания, в большей степени не разбираются в основах вероучения, а также культовой деятельности религиозной организации.

Ряд осужденных, отбывающих уголовные наказания в исправительных учреждениях, становятся адептами религиозных организаций радикального характера еще и потому, что видят в основах идеологии сходство с законами криминального мира. Их сближает иерархичность власти внутри субкультуры, закрытость общества для непосвященных, презрение к государственным органам, пренебрежение к закону. Маргинальное отношение к государству проявляется и в мировоззренческих установках представителей радикального ислама, для которых Российское государство является государством неверных. Радикалы Последователи другой тоталитарной секты «Свидетели Иеговы» не признают официальную власть. Они отказываются от исполнения гражданского долга – службы в армии, отрицают государственные праздники, не проявляют уважения и почестей к государственным символам, не участвуют в голосовании и избрании на выборные должности. С точки зрения саентологии негодную личность можно лишить собственности, подавлять, лгать и уничтожать физически. Такие бесчеловечные законы установлены и в криминальной среде.

Наиболее сложным направлением с точки зрения противодействия распространению идеологии деструктивных религиозных течений в учреждениях уголовно-исполнительной системы России являются следственные изоляторы. Большое количество подозреваемых и обвиняемых (наполнение камер карантинного отделения и камер режимных корпусов в различных СИЗО России может составлять от 2 до 100 человек [4]), их постоянное движение не всегда позволяют осуществить раздельное содержание отдельных категорий лиц. Это умело используется адептами религиозных организаций, пропагандирующих экстремистскую идеологию. Лицо, активно пропагандирующее радикальные идеи, нуждается в аудитории, в потенциальных последователях, а также в обмене и пополнении знаний. Все это религиозные лидеры находят в камерах следственных изоляторов. К моменту, когда до

¹ Кулаков А.В. Предупреждение преступного поведения осужденных с психическими девиациями в местах лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2019. 209 с

сотрудников СИЗО дойдет информация о том, что подозреваемый (обвиняемый) занимается распространением экстремистской идеологии, он успеет привлечь достаточное количество сторонников. Решение данной проблемы мы находим в ч. 3 ст. 33 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»¹, где прописана обязанность администрации содержать отдельно от других подозреваемых и обвиняемых лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства и преступлений против мира и безопасности человечества (гл. 29 УК РФ). Однако лица, совершившие иные преступления, и являющиеся адептами тоталитарных религиозных организаций, содержатся в СИЗО с другими подозреваемыми и обвиняемыми, что позволяет им беспрепятственно распространять идеи экстремистского характера. Противостоят распространению сектантской идеологии и вербовки возможно путем своевременного выявления религиозного лидера, что предполагает тесное взаимодействие и обмен оперативной информацией с правоохранительными органами [4].

В соответствии с «Инструкцией по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы»², выявленные лица подлежат обязательной постановке на профилактический учет как изучающие, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие экстремистскую идеологию. Такие мероприятия направлены на решение следующих задач:

- 1) организация профилактической работы деструктивного поведения таких лиц;
- 2) в случае вынесения обвинительного приговора суда информирование отдела безопасности, оперативного и воспитательного отделов исправительного учреждения о деятельности религиозного лидера, и о проведенных в отношении него мероприятиях.

Сектантство в среде осужденных пока не является масштабным явлением, однако, статистика последних лет говорит о распространении среди тюремного населения идей тоталитарных религиозных организаций. Особенно активную прозелетическую работу ведут адепты исламских

религиозных движений экстремистского толка. Так, в 2021 году осужденный лечебно-исправительного учреждения № 1 г. Барнаула был признан виновным в том, что, находясь в местах лишения свободы, проводил с другими заключенными занятия, приобщая их к экстремистской идеологии. В 2020 году вступил в законную силу приговор в отношении осужденного исправительного учреждения УФСИН России по Тверской области в ч. 1 ст. 205.2 УК РФ. Он обвинен в организации на территории колонии религиозно-экстремистской ячейки, пропагандирующей идеологию терроризма. УФСБ России по Пермскому краю в феврале 2020 года проводило проверку в отношении осужденного ИК-12 по ч. 1 ст. 280 УК РФ. Обвиняемый неоднократно демонстрировал группе осужденных запрещенные видеоролики, а также призывал к осуществлению действий экстремистского характера. В декабре 2019 года вступил в законную силу приговор по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ, ч. 1 ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ (склонение к террористической деятельности) в отношении осужденного одной из колоний ГУФСИН России по Иркутской области, который, отбывая наказание, вербовал осужденных в ряды «Исламского государства» – организации, признанной в России террористической. В отношении осужденного исправительного учреждения УФСИН России по Тверской области в декабре 2019 года вступил в силу приговор, вынесенный по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ. Данное лицо предпринимало попытки сформировать в среде осужденных экстремистскую религиозную ячейку, придерживающуюся идеологии террора.

С целью профилактики и противодействия распространения религиозной экстремистской идеологии в местах лишения свободы в 2016 году Правовым управлением ФСИН России был осуществлен мониторинг конфессионального состава осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Численность осужденных, причисляющих себя к верующим, и, следовательно, отождествляющих себя с каким-либо конкретным вероисповеданием, – зарегистрированной централизованной религиозной организацией (или религиозной конфессией), – была равна 143 тыс. 842 чел., что составило 21,3 % от общего числа

¹ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20.05.2013 № 72. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

осужденных¹. Проведенное исследование показало, что большинство лиц конфессионального состава верующих осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, принадлежат к трем основным централизованным религиозным объединениям, преобладающим в исправительных учреждениях ФСИН России: православие, ислам и буддизм. Соответственно оставшаяся доля осужденных является благоприятной почвой для распространения вероучений новых религиозных движений. По чью сторону окажутся эти лица, зависит от прозелитической деятельности представителей традиционных конфессий для нашего государства. Активное сотрудничество ФСИН России с духовенством (особенно с мусульманским) ставит барьер на пути распространения экстремистских идей в колониях и тюрьмах. Служение имамов на регулярной основе в местах заключения способствует предотвращению неверного понимания исламских ценностей. Подписанные в 2017 году соглашения о взаимодействии ФСИН России с Русской Православной Церковью и с Федерацией еврейских общин России, а в 2019 году соглашение о взаимодействии с Центральным духовным управлением мусульман России и Духовным управлением мусульман РФ позволяют защищать религиозные права и свободы как заключенных, находящихся в местах лишения (ограничения) свободы, так и сотрудников пенитенциарных учреждений, обезопасить общество и государство от распространения и культивирования деструктивной идеологии.

Результаты

В отношении лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях и являющихся приверженцами идеологии тоталитарного религиозного движения, могут приниматься дополнительные меры по профилактике сектантства в среде осужденных к лишению свободы. С этой целью используются возможности оперативных подразделений. Профилактическая работа должна проводиться с применением гласных и негласных оперативно-розыскных методов, с использованием оперативной информации, полученной в ходе оперативно-розыскных мероприятий [1, с. 12]. В процессе работы с указанной категорией лиц сотрудникам оперативных подразделений следует уделять большое значение психологическим особенностям личности активных лидеров. В результате проведенных наблюдений можно отметить, что для религиозных экстремистов

наиболее характерными типичными качествами являются нарциссизм, фанатизм и деструктивное поведение [3, с. 28]. Вышеуказанные особенности в определенной степени свойственны каждому человеку, но под воздействием факторов наказания в виде лишения или ограничения свободы они могут деформироваться и принимать крайние формы. К таким факторам можно отнести недостатки национально-религиозного воспитания, неудовлетворенность базовых потребностей, эмоционально-волевые деформации, вызванные стрессовыми ситуациями [6].

Категория осужденных, занимающихся пропагандой экстремистских идей, требует постоянного наблюдения и контроля, а также применения в отношении них мер воспитательно-профилактического воздействия. Личность религиозного фанатика требует всестороннего изучения, выявления причин негативной мотивации поведения, его криминальных связей, привычек и наклонностей. В воспитательном процессе следует использовать возможности родственных и социально полезных связей. Необходимо создать идейный противовес. Носителей радикальной идеологии следует помещать в среду осужденных, исповедующих традиционные для России религиозные верования. Следует донести до их сознания в доступной форме информацию о подмене религиозно-этических ценностей и искажении вероучения. Инструментами этой работы служат пособия по изучению основ веры (ислама, христианства и др.), специальные курсы видеопрограмм или аудиолекций, фильмы и другие материалы, которые можно использовать в целях религиозного просвещения осужденных. В процессе подбора таких материалов сотрудникам отделов воспитательной работы с осужденными целесообразно обращаться за помощью и консультациями к священнослужителям соответствующих конфессий, закрепленным за ИУ [2]. Также в исправительных учреждениях должен быть отлажен процесс по обнаружению и пресечению публичной демонстрации осужденными татуировок или предметов с изображениями нацистской или экстремистской символики.

Для того чтобы предотвратить распространение идей радикального характера в местах лишения свободы следует минимизировать внешние контакты осужденных с их религиозными наставниками. В связи с чем необходимо тщательно проводить проверку лиц, требующих свида-

¹ Епископ Красногорский Иринарх Участие священнослужителей в работе Общественных наблюдательных комиссий по общественному контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания. URL: <https://mroc.pravobraz.ru> (дата обращения: 02.02.2021).

ния с осужденными (в случае, если они являются представителями религиозной, псевдорелигиозной секты, им должно быть отказано в свидании). За лицами, получившими разрешение на свидание, должен быть установлен контроль, что предполагает проверку вещей, литературы, предметов религиозного культа). Следует также контролировать передачи, посылки, бандероли, телефонные переговоры приверженцев экстремистской религиозной идеологии. Сотрудникам оперативных аппаратов необходимо проводить перлюстрацию поступающей осужденным адептам корреспонденции.

Эффективное противодействие радикализации осужденных в местах лишения свободы требует наличие специальных знаний у сотрудников уголовно-исполнительной системы. С этой целью необходимо обеспечить обучение сотрудников, взаимодействующих непосредственно с осужденными адептами; в рамках боевой и служебной подготовки проводить занятия с привлечением специалистов в данной области, а также представителей традиционных религиозных организаций.

Для проведения работы по профилактике и пресечению распространения радикальных религиозных идей необходимо изучать содержание радикальных идей в толковании их носителей, смысловое содержание представлений и ценностей приверженцев радикальных религиозных взглядов. Кроме того, сотрудники пенитенциарных учреждений представляют интерес для лидеров религиозных движений в качестве потенциальных адептов. Сотрудники, сочувствующие или разделяющие идеи тоталитарной деструктивной религиозной организации, могут быть использованы в качестве посредников. Они могут заниматься несанкционированным проносом запрещенных вещей, веществ, предметов и способствовать тем самым ускоренному распространению радикальных взглядов в местах изоляции от общества. Указанные незаконные действия могут существенно дестабилизировать работу исправительных учреждений, а также дискредитировать всю Федеральную службу исполнения наказаний.

Для своевременного выявления лиц, приверженных религиозной экстремистской идеологии, сотрудникам пенитенциарных учреждений следует обращать внимание на внешний вид осужденных, а также предметы религиозного культа. Данная информация может выступать ключевым фактором на стадии раннего выявления лиц, приверженных радикальным религиозным идеям. Общезначимыми признаками внешнего вида

являются гендерные признаки лиц, содержащихся в учреждениях УИС за преступления экстремистской направленности, основанные на идеях радикального ислама. Наиболее часто ряды религиозных экстремистов пополняют молодые, дееспособные лица в возрасте от 20 до 35 лет. Характерной чертой внешности мусульманина, принявшего ислам радикального толка, является наличие бороды, при этом следует отметить, что усы либо коротко подстрижены, либо отсутствуют вообще, а также короткая стрижка волос на голове. Мусульмане - ваххабисты не признают нововведений в исламе, поклонения святым местам, не отмечают Мавлид (день рождения пророка Мухаммеда), отвергают богословско-правовые школы.

По мнению религиозных радикалов, истинными мусульманами являются только саляфиты. Говоря о сопутствующих признаках внешнего облика, следует отметить, что лица могут иметь при себе такие предметы религиозного толка как: коврик для осуществления религиозных обрядов, веточка дерева арак «сивак/мисвак» (средство для чистки зубов), масляные благовония, субха (четки, применяемые в исламе), компас (используется для осуществления религиозных обрядов), несколько полотенец (религия обязывает соблюдать чистоту и регулярно осуществлять омовение), собственные записи религиозного толка, послание на случай своей смерти и т.д. [5, с. 165]. У представителя такого тоталитарного религиозного движения, как «Свидетели Иеговы» при себе будет Библия. Причем именно «Свидетели Иеговы» никогда не пользуются изданиями Синодального перевода, принятыми в Православной Церкви, а также некоторыми протестантскими организациями в России. Если в исходных редакционных данных или на обложке есть слова «Перевод Нового Мира», особенно если это именно «Новый Завет» от 2007 года (причем в исходных данных обязательно будет указано, что издание составлено по «переводу с английского издания «Перевод Нового Мира, исправленного в 1984 году»), то с уверенностью в 100 % можно сказать, что это Свидетель Иеговы. Есть маркеры, по которым можно выявить неоязычников, – это определенные символы, связанные с их религией, которые выполнены в виде татуировок на теле или амулетов. Наиболее распространенным является коловрат – восьмиконечный свастический символ, закрученный вкруг и в правом направлении. Как правило, он окрашен в золотой или, реже, красный цвет. Ряд новых религиозных организаций используют сва-

стику в качестве символа общины; жест «вскидывание правой руки вверх», идентичный фашистскому приветствию, как элемент культовой практики.

Заключение

В целом, назрела необходимость разработки и принятия государственной системы мер идеологического и информационного противодействия радикальной идеологии в исправительных учреждениях, выработки критериев радикализации осужденных в целях их ранней идентификации, проведения анкетирования осужденных и бесед с ними на предмет принадлежности к радикальным религиозным движениям.

Необходимо отметить, что противостоять рас-

пространению радикальной религиозной идеологии возможно только при тесном взаимодействии государственных органов с институтами гражданского общества при активном участии представителей традиционных религиозных конфессий, а также СМИ. Экстремизм, не встречающий сопротивления, приводит к распространению массового страха, социальной неуверенности, вражды и ненависти. Он способен расшатать любое, даже самое благополучное общество, дестабилизируя обстановку и разрушая моральные устои. Поэтому на путях его активного распространения в местах лишения свободы необходимо реализовывать совокупность нейтрализующих предупредительных мер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Артемьев Н.С., Багнычев М.Ю. Оперативно-розыскная профилактика террористической и экстремистской деятельности в учреждениях УИС // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 2(37). С. 10–13.
2. Гарник С.В., Рехтина Н.В. О подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы к пресечению и профилактике распространения религиозного экстремизма среди осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 5. С. 2–5.
3. Кулаков А.В., Родионова О.Р. Личностные особенности осужденных с социальными отклонениями, характерными для мест лишения свободы, и их детерминанты // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 3(38). С. 26–33.
4. Малолеткина Н.С. Правовые проблемы противодействия религиозному экстремизму в СИЗО РФ // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 2. С. 63–67.
5. Нарусланов Э.Ф. Некоторые особенности личности религиозных экстремистов, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Казанский педагогический журнал. 2017. № 5. С. 163–167.
6. Lapshin V.F., Korneev S.A., Kilimbaev R.V. The use of artificial intelligence in criminal law and criminal procedure systems // IOP Conference Series, 1001, 012144 (2020). DOI: 10.1088/1757-899X/1001/1/012144.

REFERENCES

1. Artem'ev N.S., Bagnychev M.Ju. Operativno-rozysknaja profilaktika terroristicheskoj i jekstremistskoj dejatel'nosti v uchrezhdenijah UIS [Operational-Search Prevention of Terrorist and Extremist Activities in the Institutions of the Penitentiary System]. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2020, no. 2, pp. 10–13. (In Russ.).
2. Garnik S.V. Rehtina N.V. O podgotovke sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy k presecheniju i profilaktike rasprostraneniya religioznogo jekstremizma sredi osuzhdennyh [On Issue of Training for Members of Penal Correction System for the Suppression and the Prevention of Spread of Religious Extremism among Convicts]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy*, 2017, no. 5, pp. 2–5. (In Russ.).
3. Kulakov A.V., Rodionova O.R. Lichnostnye osobennosti osuzhdennyh s social'nymi otklonenijami, harakternymi dlja mest lisheniya svobody, i ih determinanty [Personal Characteristics of Convicts with Social Deviations Related to Detention in Correction Facilities and Their Determinants] *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2020, no. 3(38), pp. 26–32. (In Russ.).
4. Maloletkina N.S. Pravovye problemy protivodejstvija religioznomu jekstremizmu v SIZO RF [Legal Problems of Countering Actions to Religious Extremism in the Remand Prisons of the Russian Federation] *Vestnik Samar'skogo juridicheskogo instituta*, 2018, no. № 2, pp. 63–67. (In Russ.).
5. Naruslanov Je.F. Nekotorye osobennosti lichnosti religioznyh jekstremistov, sodержashhihsja v uchrezhdenijah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy [Some Personality Characteristics of Religious Extremists Held in Institutions of the Penal System]. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, 2017, no. 5, pp. 163–168. (In Russ.).
6. Lapshin V.F., Korneev S.A., Kilimbaev R.V. The Use of Artificial Intelligence in Criminal Law and Criminal Procedure Systems. *IOP Conference Series*, 1001, 012144 (2020). DOI: 10.1088/1757-899X/1001/1/012144.

Информация об авторе:

Бровкина Александра Алексеевна,
доцент кафедры философии и истории Академии
ФСИН России, кандидат юридических наук,
подполковник внутренней службы
E-mail: alexandera.brovkina@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9114-3645

Information about the author:

Aleksandra A. Brovkina,
Associate Professor of the Department of Philosophy and
History of the Academy of Law and Management of the
FPS of Russia, Ph. D. (Law), lieutenant-colonel of interior
service
E-mail: alexandera.brovkina@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9114-3645

Информация для цитирования:

Головастова Ю.А., Гордополов А.Н. К вопросу о специальной пенитенциарной ответственности осужденных за совершение злостных проступков в местах лишения свободы // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 2(41). С. 29–37. DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.004.

For citation:

Golovastova Yu.A., Gordopolov A.N. K voprosu o spetsial'noi penitentsiarnoi otvetstvennosti osuzhdennykh za sovershenie zlostnykh prostupkov v mestakh lisheniya svobody [On the Question of Special Penitentiary Responsibility of Convicts for Committing Malicious Offenses in Places of Deprivation of Freedom]. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2021, no. 2(41), pp. 29–37. (In Russ.). DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.004.

УДК 343.827

**К ВОПРОСУ О СПЕЦИАЛЬНОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ОСУЖДЕННЫХ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ЗЛОСТНЫХ ПРОСТУПКОВ
В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Ю.А. Головастова¹, А.Н. Гордополов²

¹ Академия ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1
E-mail: UGolovastova@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2636-7815

² Академия ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1
E-mail: andrei.gordopolov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2880-6124

Аннотация. Введение: В сфере регулирования уголовно-исполнительных отношений представляется актуальным вопрос о совершенствовании мер в отношении осужденных, признанных злостными нарушителями режима отбывания наказания. Важным аспектом достижения цели предупреждения совершения повторных нарушений в исправительном учреждении является привлечение осужденного к пенитенциарной ответственности. Проведенный научный анализ различных точек зрения ученых-пенитенциаристов показал, что отсутствует однозначная позиция, раскрывающая юридическую природу пенитенциарной ответственности. Авторы рассуждают о сущности пенитенциарной ответственности, выявляют ее особенности. В статье раскрываются особенности, характеризующие злостные проступки, отмечается их внешняя схожесть с противоправными деяниями в других отраслях права. В статье авторы рассматривают особенности состава злостного проступка. Кроме того, в работе уделяется внимание проблеме разграничения единичного злостного проступка и однородных повторных нарушений, предусмотренных частью первой и второй статьи 116 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. **Цель:** выявить сущность и содержание специальной пенитенциарной ответственности в отношении осужденных к лишению свободы за совершение злостных проступков. **Методы:** В ходе исследования использованы методы научного познания: диалектический, формально-логический, функциональный, системно-структурный, сравнительно-правовой, а также прием аналогии. **Результаты:** Установлена особая природа специальной пенитенциарной ответственности в отношении злостных нарушителей режима. Сгенерирован состав злостного пенитенциарного проступка. Приведено понятие повторного и дящегося злостного пенитенциарного

проступка. Выявлены обстоятельства, исключаящие злостность пенитенциарного проступка. **Выводы:** В работе формулируется вывод о том, что состав злостного проступка предопределяет привлечение осужденного к специальной пенитенциарной ответственности.

Ключевые слова: злостные нарушители; злостное нарушение; дисциплинарная ответственность; меры взыскания; состав пенитенциарного проступка; специальная пенитенциарная ответственность.

ON THE QUESTION OF SPECIAL PENITENTIARY RESPONSIBILITY
OF CONVICTS FOR COMMITTING MALICIOUS OFFENSES
IN PLACES OF DEPRIVATION OF FREEDOM

Yulia A. Golovastova¹, Andrey N. Gordopolov²

¹ The Academy of Law and Management
of the Federal Penitentiary Service of Russia
1, Sennaya st., Ryazan, Russia, 390000
E-mail: UGolovastova@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2636-7815

² The Academy of Law and Management
of the Federal Penitentiary Service of Russia
1, Sennaya st., Ryazan, Russia, 390000
E-mail: andrei.gordopolov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2880-6124

Abstract. Introduction: In the sphere of regulation of criminal-executive relations, the issue of improving measures against convicts recognized as malicious violators of the regime of serving a sentence is relevant. An important aspect of achieving the goal of preventing the commission of repeated violations in a correctional institution is to bring the convicted person to penitentiary responsibility. The conducted scientific analysis of various points of view of penitentiary scientists has shown that there is no unambiguous position that reveals the legal nature of penitentiary responsibility. The authors discuss the essence of penitentiary responsibility, identify its features. The article reveals the features that characterize malicious offenses, and notes their external similarity with illegal acts in other branches of law. In the article, the authors consider the features of the composition of malicious misconduct. The article also focuses on the problem of distinguishing a single malicious offense from homogeneous repeated violations provided for in parts one and two of Article 116 of the Penal Code of the Russian Federation. **Aim:** to identify the essence and content of special penitentiary responsibility in relation to those sentenced to imprisonment for committing malicious offenses. **Methods:** In the course of the research, the methods of scientific cognition were used: dialectical, formal-logical, functional, system-structural, comparative-legal, as well as the method of analogy. **Results:** The special nature of special penitentiary responsibility in relation to malicious violators of the regime is ascertained. The composition of a malicious penitentiary offense was generated. The concept of repeated and continuing malicious penitentiary offense is given. The circumstances excluding the malice of the penitentiary offense are revealed. **Conclusions:** The authors come to conclusion that the composition of a malicious offense determines the involvement of a convicted person to special penitentiary responsibility.

Keywords: malicious violators; malicious violation; disciplinary responsibility; disciplinary measures; the composition of the penitentiary offense; special penitentiary responsibility.

Введение

Проблему выяснения юридической природы ответственности осужденных к лишению свободы за нарушения режима отбывания наказания можно отнести к разряду коренных проблем науки уголовно-исполнительного права [12, с. 1280]. О понимании ее сущности имеются достаточно спорные точки зрения. Так, одни ученые относят ее к дисциплинарной [9, с. 3], другие рассматривают ее в качестве самостоятельного вида юридической ответственности [4, с. 13], третьи исходят из того, что она относится к специальной ответственности [6, с. 69]. Традиционно в процессе отбывания лишения свободы осужденный вынужден претерпевать карательные правоограничения, так как для него характерно принудительно навязанное поведение, а для администрации исправительного учреждения – доминирующий статус. Следуя логике развития и содержания данных отношений, небезосновательно ряд ученых рассматривают ответственность осужденных за нарушения как дисциплинарную. Тем не менее более убедительной представляется точка зрения профессора А.Е. Наташева, по мнению которого, осужденные к лишению свободы являются субъектами специальной дисциплинарной ответственности [10, с. 15], что предопределяется специальными мерами взыскания и особым порядком их применения. Данная позиция была поддержана рядом его последователей. Нам представляется, что особенности ответственности осужденных к лишению свободы за нарушения режима отбывания наказания обуславливаются, во-первых, пенитенциарной сферой правового регулирования, в рамках которой исполняются уголовные наказания, связанные с изоляцией от общества; во-вторых, характером и степенью вредности совершаемых проступков; в-третьих, объектом пенитенциарных отношений; в-четвертых, системой мер взысканий, применяемых к осужденным; в-пятых, наконец, порядком и сроками применения взысканий. С учетом сказанного мы полагаем, что осужденные, совершая проступки в местах лишения свободы, должны признаваться не только субъектами охранительных пенитенциарных отношений, но и субъектами пенитенциарной ответственности.

Следует признать, что некоторые осужденные склонны совершать, в том числе, злостные проступки. Здесь следует отметить, что в уголовно-исполнительном законодательстве содержится неоднородное громоздкое определение злостного нарушения, закрепляемое в части первой и вто-

рой статьи 116 УИК РФ. К сожалению, сказанное не способствует ясности в понимании признаков злостного нарушителя режима отбывания наказания.

Полагаем, что пенитенциарная ответственность злостных нарушителей режима проявляется в своих, присущих только ей, специфических особенностях, поскольку является частным случаем. Основным аргументом в пользу приведенного вывода является, на наш взгляд, то, что к злостному нарушителю применяются особые меры ответственности, закрепленные в части третьей статьи 116 УИК РФ [2, с. 57]. Речь идет о водворении осужденных в штрафной изолятор на срок до 15 суток, переводе осужденных мужчин в помещения камерного типа либо переводе в одиночную камеру; переводе осужденных мужчин в единые помещения камерного типа на срок до одного года; переводе осужденных женщин в помещения камерного типа на срок до 3 месяцев; водворении в дисциплинарный изолятор на срок 7 суток с выходом на учебу. Заслуживает внимания и то, что специальная пенитенциарная ответственность злостного нарушителя предопределяет его правовое состояние и после отбывания наказания, так как за ним устанавливается административный надзор.

Теоретические основы: состав злостного проступка как основание специальной пенитенциарной ответственности осужденных к лишению свободы

При ознакомлении с видами злостных нарушений осужденных, перечисленных в ч. 1 ст. 116 УИК РФ, становится очевидным, что они имеют явное сходство с административными правонарушениями («мелкое хулиганство», «употребление спиртных напитков либо наркотических средств или психотропных веществ»), уголовными деяниями («уклонение от исполнения мер медицинского характера», «организация преступного сообщества...») [8, с. 153], дисциплинарными нарушениями в трудовой сфере («отказ от работы без уважительных причин...») [5, с. 153]. Вместе с тем сходство злостных проступков осужденных к лишению свободы с указанными видами правонарушений только внешнее, так как первые имеют специфическое содержание за счет особого объекта охранительных пенитенциарных отношений – обеспечение безопасности и установленного порядка отбывания наказания в исправительных учреждениях. Дело в том, что в силу особого факта совершения злостного деяния возникают охранительные пенитенциарные отношения как

реакция государства на посягательство со стороны осужденного на объект пенитенциарной охраны. Это обстоятельство придает злостным проступкам осужденных иное звучание.

Выявленный признак позволяет также признать, что уголовно-исполнительное право тесно взаимодействует с иными отраслями права. По общему правилу институт дисциплинарной ответственности является отраслевым институтом административного права. Тем не менее его присутствие в уголовно-исполнительном праве в уточненном виде – институт пенитенциарной ответственности осужденных – является подтверждением существования межпредметных связей между уголовно-исполнительным правом и административным правом. На указанном примере прослеживается взаимодействие между отраслями права, которое выстраивается по особому алгоритму. Так, в уголовно-исполнительное право проникают чужие термины, понятия, конструкции (на примере приведенных видов правонарушений) из других отраслей права и, впоследствии, они имплантируются в уголовно-исполнительное законодательство, в определенной части трансформируются и приобретают новое наполнение с помощью уголовно-исполнительного характера охранительных пенитенциарных отношений.

Представляется, что правильная квалификация проступков, совершаемых осужденными, имеет огромное юридическое значение, поскольку позволяет отграничивать злостные проступки осужденных от простых проступков, единичные сложные – от повторных проступков. С понятием квалификации нераздельно связано понятие состава проступка (в нашем случае – злостного деяния). В рассматриваемом контексте его предназначение состоит в том, что специальной пенитенциарной ответственности подлежит осужденный к лишению свободы, совершивший злостное деяние, в котором содержатся все объективные и субъективные признаки, характеризующие его поведение как злостное нарушение режима.

Что же конкретно представляет собой специальная пенитенциарная ответственность осужденного к лишению свободы как разновидность юридической ответственности и в чем, в свою очередь, заключается особенность ее содержания по сравнению с общей пенитенциарной ответственностью осужденных? Всегда ли специальная пенитенциарная ответственность осужденных получает свое реальное содержание в виде особых мер взыскания, применяемых к осужденным?

Юридические признаки, образующие состав злостного проступка, представляют собой не случайное сочетание, а органическое единство признаков, где отсутствие хотя бы одного из признаков свидетельствует об отсутствии состава злостного проступка в целом. Всего в составе злостного проступка выделяют четыре элемента, каждый из которых образует группа признаков состава, характеризующих: 1) объект злостного проступка; 2) объективную сторону злостного проступка; 3) субъективную сторону злостного проступка; 4) субъекта злостного проступка.

Объект злостного проступка – это те охраняемые уголовно-исполнительным законодательством общественные отношения, на которые посягает осужденный при совершении злостного деяния. Рассматривая объект злостного проступка, одни ученые понимают под ним установленный в исправительном учреждении правопорядок, регулируемый нормами уголовно-исполнительного права [11, с. 5]. Другие соотносят его с общественными отношениями в сфере режима [3, с. 147]. Справедливости ради отметим, что злостный пенитенциарный проступок может посягать не только на режим отбывания наказания. В статье 9 УИК РФ режим представлен по замыслу законодателя в качестве основного средства исправления осужденного. Целесообразно отметить, что в процессе посягательства злостный пенитенциарный проступок, совершенный осужденным, может наносить ущерб не только установленному порядку отбывания наказания, но и другим объектам пенитенциарной охраны. Дополнительным объектом злостного проступка может выступать не только жизнь и здоровье осужденного и персонала исправительного учреждения, но и честь, достоинство сотрудников исправительного учреждения. В частности, специфические особенности такого злостного деяния, как «организация забастовок или иных групповых неповиновений, а равно активное участие в них», определяются не только характером непосредственного посягательства, где им будет нормальное функционирование исправительного учреждения, но и факультативным объектом – здоровьем осужденных и персонала исправительного учреждения.

Полагаем, что при совершении злостного проступка осужденный, прежде всего, посягает на порядок, установленный в исправительном учреждении. Под ним следует понимать права и свободы отдельных осужденных, сотрудников администрации и иных лиц, принимающих участие в нормальной деятельности исправительного учре-

ждения. Речь идет об особом объекте пенитенциарной охраны.

Объект злостного проступка входит в основание специальной пенитенциарной ответственности, его отсутствие означает и отсутствие состава злостного проступка. По объекту злостного проступка определяется его социальная сущность и повышенная пенитенциарная опасность злостных деяний, отличающих их от простых нарушений режима отбывания наказания.

На наш взгляд, объективная сторона злостного проступка – это внешнее проявление поведения осужденного как процесса посягательства на объекты пенитенциарной охраны. Важнейшей характеристикой злостного деяния осужденного является то, что оно запрещено уголовно-исполнительным законодательством. Как признак объективной стороны злостного проступка, деяние согласно ст. 116 УИК РФ может осуществляться в форме противоправного действия или (бездействия), выражающегося в нарушении осужденным режима отбывания наказания [7, с. 30]. К сожалению, признаки объективной стороны злостных деяний осужденных не раскрываются законодателем в УИК РФ. Действительно, можно в части первой статьи 116 УИК РФ найти лишь перечисление запрещенных действий, совершение которых расценивается в качестве злостных проступков. В этом заключается определенная сложность, так как, не раскрыв в УИК РФ, в чем конкретно состоит злостное деяние, достаточно проблематично качественно определить его сущность без использования существующих межпредметных отраслевых связей.

Иначе обстоит дело с осужденными, которые признаются злостными нарушителями за повторное совершение пенитенциарных проступков, если в течение года они подвергались взысканию в виде водворения в штрафной или дисциплинарный изолятор (часть 2 статьи 116 УИК РФ) за деяния, посягающие на объекты пенитенциарной охраны.

Объективная сторона выражается в совершении в течение года повторных проступков, посягающих на установленные правила отбывания наказания, вследствие которых осужденный привлекается к пенитенциарной ответственности в виде водворения в штрафной или дисциплинарный изолятор (далее по тексту – ШИЗО, ДИЗО). Первично сами по себе такие деяния по отдельности не несут большого общественного вреда, в связи с чем не подпадают под категорию злостного пенитенциарного проступка. Тем не менее солилирующим, решающим отягчающим призна-

ком признается повторность таких допущенных нарушений, в результате чего они переходят в разряд злостных, при условии, что в отношении осужденного применялись водворение в ШИЗО / ДИЗО.

Понятие «повторность», используемое в части второй статьи 116 УИК РФ, не раскрывается в полной мере законодателем в УИК РФ. На наш взгляд, эта категория предполагает совершение осужденным однородного пенитенциарного проступка, посягающего на объект пенитенциарной охраны, если за совершение первого проступка осужденный уже подвергался вышеперечисленным мерам взыскания, по которому не истек годичный срок. Небезынтересным представляется выяснение временного момента исчисления данного срока: годичный срок со дня совершения первого нарушения или календарный год. Мы полагаем, что отправной точкой отсчета годичного срока должна выступать дата вступления в силу вынесенного постановления начальника о взыскании в ШИЗО / ДИЗО.

От повторного проступка осужденного необходимо отграничивать единичный злостный проступок. Такой вывод представляется важным для практики применения специальной пенитенциарной ответственности осужденных за делящиеся проступки, фактический и юридический моменты окончания которых могут не совпадать.

Под делящимся злостным пенитенциарным проступком следует понимать действие (бездействие), выражающееся в длительном непрекращающемся невыполнении или ненадлежащем выполнении возложенных на лицо обязанностей, характеризующееся непрерывным осуществлением противоправного деяния. Делящийся пенитенциарный проступок не прерывается до его пресечения или его прекращения.

Началом делящегося злостного проступка является момент первого выявления проступка сотрудником администрации. Обнаружение деяния не предполагает прекращение осужденным противоправных действий, фактическое окончание злостного нарушения происходит в момент применения к осужденному мер пенитенциарной ответственности. Применение данных мер в полной мере не гарантирует прекращение противоправной деятельности.

Делящимся злостным пенитенциарным проступком является уклонение от исполнения принудительных мер медицинского характера. Проступок осуществляется на протяжении определенного периода, который юридически прекращается в момент его выявления, а фактически –

во время применения к виновному осужденному принудительных мер медицинского характера.

К категории дящихся злостных проступков можно отнести и употребление спиртных напитков либо наркотических средств, психотропных веществ. С момента юридического окончания деяния до фактического его прекращения может пройти определенный срок, в течение которого осужденный может осуществлять злостное деяние.

По конструкции объективной стороны составы злостных проступков подразделяются на формальные и усеченные. Формальный состав характеризуется тем, что объективная сторона злостного проступка включает только общественно вредное злостное деяние, запрещенное УИК РФ (например, употребление спиртных напитков либо наркотических средств; мужеложство; лесбиянство). В этой связи такие злостные проступки, имеющие данный состав, считаются оконченными, если осуществлено деяние. Кроме того, можно встретить и усеченный состав злостного проступка. Он характеризуется тем, что объективная сторона в качестве необходимого признака предусматривает злостное деяние не в полной мере, а лишь частично, в связи с чем оно считается оконченным, если осужденным выполнена часть злостного деяния. Речь идет об изготовлении, хранении или передаче запрещенных предметов.

Субъективная сторона злостного проступка представляет собой совокупность установленных признаков, характеризующих внутреннюю сторону злостного деяния, которая определяется умышленной формой вины, мотивом осужденного и его целями.

Характеризуя субъекта злостного проступка, мы понимаем под ним лицо, отбывающее лишение свободы [1, с. 28], совершившее умышленные, общественно вредные, виновные, пенитенциарно-противоправные деяния, запрещенные УИК РФ, или повторные нарушения, предусмотренные частью второй статьи 116 УИК РФ, посягающие на нормальную деятельность исправительного учреждения и влекущие за собой применение мер пенитенциарного воздействия, предусмотренных пунктами «в», «г», «д» и «е» статьи 115 и пунктом «б» статьи 136 УИК РФ.

Возможность обладания осужденным деликтоспособностью злостного нарушителя режима зависит от ряда обстоятельств, которые связаны с институтом «вменяемости». Если при установлении обстоятельств совершения осужденным деяния, запрещенного статьей 116 УИК РФ, будет установлено, что у осужденного имеется психи-

ческое расстройство, которое мешает ему осознавать опасность своих деяний либо руководить ими, то в этом случае он будет являться негодным субъектом и не приобретет статуса злостного нарушителя. Основываясь на принципах уголовно-исполнительного права, в данном случае необходимо инициировать вопрос об освобождении его от дальнейшего отбывания наказания в соответствии со статьей 81 УК РФ.

Рассматривая вопросы признания осужденных злостными нарушителями, подчеркнем, что не каждый общественно вредный проступок будет признаваться таковым ввиду обстоятельств, включающих злостность деяния. Существуют обстоятельства, при которых фактическое совершение осужденным деяния, предусмотренного статьей 116 УИК РФ, не гарантирует автоматическое признание осужденного злостным нарушителем. Мы имеем в виду те случаи, когда осужденный совершает злостные деяния под влиянием определенных форм насилия со стороны других осужденных – физического или психического. Исходя из общей теории права, такие обстоятельства исключают злостность противоправного проступка, так как осужденный не способен полностью руководить своими действиями (бездействием).

Результаты

Исключительный характер юридической природы пенитенциарной ответственности осужденных за злостные проступки заключается в своеобразной сфере правового регулирования по исполнению уголовных наказаний в виде лишения свободы. Критериями, определяющими ее специальный характер, признаются: характер и степень пенитенциарной опасности злостных деяний, направленность объекта пенитенциарной охраны, системы, порядка и срока применяемых мер дисциплинарного воздействия. Специальная пенитенциарная ответственность в силу своей особенности применения отличается от базового понятия дисциплинарной ответственности. Вместе с тем сущностные проявления деяний, предусмотренные в части первой статьи 116 УИК РФ, имеют сходство с деяниями в других отраслях права.

Говоря о злостных пенитенциарных проступках, необходимо предполагать совершение осужденным самых тяжких деяний в уголовно-исполнительном праве. Соразмерность и целесообразность применяемых мер пенитенциарной ответственности в отношении осужденного устанавливается в зависимости от присутствия в деянии признаков состава злостного проступка. В

ходе проведенного исследования дана характеристика объективных и субъективных признаков поведения злостного нарушителя:

- Объект – это охраняемые уголовно-исполнительным законодательством общественные отношения, на которые посягает осужденный. Под ними можно понимать установленный в исправительном учреждении порядок, процессы исправления, режим – все это возможно обобщить под термином «объекты пенитенциарной охраны». Дополнительный объект определяется в зависимости от конкретного злостного нарушения;

- Объективная сторона – это внешнее проявление поведения осужденного, выраженного в посягательстве на объекты пенитенциарной охраны. При рассмотрении объективной стороны важно ограничивать единичные сложные злостные проступки от повторных проступков;

- Повторный злостный пенитенциарный проступок – это совершение осужденным однородного пенитенциарного проступка, посягающего на объект пенитенциарной охраны, если ранее осужденный за аналогичный проступок подвергался таким мерам дисциплинарного взыскания, как водворение в ШИЗО / ДИЗО, с момента окончания которых не истек годичный срок;

- Длительный злостный пенитенциарный проступок – это деяние, выражающееся в длительном непрекращающемся невыполнении или ненадлежащем выполнении возложенных на лицо обязанностей, характеризующееся непрерывным осуществлением противоправного деяния, не прерывающегося до его пресечения или прекращения;

- Субъективная сторона злостного проступка – это совокупность установленных признаков, характеризующих внутреннюю сторону злостного деяния, которая определяется умышленной формой вины, мотивом осужденного и его целями. Данный признак тесно связан с институтом «вменяемости». При выявлении в деянии обстоятельств, исключающих злостность деяния, применение мер пенитенциарного воздействия в отношении осужденного будет нецелесообразно. Среди таких обстоятельств выделяются факты оказания физического или психического воздействия на осужденного, исключающие волевое совершение проступка;

- Субъект – это лицо, отбывающее лишение свободы, совершившее умышленные, общественно вредные, виновные, пенитенциарно-противоправные деяния, запрещенные УИК РФ, или повторные нарушения, предусмотренные частью второй статьи 116 УИК РФ, посягающие на нормальную деятельность исправительного учреждения и влекущие за собой применение мер пенитенциарного воздействия, предусмотренных пунктами «в», «г», «д» и «е» статьи 115 и пунктом «б» статьи 136 УИК РФ.

Заключение

Специальная пенитенциарная ответственность осужденного за совершение злостного проступка не может существовать без применения к нему специальных мер взыскания. Напротив, в тех случаях, когда меры взыскания были применены к осужденным, а в действительности он не совершал злостный проступок, необходимо признать, что наступили псевдоохранительные процедурные отношения.

Трактовка специальной пенитенциарной ответственности как совокупности особых мер взыскания, применяемых исключительно за злостные деяния, вполне согласуется с вопросами освобождения осужденного от ее реализации. Так, при освобождении от специальной пенитенциарной ответственности осужденного, совершившего злостный проступок, будет признано, что лицо находилось в состоянии невменяемости либо действовало в момент посягательства под влиянием физического или психического принуждения. В этом случае поведение осужденного не расценивается в качестве общественно опасного.

Давая оценку материальному признаку пенитенциарной ответственности как свойству, выступающему в качестве совокупности особых мер взыскания, применяемых к злостному нарушителю, не следует забывать о ее содержательном аспекте. Сам факт вынесения начальником постановления о применении взыскания к злостному нарушителю является составным содержательным компонентом.

Таким образом, исходя из содержания пенитенциарной ответственности за злостные нарушения, необходимо признать, что она является специальной категорией уголовно-исполнительного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Головастова Ю.А. Осужденный как субъект уголовно-исполнительных правоотношений: монография. Рязань: Академия ФСИН России, 2010. 186 с.
2. Гордополов А.Н. Некоторые аспекты исполнения лишения свободы в отношении злостных нарушителей режима отбывания наказания // Юрист Юга России и Закавказья. 2019. № 4(28). С. 56–61.
3. Епанешников В.С. Дисциплинарные меры воздействия на осужденных к лишению свободы как институт исправительно-трудового права: дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Академия МВД РФ, 1993. 221 с.
4. Исиченко А.П., Фумм А.М. О видах юридической ответственности осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 4. С. 12–15.
5. Караваяев А.Н. Особенности дисциплинарной ответственности в трудовых отношениях // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара, 2018. С. 152–156.
6. Комарицкий С.И. Особенности ответственности осужденных // Проблемы функционирования органов, исполняющих наказания: труды Высшей школы МВД СССР. М., 1987. С. 69–94.
7. Конегер П.Е. Дисциплинарная ответственность как разновидность воспитательного воздействия на осужденных к лишению свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 203 с.
8. Корнеев С.А. Сущность и формы реализации уголовной ответственности в соответствии с российским законом // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 4. С. 102–110.
9. Марцев А.И. Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы. Омск: Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1969. 43 с.
10. Натасhev А.Е. Теоретические основы советского исправительно-трудового законодательства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1973. 29 с.
11. Правонарушение и дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы / М.П. Журавлев [и др.]. М.: МВД СССР ВНИИ, 1979. 27 с.
12. Chistyakov A.A., Golovastova Y.A., Chistyakov K.A. Differentiation and integration of the norms of executive law // Lecture notes in networks and systems. 2020. Vol. 129 LNNS. Pp. 1277–1285.

REFERENCES

1. Golovastova Yu.A. *Osuzhdennyi kak sub'yekt ugovovno-ispolnitel'nykh pravootnosheniy* [Convicted as a subject of criminal-executive legal relations]. Monograph. Ryazan, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2010. 168 p. (In Russ.).
2. Gordopolov A.N. Nekotoryye aspekty ispolneniya lisheniya svobody v otnoshenii zlostnykh narushiteley rezhima otbyvaniya nakazaniya [Some aspects of the execution of imprisonment in relation to persistent violators of the sentence serving regime]. *Lawyer of the South of Russia and Transcaucasia*, 2019, no. 4 (28), pp. 56–61. (In Russ.).
3. Epaneshnikov V.S. *Distsiplinarnyye mery vozdeystviya na osuzhdennykh k lisheniyu svobody kak institut ispravitel'no-trudovogo prava* [Disciplinary measures of influence on the sentenced to deprivation of freedom as an institution of corrective labor law]. Moscow, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 1993. 221 p. (In Russ.).
4. Isichenko A.P., Fumm A.M. O vidakh yuridicheskoy otvetstvennosti osuzhdennykh k lisheniyu svobody [On the types of legal responsibility of the sentenced to imprisonment]. *Criminal executive system: law, economics, management*, 2016, no. 4, pp. 12–15. (In Russ.).
5. Karavaev A.N. Osobennosti distsiplinarnoy otvetstvennosti v trudovykh otnosheniyakh [Features of disciplinary responsibility in labor relations]. *Legal science and practice*. Almanac of scientific works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Samara. 2018. Pp. 152–156. (In Russ.).
6. Komaritskiy S.I. Osobennosti otvetstvennosti osuzhdennykh [Features of the responsibility of convicts]. *Problems of the functioning of bodies executing punishment*. Proceedings of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Moscow. 1987. Pp. 69–94. (In Russ.).
7. Koneger P.Ye. *Distsiplinarnaya otvetstvennost' kak raznovidnost' vospitatel'nogo vozdeystviya na osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [Disciplinary responsibility as a kind of educational impact on prisoners sentenced to imprisonment]. Saratov. 2002. 203 p. (In Russ.).
8. Korneev S.A. Sushchnost' i formy realizatsii ugovovnoy otvetstvennosti v sootvetstvi s rossiyskim zakonom [The essence and forms of implementation of criminal liability in accordance with Russian law]. *Bulletin of the Russian Legal Academy*, 2020, no. 4, pp. 102–110. (In Russ.).
9. Martsev A.I. *Distsiplinarnaya otvetstvennost' osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [Disciplinary responsibility of the sentenced to imprisonment]. Omsk. 1969. 43 p. (In Russ.).
10. Natashev A.E. *Teoreticheskiye osnovy sovetskogo ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva* [Theoretical foundations of the Soviet correctional and labor legislation]. Moscow. 1973. 29 p. (In Russ.).
11. Zhuravlev M.P. et al. *Pravonarusheniye i distsiplinarnaya otvetstvennost' osuzhdennykh k lisheniyu svobody*

dy [Offense and disciplinary responsibility of the sentenced to imprisonment]. Moscow, USSR Ministry of Internal Affairs VNIИ. 1979. 27 p. (In Russ.).

12. Chistyakov A.A., Golovastova Y.A., Chistyakov K.A. Differentiation and integration of the norms of executive law. *Lecture notes in networks and systems*, 2020, vol. 129 LNNS, pp. 1277–1285. (In Eng.).

Информация об авторах:

Головастова Юлия Александровна,
профессор кафедры уголовно-исполнительного права
Академии ФСИН России, доктор юридических наук,
доцент
E-mail: UGolovastova@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2636-7815

Гордолопов Андрей Николаевич,
адъюнкт факультета подготовки научно-
педагогических кадров Академии ФСИН России,
старший лейтенант внутренней службы
E-mail: andrei.gordopolov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2880-6124

Information about the authors:

Yulia A. Golovastova,
Professor of the Department of Penal Law of the Acad-
emy of Law and Management of the Federal Penitentiary
Service of Russia, Doctor of Law, Associate Professor
E-mail: UGolovastova@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2636-7815

Andrey N. Gordopolov,
Adjunct of the Faculty of Training Scientific and Peda-
gogical Personnel of the Academy of Law and Manage-
ment of the Federal Penitentiary Service of Russia, senior
lieutenant of interior service
E-mail: andrei.gordopolov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2880-6124

Информация для цитирования:

Завитова С.В. Проблемы деятельности исправительных центров по исполнению наказания в виде принудительных работ // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 2(41). С. 38–47. DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.005.

For citation:

Zavitova S.V. Problemy dejatel'nosti ispravitel'nyh centrov po ispolneniju nakazanija v vide prinuditel'nyh rabot [Problems of the Activity of Correctional Centers for the Execution of Sentences in the Form of Forced Labor]. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2021, no. 2(41), pp. 38–47. (In Russ.). DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.005.

УДК 342.951, 343.81

**ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ
ПО ИСПОЛНЕНИЮ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ**

С.В. Завитова¹

¹ ВИПЭ ФСИН России

160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2

E-mail: zavitova_s@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5936-1482

Аннотация. Введение: В настоящее время особенности правового и организационного обеспечения деятельности исправительных центров являются актуальными, поскольку ими реализуется новый вид наказания в виде принудительных работ. Автором анализируется уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, вносятся предложения по его совершенствованию. Исследуются данные статистики по назначению наказания в виде принудительных работ, материалы судебной практики. **Цель:** выделить проблемы в организации деятельности исправительных центров. **Методы:** Методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают формально-логический, системно-структурный, а также сравнительно-правовой методы. **Результаты:** На основании проведенного исследования автором предложены изменения в УК РФ и УИК РФ в части исполнения наказания в виде принудительных работ. **Выводы:** Принудительные работы относятся к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, что порождает определенные сложности. С одной стороны, осужденные исправительного центра наделены правом самостоятельного передвижения к месту работы и обратно, с другой стороны, они не имеют права свободного перемещения в свободное от работы и ночное время и обязаны проживать в исправительном центре. Анализ практики исполнения принудительных работ показал, что исправительные центры сталкиваются с различными проблемами, которые касаются содержания осужденных различных категорий, привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности, розыска осужденных, уклоняющихся от отбывания принудительных работ, а также трудоустройства осужденных.

Ключевые слова: принудительные работы; исправительные центры; участки, функционирующие как исправительные центры; гуманизация наказания; наказания, не связанные с лишением свободы.

PROBLEMS OF THE ACTIVITY
OF CORRECTIONAL CENTERS FOR THE EXECUTION OF SENTENCES
IN THE FORM OF FORCED LABOR

Svetlana V. Zavitova¹

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia
2, Shchetinina st., Vologda, 160002
E-mail: zavitova_s@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5936-1482

Abstract. Introduction: Actually the mechanisms of legal and organizational support for the activities of correctional centers are relevant, since they implement a new type of punishment in the form of forced labor. The author analyzes the criminal and penal enforcement legislation, makes suggestions for its improvement. The author analyzes the criminal and penal enforcement legislation, makes suggestions for its improvement. The article examines statistical data on the imposition of punishment in the form of forced labor, materials of judicial practice. **Aim:** to identify problems in the organization of correctional centers. **Methods:** The methodological base of the study is a set of methods of scientific knowledge, among which the main place is occupied by formal-logical, system-structural, as well as comparative-legal methods. **Results:** Based on the research, the author proposes to make amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation in terms of the execution of punishment in the form of forced labor. **Conclusions:** Forced labor refers to punishments that are not associated with isolation from society, which creates certain difficulties. On the one hand, convicts of the correctional center have the right to move independently to and from their place of work, on the other hand, they do not have the right to move freely during their free time from work and at night and are obliged to live in the correctional center. The analysis of the forced labor practice has shown that correctional centers face various problems related to the maintenance of convicts of various categories, bringing convicts to disciplinary responsibility, searching for convicts who evade serving forced labor, as well as the employment of convicts.

Keywords: forced labor; correctional centers; facilities functioning as correctional centers; humanization of punishment; non-custodial sentences.

Введение

В связи с гуманизацией уголовной политики все чаще применяется мера наказания в виде принудительных работ как основной вид наказания и как замена наказания на более мягкое в соответствии со ст. 80 УК РФ.

Принудительные работы введены с 1 июля 2017 года Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ как основной вид отбывания наказания. Актуализация реализации данного вида наказания наметилась с принятием Федерального

закона от 27.12.2018 № 540-ФЗ «О внесении изменений в статьи 53.1 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации»². В ч. 2 ст. 53.1 УК РФ были внесены редакционные изменения, предоставляющие возможность замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами при замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания независимо от срока лишения свободы.

Введение нового института в систему уголовных наказаний неизбежно повлияло на принятие судами правовых решений. Количество ходатайств о замене наказания более мягким значительно увеличилось. Так,

¹ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50, ст. 7362.

² См.: О внесении изменений в статьи 53.1 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2018 № 540-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 53, ч. I, ст. 8466.

в 2018 г. их количество составляло 22 142, а в 2019 г. – 81 575.

Организация и правовое регулирование деятельности исправительных центров по исполнению наказания в виде принудительных работ

В отношении принудительных работ установлен особый порядок назначения наказания: если, назначив наказание в виде лишения свободы, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, он постановляет заменить осужденному наказание в виде лишения свободы принудительными работами [3, с. 5].

В случае если судом наказание в виде лишения свободы назначается на срок более пяти лет, принудительные работы применены быть не могут [6, с. 33]. Это положение отражено и в установленных предельных сроках данного вида наказания – принудительные работы назначаются на срок от 2 месяцев до 5 лет (ч. 4 ст. 53.1 УК РФ).

Принудительные работы заключаются в привлечении осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы [3, с. 3].

Место реализации данного наказания, связанное с осуществлением трудовой деятельности, определяется учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы (ч. 3 ст. 53.1 УК РФ). Из заработной платы осужденного к принудительным работам предусмотрено удержание в доход государства, которое подлежит перечислению на счет соответствующего территориального органа уголовно-исполнительной системы. Размер удержания определяется судом в рамках установленного законом предела, который варьируется от пяти до двадцати процентов [1, с. 2]. По данным официальной статистики, в 2019 г. принудительные работы были назначены 1462 осужденным², в 1 полугодии 2020 г. – 446 осужденным³.

Принудительные работы согласно Уголовно-

исполнительному кодексу Российской Федерации (далее – УИК РФ)⁴ относятся к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, что вызывает сложности в организации работы исправительного центра (далее – ИЦ). При этом осужденные ИЦ обладают правом самостоятельного передвижения к месту работы и обратно, а с другой стороны, не имеют права свободного перемещения в свободное от работы и ночное время и обязаны проживать в ИЦ [7, с. 893]. Представляется, что данный вид наказания нельзя в полной мере отнести к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества.

Следует отметить, что наказание в виде принудительных работ во многом схоже с наказанием в виде ограничения свободы до вступления в силу Федерального закона от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы», а также имеет много общего с наказанием в виде лишения свободы⁵, исполняемом в колонии-поселении [4, с. 32].

Как справедливо отмечают А.Ш. Габараев, Д.Е. Дикопольцев, в исправительных центрах и колониях-поселениях осужденные содержатся под надзором администрации, но без вооруженной охраны, проживают в специальных общежитиях и обязаны соблюдать правила внутреннего распорядка учреждения [2, с. 26]. Такой «смешанный» характер принудительных работ существенно усложняет понимание их сути, что в свою очередь сказывается на их практическом применении и, самое главное, исполнении.

Данный вид наказания исполняется ИЦ и участками, функционирующими как исправительные центры, при исправительных учреждениях (далее – УФИЦ).

В соответствии с Положением о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденным Указом Президента РФ от 13.10.2004 № 1314⁶,

¹ Раздел 3 Отчета о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в первой инстанции за 2018, 2019 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 26.01.2021).

² См.: Раздел 3 Отчета о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в первой инстанции за 2019 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 26.01.2021).

³ См.: Раздел 3 Отчета о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в первой инстанции за первое полугодие 2020 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461> (дата обращения: 26.01.2021).

⁴ См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2, ст. 198.

⁵ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы: Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 52, ч. I, ст. 6453.

⁶ См.: Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 42, ст. 4109.

исполнение принудительных работ, а также обеспечение правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде принудительных работ, является одной из основных задач ФСИН России.

Как отмечает ФСИН России, в настоящее время ИЦ и УФИЦ заполнены практически на 90 %. В некоторых субъектах Российской Федерации мест для размещения осужденных нет. Вместе с тем ежедневно судами выносятся постановления о назначении принудительных работ¹. Для решения данной проблемы ФСИН России на постоянной основе осуществляется работа по расширению системы исправительных центров. На сегодняшний день в 75 субъектах Российской Федерации создан 21 ИЦ и 84 участка исправительных учреждений, функционирующих как исправительные центры². Для создания ИЦ рассматривается возможность использования собственных объектов (ликвидируемые исправительные учреждения, участки исправительных учреждений, функционирующих как колонии-поселения, иные объекты), объектов организаций для создания участков ИЦ УФИЦ. Работа по расширению системы исправительных центров продолжается.

ИЦ и УФИЦ являются новыми видами исправительных учреждений с особым правовым статусом, который до конца не определен. ИЦ имеют статус самостоятельного юридического лица, как и колонии-поселения.

В типовом штатном расписании ИЦ основную часть штатной численности сотрудников – 54,1 % (13 единиц) – составляют сотрудники отдела безопасности; 16,67 % (4 единицы) – сотрудники группы тылового обеспечения; 12,5 % (3 единицы) – сотрудники группы организации трудовой деятельности и воспитательной работы; 8,3 % (2 единицы) – сотрудники бухгалтерии³.

Функциями перечисленных ранее структурных подразделений ИЦ являются: решение вопросов осуществления надзора за осужденными, в том числе с применением технических средств надзора и контроля; организация трудоустройства осужденных, воспитательной работы, материально-бытового и тылового обеспечения деятельности.

Согласно приказу ФСИН России от 07.12.2016 № 1018 «Об утверждении уставов федеральных казенных учреждений, подчиненных территори-

альным органам Федеральной службы исполнения наказаний» в уставах ИЦ не предусмотрено осуществление оперативно-розыскной деятельности, а в штате ИЦ (УФИЦ) не предусмотрено наличие должностей оперативного состава. Поэтому остается неурегулированным вопрос профилактики и расследования преступлений, совершаемых осужденными, содержащимися в ИЦ (УФИЦ). Данная проблема неоднократно озвучивалась практическими работниками, выдвигались предложения о введении в штат ИЦ (УФИЦ) должностей оперативных работников.

Вместе с тем при вводе в штат ИЦ (УФИЦ) должностей оперативного состава потребуются дополнительные финансовые затраты на создание условий, необходимых для получения лицензий; обучение соответствующей категории должностных лиц ИЦ (УФИЦ) по направлениям деятельности; заключение договоров (контрактов) с ФГУП «Специальная связь» на осуществление доставки секретной корреспонденции, дополнительного включения в штат ИЦ (УФИЦ) режимно-секретного подразделения; организации круглосуточной охраны зданий и находящихся в них режимных кабинетов; оборудования помещений, предназначенных для ведения секретного делопроизводства, и организации ряда других дополнительных мероприятий для обеспечения требуемого режима секретности.

Отдельный проблемный вопрос возникает с реализацией деятельности УФИЦ. Так, начальниками исправительных учреждений, при которых образованы УФИЦ, отмечаются следующие проблемы:

Во-первых, УФИЦ создает дополнительную нагрузку на начальников ИК; отсутствуют разъяснения по работе с осужденными к принудительным работам, в связи с чем возникают трудности по воздействию на них сотрудников;

Во-вторых, возникают сильные различия в правах у осужденных к принудительным работам и осужденных к лишению свободы, распорядке дня и порядке отбывания наказания; недостаточность правовой регламентации по возможному применению мер дисциплинарного характера. Также не регламентировано, как действовать при возникновении проблемных ситуаций, в том числе связанных с порядком отбывания наказания и распорядком дня. С одной стороны, меры дисци-

¹ См. ФСИН: исправительные центры переполнены. URL: <https://pravo.ru/news/213635/> (дата обращения: 27.01.2021).

² См.: Сайт ФСИН России. URL: <https://fsin.gov.ru/ispravitelnye-tsentry/> (дата обращения: 26.01.2021).

³ Об утверждении типовых структуры и штатного расписания исправительного центра и признании утратившим силу приказа ФСИН России от 04.10.2012 № 460: приказ ФСИН России от 11.08.2016 № 641: ред. от 15.01.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 26.01.2021).

плинарного взыскания в отношении осужденных к принудительным работам имеют право применять только сотрудники УФИЦ, с другой стороны, при совершении осужденными к принудительным работам какого-либо чрезвычайного происшествия, о причинах допущенного, в том числе должен отчитываться начальник исправительной колонии.

Для решения этих проблем единственным эффективным способом будет изменение уголовного законодательства с целью прояснения и уточнения недостающих и противоречащих норм. Также способом решения этих проблем может быть наделение администрации исправительных учреждений руководящими полномочиями по отношению к изолированным участкам, функционирующим как исправительные центры, которые созданы при данных учреждениях.

Следующим проблемным вопросом в деятельности ИЦ (УФКЦ) является содержание в ИЦ впервые осужденных с ранее судимыми. Данная проблема возникла в связи с принятием вышеупомянутого Федерального закона от 27.12.2018 № 540-ФЗ «О внесении изменений в статьи 53.1 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее – УК РФ)¹ и редакционных изменений ч. 2 ст. 53.1 УК РФ.

Осужденные, ранее неоднократно судимые, имеют достаточно высокий уровень криминальной зараженности, существует большая вероятность оказания негативного влияния на лиц, ранее не судимых. Анализ практики показывает, что принудительные работы были назначены лицам по ст. 80 УК РФ и содержались в ИК продолжительный срок за тяжкие преступления. Так, осужденному Н. по приговору Брянского областного суда от 08.05.2017 за совершение тяжких преступлений, предусмотренных ст. 105 и 162 УК РФ, было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 24 года с отбыванием наказания в колонии особого режима. Постановлением Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 23.10.2019 неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменена данному осужденному более мягким наказанием в виде принудительных работ на срок 10 лет 7 месяцев.

Проблемой для ИЦ (УФИЦ) является трудоустройство осужденных, так как исполнение наказания в виде принудительных работ требует привлечения их к труду. Практика исполнения

данного вида наказаний свидетельствует, что администрация ИЦ сталкивается с отсутствием рабочих мест на предприятиях и избытком соискателей для трудоустройства среди лиц, проживающих вблизи производственных мощностей. Кроме того, отсутствие квалификации и каких-либо профессиональных навыков не позволяет лицам, осужденным к принудительным работам, составить какую-либо конкуренцию на рынке труда. Как отмечает В.И. Торговченков, эти обстоятельства характерны для любого вида уголовных наказаний, связанных с трудоустройством осужденных. Отсутствие профессиональных навыков, наличие криминального прошлого, а зачастую и нежелание работать не позволяют обеспечить их занятость на производстве [5, с. 7].

Трудоустройство осужденных осложняется еще и тем, что в ИЦ (УФИЦ) они прибывают без документов (СНИЛС, ИНН, документов об имеющихся квалификациях, военных билетов, полисов обязательного медицинского страхования), что оттягивает процесс трудоустройства на время, необходимое для их изготовления или пересылки.

Еще один проблемный вопрос связан с медицинским обеспечением осужденных, содержащихся в ИЦ (УФИЦ). В уголовно-исполнительной системе Российской Федерации в целях медицинского обеспечения осужденных к лишению свободы организуются лечебно-профилактические учреждения и медицинские части, а для содержания и амбулаторного лечения осужденных, больных открытой формой туберкулеза, алкоголизмом, наркоманией, – лечебные учреждения. Штатным расписанием ИЦ (УФИЦ) не предусмотрены медицинские работники. Согласно действующему законодательству, осужденные, содержащиеся в ИЦ (УФИЦ), получают медицинское обеспечение в медицинских учреждениях Министерства здравоохранения Российской Федерации по полису обязательного медицинского страхования.

Вновь прибывшие осужденные медицинскими сотрудниками не осматриваются, их медицинские документы не исследуются, карантинные отделения не предусмотрены. При совместном содержании больных в общей массе в ИЦ (УФИЦ) существует риск распространения заболеваний среди здоровых осужденных. Осужденный может прибыть в ИЦ (УФИЦ) с инфекционным заболеванием, возможность его изоляции

¹ См.: О внесении изменений в статьи 53.1 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2018 № 540-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 53, ч. 1, ст. 8466.

отсутствует. Также остро встает вопрос с обеспечением осужденных средствами индивидуальной гигиены, в том случае если они не трудоустроены, что необходимо для нормальной жизнедеятельности, соблюдения санитарно-эпидемиологических норм и снижения риска возникновения и развития инфекционных заболеваний. Так как нормами ч. 2 ст. 60.5 УИК РФ предусмотрено, что при отсутствии у осужденных к принудительным работам собственных средств, они обеспечиваются только одеждой, обувью и питанием.

За период с начала применения наказания в виде принудительных работ и по сегодняшний день было выявлено немалое количество недоработок и противоречий в основах деятельности ИЦ (УФКЦ) и, соответственно, возникают проблемы и с процессуальной частью исполнения данного вида наказания.

Существует проблемный вопрос, связанный с рассмотрением судами ходатайств о замене неотбытой части наказания в виде принудительных работ лишением свободы в отношении осужденных, не возвратившихся в исправительный центр по истечении разрешенного срока выезда или самовольно оставивших данное специальное учреждение, место работы и (или) место проживания, определенные администрацией исправительного центра, на срок свыше 24 часов (далее – осужденные, уклонившиеся из исправительного центра).

В соответствии с п. 2 статьи 60.17 УИК РФ осужденный, уклонившийся от отбывания принудительных работ (за исключением уклонившегося от получения предписания, не прибывшего к месту отбывания принудительных работ в установленный предписанием срок), объявляется в розыск администрацией исправительного центра и подлежит задержанию на срок до 48 часов. Данный срок может быть продлен судом до 30 суток.

Вместе с тем в п. 18 ч. 2 ст. 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹ к вопросам, подлежащим рассмотрению судом при исполнении приговора в случае задержания осужденного, уклонившегося из исправительного центра, его заключение под стражу на срок до 30 суток для замены принудительных работ лишением свободы не предусмотрено. Документы в суд по замене наказания в данном случае на основании ч. 3 ст. 60.17 УИК

РФ направляются начальником исправительного центра (УФИЦ), из которого уклонился осужденный, поэтому представление может быть рассмотрено только судом в том муниципальном образовании, где расположено специальное учреждение.

Со дня направления представления и до решения суда осужденный к принудительным работам водворяется в помещение для нарушителей.

При указанном правовом пробеле суды в некоторых регионах Российской Федерации отказываются принимать к рассмотрению ходатайства о заключении под стражу осужденных, уклонившихся из исправительных центров (УФИЦ), по вопросу их заключения под стражу на срок до 30 суток для дальнейшего решения вопроса замены принудительных работ лишением свободы.

Например, 11.08.2019 осужденный К., отбывающий наказание в УФИЦ, не прибыл с работы в установленное время, в связи с чем в последующем был объявлен в розыск. 01.10.2019 данный осужденный был задержан сотрудниками органов внутренних дел и доставлен в ОП. При подаче ходатайства о рассмотрении вопроса заключения под стражу осужденного К. на срок до 30 суток в соответствии с п. 2 ст. 60.17 УИК РФ суд отказал в рассмотрении в связи с отсутствием оснований, предусмотренных в ст. 397 УПК РФ. Сотрудники УФСИН вынуждены были выезжать в г. Новосибирск и доставлять осужденного к месту отбывания наказания для последующего решения вопроса замены принудительных работ лишением свободы.

Кроме этого, на основании ст. 14 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»² задерживать находящиеся в розыске осужденных органы внутренних дел могут на срок до 48 часов. За это время необходимо осужденного доставить в учреждение, из которого он уклонился, чтобы выйти с ходатайством в суд о замене ему наказания.

Учитывая, что осужденный, уклонившийся из исправительного центра (УФИЦ), может быть задержан на территории любого субъекта Российской Федерации (например, уклонился из исправительного центра УФСИН России по Республике Саха (Якутия), а задержан в Белгородской области), оперативно решить вопрос о его доставлении к месту уклонения не представляется возможным. Также в соответствии с ч. 3 ст. 60.17 УИК РФ со дня направления представ-

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.

² О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

ления замены принудительных работ лишением свободы и до решения суда осужденный к принудительным работам водворяется в помещение для нарушителей исправительного центра (УФИЦ), что в указанной ситуации не представляется возможным.

Существует и еще один проблемный вопрос, связанный с отсутствием ответственности за уклонение осужденных от отбывания наказания в виде принудительных работ.

Лица, осужденные к принудительным работам, находящиеся к моменту вступления приговора в законную силу на свободе, осужденные, в отношении которых принято решение о переводе в другой ИЦ (УФИЦ), а также осужденные, которым неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменена принудительными работами, следуют за счет государства к месту отбывания наказания самостоятельно.

Начиная с 2016 г., в связи с открытием ИЦ (УФИЦ) в некоторых субъектах Российской Федерации суды стали привлекать к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, и назначать им наказание в виде принудительных работ. Одновременно с этим при отбытии осужденными к лишению свободы срока, установленного ст. 80 Уголовного кодекса Российской Федерации, суды стали заменять им неотбытую часть наказания в виде лишения свободы на принудительные работы. В связи с имеющимся правом таких осужденных на самостоятельное следование далеко не все из них стали прибывать к месту отбывания наказания и имели намерения уклоняться от исполнения приговора (решения) суда.

Согласно статистическим данным, в 2017 г. на исполнение в органы и учреждения УИС поступило 633 решения судов по исполнению принудительных работ, уклонилось от получения предписания 12 осужденных, не прибыло к месту отбывания наказания в виде принудительных работ в установленный предписанием срок 50 осужденных; в 2018 г. – 2288 решений, уклонилось от получения предписания – 30 осужденных, не прибыло к месту отбывания наказания в виде принудительных работ в установленный предписанием срок 256 осужденных; в 2019 г. – 7485 решений, уклонилось от получения предписания 98 осужденных, не прибыло к месту отбывания наказания в виде принудительных работ в установленный предписанием срок 566 осужденных; в 2020 г. – 7211 решений, уклонилось от

получения предписания 91 осужденный, не прибыло к месту отбывания наказания в виде принудительных работ в установленный предписанием срок 417 осужденных.

Кроме того, не редки случаи уклонения осужденных от принудительных работ уже после прибытия в ИЦ (УФИЦ), так, – в 2017 г. не возвратилось в ИЦ (УФИЦ) по истечении разрешенного срока выезда 2 осужденных, самовольно оставили ИЦ (УФИЦ), место работы и (или) место проживания, определенные администрацией ИЦ (УФИЦ), на срок свыше 24 часов 9 осужденных;

– в 2018 г. не возвратилось в ИЦ (УФИЦ) по истечении разрешенного срока выезда 19 осужденных, самовольно оставили ИЦ (УФИЦ), место работы и (или) место проживания, определенные администрацией ИЦ (УФИЦ), на срок свыше 24 часов 41 осужденный;

– в 2019 г. не возвратилось в ИЦ (УФИЦ) по истечении разрешенного срока выезда 103 осужденных, самовольно оставили ИЦ (УФИЦ), место работы и (или) место проживания, определенные администрацией ИЦ (УФИЦ), на срок свыше 24 часов 244 осужденных;

– в 2020 г. – не возвратилось в ИЦ (УФИЦ) по истечении разрешенного срока выезда 417 осужденных, самовольно оставили ИЦ (УФИЦ), место работы и (или) место проживания, определенные администрацией ИЦ (УФИЦ), на срок свыше 24 часов 307 осужденных¹.

Лица, осужденные к принудительным работам, уклоняются от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания, не прибывают к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок, не возвращаются в ИЦ (УФИЦ) по истечении разрешенного срока выезда, самовольно оставляют ИЦ (УФИЦ), место работы и (или) место проживания, определенные администрацией ИЦ (УФИЦ), на срок свыше 24 часов, в том числе по причине отсутствия какой-либо ответственности за совершение данных нарушений.

Действующим уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации при установлении местонахождения и задержании осужденного, уклоняющегося от принудительных работ, предусмотрено только направление представления в суд для принятия решения о заключении такого лица под стражу и замене принудительных работ лишением свободы.

Несмотря на то, что для розыска таких осужденных затрачиваются существенные бюджетные

¹ См.: Отчет по форме «ФСИН-1», подраздел 15.1 // Информационно-аналитический сборник «Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы». Тверь, 2019, 2020, 2021.

средства, а также имеются случаи совершения ими различных преступлений во время незаконного отсутствия в ИЦ (УФИЦ), никакой ответственности за уклонение от принудительных работ не предусмотрено.

Результаты

Представляется, что для решения проблем, связанных с исполнением наказания в виде принудительных работ, необходимо внести изменения в ст. 80 УК РФ, предусматривающую необходимость учета факта возмещения осужденным вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, а также его поведение в течение всего периода отбывания наказания при рассмотрении вопроса о замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами. При этом предлагается законодательно установить, что в случае замены неотбытой части наказания принудительными работами, срок принудительных работ не может быть выше предела наказания, установленного ч. 2 ст. 53.1 УК РФ. Реализация данных предложений позволит не только снизить сроки наказания в виде принудительных работ до 5 лет, но и минимизировать случаи назначения данного наказания отрицательно характеризующимся осужденным.

Представляется, что развитие принудительных работ как вида наказания должно идти по пути увеличения занятости осужденных при выполнении социально значимых работ, осуществляемых органами местного самоуправления. Как правило, такие работы невысоко оплачиваются, не требуют высокой квалификации исполнителей, но при этом ярко характеризуют внешний облик населенных пунктов и социально значимы.

В целях повышения уровня занятости осужденных администрации ИЦ (УФКЦ) необходимо более тесно взаимодействовать с центрами занятости населения, максимально используя их информацию о наличии вакансий, изучать потребности органов местного самоуправления, своевременно устанавливая участки, где есть нехватка рабочих рук, и заявлять о возможности выполнения осужденными к принудительным работам перечисленных видов хозяйственной деятельности.

Также предлагаем дополнить ч. 7 ст. 53.1 УИК РФ положением, исключающим возможность назначения принудительных работ лицам, большим определенными заболеваниями. К таким заболеваниям следует отнести: активные формы туберкулеза, заболевания, передающиеся половым путем, заразные формы паразитарных кож-

ных заболеваний с незавершенным курсом лечения. Указанные заболевания могут передаваться при бытовых контактах через слюну и воздушно-капельным путем, а также через воду или пищу, в связи с чем инфицирование ими может рассматриваться как условие, создающее угрозу для окружающих.

Для осуществления нормальной жизнедеятельности, соблюдения санитарно-эпидемиологических норм и снижения риска инфекционных заболеваний у осужденных к принудительным работам, не имеющих собственных средств, необходимо дополнить ч. 2 ст. 60.5 УИК РФ, включив в перечень обеспечения осужденных средства индивидуальной гигиены.

Коме этого представляется необходимым внесение изменений в п. 18 ч. 2 ст. 397 УПК РФ, в котором целесообразно предусмотреть в числе рассматриваемых судом вопросов заключение под стражу до 30 суток уклоняющегося от отбывания принудительных работ осужденного, не возвратившегося в исправительный центр по истечении разрешенного срока выезда, или самовольно оставившего данное специальное учреждение, место работы и (или) место проживания, определенные администрацией исправительного центра, на срок свыше 24 часов. При этом целесообразно определить, что суды рассматривают данные вопросы по месту задержания разыскиваемого осужденного.

Для решения проблемы розыска осужденных к принудительным работам представляется необходимым внесение изменений в действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации. А именно, предлагается ввести уголовную ответственность лицам, осужденным к принудительным работам, за уклонение от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания или неприбытие к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок, не возвратившихся в ИЦ (УФИЦ) по истечении разрешенного срока выезда, самовольно оставивших ИЦ (УФИЦ), место работы и (или) место проживания, определенные администрацией ИЦ (УФИЦ), на срок свыше 24 часов.

В связи с этим наименование ст. 314 Уголовного кодекса Российской Федерации следует изложить в следующей редакции: «Статья 314. Уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, от применения принудительных мер медицинского характера, а также от отбывания принудительных работ». Данную статью необходимо дополнить частью четвертой следую-

шего содержания: «4. Уклонение лица, осужденного к принудительным работам, от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания или неприбытие к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок, не возвратившегося в исправительный центр по истечении разрешенного срока выезда, самовольно оставившего исправительный центр, место работы и (или) место проживания, определенные администрацией исправительного центра, на срок свыше 24 часов – наказывается лишением свободы на срок до одного года».

Часть пятую ст. 60.2 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации следует дополнить: «в случае вынесения такого решения рассматривается вопрос о привлечении осужденного к ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации». Часть третью ст. 60.17 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации

необходимо дополнить: «В случае вынесения судом решения о замене неотбытой части наказания к принудительным работам лишением свободы рассматривается вопрос о привлечении осужденного к ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Заключение

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в условиях современности поиск наиболее актуальных направлений с целью повышения эффективности реализации нового института наказаний – принудительных работ – никогда не прекращается. Практика применения принудительных работ выявляет недостатки данного вида наказания, которое, как представляется, со временем укрепитя таким образом, что при его применении не будет возникать проблем, касающихся основ процесса исполнения наказания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авдеева Е.В. Актуальные вопросы реализации принудительных работ в условиях реформы уголовно-уголовно-исполнительного законодательства // Адвокатская практика. 2020. № 3. С. 21–25.
2. Габараев А.Ш., Дикопольцев Д.Е. Принудительные работы в системе наказаний, альтернативных лишению свободы: проблемы теории и практики // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2019. № 2. С. 25–27.
3. Давыденко А.В. Актуальные вопросы применения принудительных работ // Адвокатская практика. 2018. № 1. С. 3–8.
4. Мельникова Н.А. Актуальные вопросы исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы // Вестник Пермского института ФСИН России. 2013. № 3(10). С. 31–34.
5. Торговченков В.И. Актуальные проблемы теории и практики гуманизации исполнения уголовных наказаний на примере принудительных работ // Законность. 2018. № 8. С. 6–9.
6. Торговченков В.И., Плужников Д.Ю. Принудительные работы – самостоятельный вид наказания или только альтернатива лишению свободы? // Законность. 2018. № 12. С. 32–35.
7. McNeill F., Dawson M. Social Solidarity, penal evolution and probation // British Journal of Criminology. 2014. Iss. 54. Pp. 892–907.

REFERENCES

1. Avdeeva E.V. Aktual'nye voprosy realizacii prinuditel'nyh rabot v uslovijah reformy ugovnogo i ugovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva [Relevant Issues of Correctional Labor Implementation in Conditions of the Reform of Criminal and Penal Laws]. *Advocate's Practice*, 2020, no. 3, pp. 21–25. (In Russ.).
2. Gabaraev A.Sh., Dikopoltsev D.E. Prinuditel'nye raboty v sisteme nakazanij, al'ternativnyh lisheniju svobody: problemy teorii i praktiki [Compulsory Labor in the System of Punishments Alternative to Imprisonment: Issues of Theory and Practice]. *Ugolovno-Ispolnitel'naja Sistema: Pravo, Ekonomika, Upravlenie*, 2019, no. 2, pp. 25–27. (In Russ.).
3. Davydenko A.V. Aktual'nye voprosy primenenija prinuditel'nyh rabot [Relevant Issues of Compulsory Labor Application]. *Advocate's Practice*, 2018, no. 1, pp. 3–8. (In Russ.).
4. Melnikova N.A. Aktual'nye voprosy ispolnenija ugovnyh nakazanij, ne svjazannyh s lisheniem svobody [Topical Issues of Execution of Criminal Punishment not Involving Deprivation of Liberty]. *Vestnik of Perm Institute of the Federal Penal Service*, 2013, no. 3(10), pp. 31–34. (In Russ.).
5. Torgovchenkov V.I. Aktual'nye problemy teorii i praktiki gumanizacii ispolnenija ugovnyh nakazanij na primere prinuditel'nyh rabot [The Topical Problems of Theory and Practice of Humanization of Enforcement of Criminal Sanctions as Exemplified by Compulsory Labour]. *Zakonnost Journal*, 2018, no. 8, pp. 6–9. (In Russ.).
6. Torgovchenkov V.I., Pluzhnikov D.Yu. Prinuditel'nye raboty – samostojatel'nyj vid nakazaniya ili tol'ko al'ternativa lisheniju svobody? [Compulsory Labour – an Independent Type of Punishment or just an Alternative to Deprivation of Liberty?] *Zakonnost Journal*, 2018, no. 12, pp. 32–35. (In Russ.).

7. McNeill F., Dawson M. Social Solidarity, Penal Evolution and Probation. *British Journal of Criminology*, 2014, no. 54, pp. 892–907. (In Eng.).

Информация об авторе:

Завитова Светлана Васильевна,

начальник кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник внутренней службы

E-mail: zavitova_s@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5936-1482

Information about the author:

Svetlana V. Zavitova,

Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Faculty of Law of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ph. D. (Law), Associate Professor, lieutenant colonel of interior service

E-mail: zavitova_s@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5936-1482

Информация для цитирования:

Кутаков Н.Н. Уголовно-правовая охрана сотрудника пенитенциарного учреждения: зарубежный опыт государств – участников СНГ и современное отечественное законодательство // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 2(41). С. 48–59. DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.006.

For citation:

Kutakov N.N. Ugolovno-pravovaja ohrana sotrudnika penitenciarного uchrezhdenija: zarubezhnyj opyt gosudarstv – uchastnikov SNG i sovremennoe otechestvennoe zakonodatel'stvo [Criminal and Legal Protection of a Penitentiary Employee: Foreign Experience of the CIS Member States and Modern Domestic Legislation]. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2021, no. 2(41), pp. 48–59. (In Russ.). DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.006.

УДК 343.8

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА СОТРУДНИКА ПЕНИТЕНЦИАРНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ
И СОВРЕМЕННОЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО**

Н.Н. Кутаков¹

¹ Академия ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1
E-mail: kutakov.n.n@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6593-8524

Аннотация. Введение: Современная статистика о случаях оскорбления и применения насилия в отношении сотрудников исправительных учреждений ФСИН России свидетельствует не столько о сложной оперативной обстановке в местах лишения свободы и содержания под стражей, сколько об отсутствии эффективных уголовно-правых норм, направленных на охрану чести и достоинства, жизни и здоровья указанных лиц от преступных посягательств со стороны осуждённых, подозреваемых и обвиняемых. Таким образом, можно сказать, что созрела необходимость поиска апробированных способов решения указанной проблемы. В этом контексте анализ уголовного законодательства государств-участников СНГ является наиболее перспективным с учетом возможности имплементации уголовно-правовых норм данных государств в российское законодательство. **Цель:** изучение международного опыта уголовно-правовой охраны чести и достоинства, жизни и здоровья сотрудника пенитенциарного учреждения с целью дальнейшей имплементации данных норм в российское законодательство. **Методы:** Использовались общенаучные методы (анализ, синтез), а также частнонаучные методы получения нового знания (сравнительно-правовой, формально-логический). **Результаты:** Проведенный анализ уголовного законодательства государств-участников СНГ позволил определить пути повышения эффективности правовой охраны чести и достоинства, жизни и здоровья сотрудника пенитенциарного учреждения. **Выводы:** Автором сделаны выводы о необходимости пересмотра действующих санкций статей, предусматривающих ответственность за публичное оскорбление, применение насилия либо угрозу его применения в отношении сотрудника пенитенциарного учреждения.

Ключевые слова: уголовная охрана; охрана жизни и здоровья сотрудника пенитенциарного учреждения; оскорбление представителя власти; международный опыт; национальное уголовное законодательство; Модельный уголовный кодекс государств – участников

© Кутаков Н.Н., 2021

CRIMINAL AND LEGAL PROTECTION OF A PENITENTIARY EMPLOYEE:
FOREIGN EXPERIENCE OF THE CIS MEMBER STATES
AND MODERN DOMESTIC LEGISLATION

Nikolay N. Kutakov¹

¹ Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

1, Sennaya st., Ryazan, Russia, 390000

E-mail: kutakov.n.n@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6593-8524

Abstract. Introduction: Modern statistics on cases of insults and use of violence against employees of correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia indicate not so much the difficult operational situation in places of deprivation of liberty and detention, but the lack of effective criminal law norms aimed at protecting the honor and dignity, life and health of these persons from criminal attacks by convicts, suspects and accused. That is why there is a need to find proven ways to solve this problem. In this context, the analysis of the criminal legislation of the CIS member states is the most promising, taking into account the possibility of implementing the criminal law norms of these states in Russian legislation. **Aim:** to study the international experience of criminal law protection of honor and dignity, life and health of a prison officer with the aim of further implementation of these norms in Russian legislation. **Methods:** There have been used general scientific methods (analysis, synthesis), as well as specific scientific methods of obtaining new knowledge (comparative legal, formal logical) were used. **Results:** The analysis of the criminal legislation of the CIS member states allowed us to identify ways to improve the effectiveness of legal protection of the honor and dignity, life and health of a prison officer. **Conclusions:** The author draws conclusions about the need to review the existing sanctions of articles that provide for liability for public insult, the use of violence or the threat of its use against an employee of a penitentiary institution.

Keywords: criminal protection; protection of the life and health of a prison officer; insulting a representative of the authorities; international experience; national criminal legislation; Model Criminal Code of the CIS member states, disorganization of the activities of institutions that provide isolation from society.

Введение

В последнее время уголовно-правовые нормы об охране чести и достоинства, жизни и здоровья сотрудника правоохранительного органа, в частности сотрудника исправительного учреждения, становятся объектом критики, как со стороны научного сообщества, так и со стороны правоприменителя. При этом наиболее эффективным способом поиска обоснованных и апробированных решений имеющихся проблем действующего уголовного законодательства Российской Федерации является анализ специальных уголовно-правовых норм стран ближнего зарубежья об ответственности за посягательства на указанные объекты уголовно-правовой охраны, об-

мен имеющимся опытом по его применению и национальное сотрудничество [5, с. 487]. Как показывает практика, обращение к законодательскому опыту зарубежных стран позволяет оптимизировать отечественную правовую систему в соответствии с положительным опытом правовых систем других государств [1, с. 77].

Сравнительно-правовой анализ норм об охране чести и достоинства, жизни и здоровья сотрудника пенитенциарного учреждения уголовных законодательств государств – участников СНГ

Выбор стран обоснован тем, что выйдя из Союза Советских Социалистических Республик, государства-участники Содружества Независи-

мых Государств (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан) формировали своё уголовное законодательство на основе рекомендаций единого законодательного акта – Модельного уголовного кодекса (далее – МУК СНГ). Наличие такого подхода к построению уголовных кодексов (далее – УК) может способствовать процессу имплементации уголовно-правовых норм стран СНГ в российское законодательство.

Помимо основ уголовного законодательства, закрепленных в общей части МУК СНГ, данный нормативно-правовой акт определял и составы преступлений, в том числе и против порядка управления (глава 33), к которым относил: применение насилия в отношении представителя власти (ст. 310); оскорбление представителя власти (ст. 312); воспрепятствование деятельности учреждений, исполняющих наказание, и учреждений предварительного заключения (ст. 313)¹.

Приведенные статьи МУК СНГ указаны неслучайно. Именно они явились источниками действующих статей уголовных кодексов государств – участников СНГ, направленных на охрану чести и достоинства, жизни и здоровья представителя власти, к которым относится и сотрудник пенитенциарного учреждения.

С целью поиска новых эффективных подходов к охране чести и достоинства, жизни и здоровья сотрудника пенитенциарного учреждения, разберем подробно особенности национального уголовного законодательства данных государств.

Как уже было сказано ранее, ст. 310 МУК СНГ закрепляла ответственность за применение насилия в отношении представителя власти. Она состояла из 2 частей, классифицируя противоправные действия (насилие) в отношении представителя власти в зависимости от уровня их опасности для жизни и здоровья потерпевшего. Так, насилие, не опасное для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия признавались преступлением средней тяжести, а насилие, опасное для жизни или здоровья – тяжким преступлением.

В уголовных кодексах всех рассматриваемых государств, за исключением законодательства Республики Узбекистан, содержатся специальные нормы, предусматривающие ответственность за применение насилия либо угрозу его применения в отношении представителя власти. При этом в большинстве своем уголовное законодательство рассматриваемых государств даже сохранило расположение данных статей в главах, содержащих составы преступлений против порядка управления (7 государств – участников СНГ: Российская Федерация (ст. 318 УК), Азербайджанская Республика (ст. 315 УК), Республика Армения (ст. 316 УК), Республика Беларусь (ст. 364 УК), Республика Таджикистан (ст. 328 УК), Республика Казахстан (ст. 380 УК), Кыргызская Республика (ст. 355 УК).

Оставшиеся два государства – Республика Молдова, Республика Узбекистан избрали другой подход. Так, в УК Республики Молдова вовсе отсутствует глава, содержащая статьи об ответственности за совершение преступлений против порядка управления. Ответственность за применение насилия либо угрозу его применения в отношении сотрудника пенитенциарного учреждения предусмотрена ст. 349 «Угроза или насилие в отношении должностного лица или лица, выполняющего общественный долг» УК Республики Молдова, расположенной в главе 17. «Преступления против публичной власти и безопасности государства»².

В УК Республики Узбекистан, в главе 15. «Преступления против порядка управления» содержатся нормы, предусматривающие ответственность за сопротивление представителю власти (ст. 219 УК), неповиновение законным требованиям администрации учреждения по исполнению наказания (ст. 221. УК) и даже за действия, дезорганизующие работу учреждения по исполнению наказания (ст. 220 УК). При этом угроза убийством или применения насилия в отношении сотрудника пенитенциарного учреждения является составом преступления в соответствии с ч. 3 ст. 112 главы 3. «Преступления опасные для жизни или здоровья» УК Республики Узбекистан³. Отдельной нормы, предусматривающей ответственность за применение насилия в отношении

¹ Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17.02.1996 // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://base.garant.ru/2566472/> (дата обращения: 29.04.2021).

² Уголовный кодекс Республики Молдова: от 18.04.2002 № 985-XV: с изм. и доп. по состоянию на 16.12.2020 // Информационная система «Параграф» URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923/ (дата обращения: 29.04.2021).

³ Об утверждении Уголовного кодекса Республики Узбекистан: Закон Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-XII: с изм. и доп. по состоянию на 30.03.2021 // Информационная система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30421110/ (дата обращения: 29.04.2021).

представителя власти и сотрудника пенитенциарного учреждения, не предусмотрено.

Заметим, что помимо указанных статей, уголовными кодексами Республики Казахстан и Кыргызской Республики сформированы специальные нормы об ответственности за применение насилия либо угрозу его применения в отношении сотрудника пенитенциарного учреждения (ст. 429 УК Республики Казахстан; ст. 352 УК Кыргызской Республики). По своим составам данные статьи скорее схожи с составами преступлений о дезорганизации деятельности пенитенциарных учреждений, нежели со ст. 310 МУК СНГ. Тем не менее, несмотря на наличие в уголовных кодексах статей, предусматривающих ответственность за применение насилия в отношении представителя власти (ст. 380 УК Республики Казахстан и ст. 355 УК Кыргызской Республики), насилие либо угроза его применения в отношении сотрудника пенитенциарного учреждения будет квалифицироваться по ст. 429 УК Республики Казахстан и ст. 352 УК Кыргызской Республики.

Переходя к анализу санкций рассматриваемых выше статей УК государств – участников СНГ, в первую очередь стоит обратить внимание на различия в их строгости. Российским уголовным законодательством (ст. 318 УК) за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия в отношении представителя власти предусмотрена ответственность в виде штрафа в размере до 200 тысяч рублей или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев, либо принудительных работ на срок до 5 лет, либо ареста на срок до 6 месяцев, либо лишения свободы на срок до 5 лет. В то же время за применение насилия, опасного для жизни, или здоровья представителя власти предусмотрен лишь один вид наказания – лишение свободы сроком до 10 лет. Аналогичные по своей карательной силе санкции предусмотрены законодательством Республики Армения, Республики Молдова и Республики Таджикистан.

Уголовное законодательство 5 государств (Республика Беларусь, Азербайджанская Республика, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Узбекистан) за рассматриваемые противоправные действия в отношении сотрудника пенитенциарного учреждения предусматривают более строгое наказание. В частности, в УК Республики Беларусь (ст. 364 УК) нижшим пределом санкции за подобное преступление является арест, в УК Республика Узбекистан

(ст. 112 УК) – обязательные общественные работы, а в УК Азербайджанской Республики (ст. 315 УК) предусмотрен лишь один вид наказания – лишение свободы.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что большинство государств в своем уголовном законодательстве сохранило предложенные МУК СНГ статьи об ответственности за применение насилия либо угрозы его применения в отношении представителя власти. При этом законодатель Республики Казахстан и Кыргызской Республики выделили специальные уголовно-правовые нормы, направленные на защиту жизни и здоровья сотрудника пенитенциарного учреждения (ст. 429 УК Республики Казахстан; ст. 352. УК Кыргызской Республики). Законодатель Республики Узбекистан не считал необходимым выделение специальных статей, предусматривающих ответственность за такие преступления. Вместо этого за угрозу убийством или применения насилия, совершенные в отношении лица в связи с выполнением им своего служебного долга, закреплено более строгое наказание (ст. 112 УК).

Также стоит отметить, что более половины государств – участников СНГ (Республика Беларусь, Азербайджанская Республика, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Узбекистан) не считают возможным применение к лицам, признанным виновными в насилие либо угрозе его применения в отношении сотрудника пенитенциарного учреждения, наказания в виде штрафа в связи с недостаточностью его карательной силы.

Следующим этапом анализа является изучение национального законодательства государств – участников СНГ об охране чести и достоинства сотрудника пенитенциарного учреждения.

Ст. 312 МУК СНГ предусматривала ответственность за оскорбление представителя власти и содержала две части. Первая часть закрепляла ответственность за публичное оскорбление представителя власти при исполнении им служебных обязанностей или в связи с их исполнением, и признавалось преступлением небольшой тяжести. В то время как вторая часть данной статьи определяла указанное деяние как уголовно-наказуемое оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, и признавало его преступлением средней тяжести.

В действующем УК Российской Федерации, ответственность за публичное оскорбление со-

трудника УИС предусмотрена ст. 319. Санкция за данное деяние представлена в виде штрафа в размере до 40 тысяч рублей или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до 3 месяцев, либо обязательными работами на срок до 360 часов, либо исправительными работами на срок до 1 года.

Анализируя уголовное законодательство рассматриваемых государств в вопросе уголовного преследования за оскорбление сотрудников пенитенциарных учреждений, приходим к выводу, что их условно можно разделить на 3 группы:

– государства, уголовным законодательством которых предусмотрены отдельные статьи, предусматривающие ответственность за оскорбление представителя власти, и в частности сотрудника пенитенциарного учреждения (Российская Федерация (ст. 319 УК), Республика Беларусь (ст. 369 УК), Республика Казахстан (ст. 378 УК), Республика Таджикистан (ст. 330 УК). Отметим, что все указанные статьи расположены в главах о преступлениях против порядка управления;

– государства, уголовным законодательством которых оскорбление лица признается преступлением независимо от его специального статуса (Азербайджанская Республика (ст. 148 УК), Республика Узбекистан (ст. 140 УК). В обоих случаях данные статьи размещены в главах о преступлениях против свободы, чести и достоинства.

Ст. 148 УК Республики Азербайджан состоит всего из одной части. Санкция за совершение указанного деяния предусматривает наказание в виде штрафа в размере от 1000 до 1500 манатов (от 45 тысяч до 67 тысяч рублей) либо общественные работы на срок от 240 до 480 часов, либо исправительные работы на срок до 1 года, либо лишение свободы на срок до 6 месяцев¹. При этом в статье отсутствуют какие-либо квалифицирующие признаки, указывающие на более строгое наказание за оскорбление представителя власти или лица в связи с исполнением им своих должностных обязанностей.

Согласно диспозиции ст. 140 УК Республики Узбекистан, под оскорблением понимается умышленное унижение чести и достоинства личности в неприличной форме, совершенное после применения административного взыскания за

такие же действия. Следовательно, к уголовной ответственности может быть привлечено только то лицо, которое ранее уже было привлечено к административной ответственности за аналогичные деяния. Также необходимо отметить, что объектом уголовно-правовой охраны ст. 140 УК Республики Узбекистан является честь и достоинство личности, а оскорбление лица в связи с выполнением им своего служебного долга будет квалифицироваться по п. «а» ч. 3 данной статьи и предусматривать более строгое наказание.

Стоит также указать, что согласно ст. 41 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности² за оскорбление предусмотрено наказание в виде штрафа от 20 до 40 базовых расчетных величин (от 36 тысяч рублей до 72 тысяч рублей). Санкция же п. «а» ч. 3 ст. 140 УК Республики Узбекистан предусматривает наказание в виде штрафа в размере от 400 до 600 базовых расчетных величин (от 720 тысяч рублей до 1080 тысяч рублей) или исправительных работ на срок от 2 до 3 лет, либо ограничением свободы на срок до 1 года.

– государства, уголовным законодательством которых не предусмотрена ответственность за оскорбление (Республика Армения, Кыргызская Республика, Республика Молдова).

Изучая основания для отказа указанных государств признать оскорбление представителя власти в целом и сотрудника пенитенциарного учреждения в частности, уголовно-наказуемым деянием можно прийти к выводу, что каждая из них имела свои причины.

УК Республики Армения ранее содержал статью, предусматривающую ответственность за оскорбление (ст. 318. УК), однако, с 28.06.2008 г. она утратила силу³. В настоящее время Министерство юстиции Армении представило проект закона, согласно которому в УК предлагается внести изменения, касающиеся оскорбления и клеветы в адрес представителей власти. В законопроекте предлагается дополнить статью 317.1. Согласно пункту 1 нововведенной статьи, оскорбление или клевета в адрес лица, находящегося на общественной службе в связи с исполнением им своих служебных обязанностей, должна будет наказываться штрафом в размере от сто-

¹ Об утверждении Уголовного кодекса Азербайджанской Республики: Закон Азербайджанской Республики от 30.12.1999 № 787-IQ: с изм. и доп. по состоянию на 06.10.2020 // Информационная система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353/ (дата обращения: 29.04.2021).

² Об утверждении Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности: Закон Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2015-XII: с изм. и доп. по состоянию на 30.03.2021 // Информационная система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421092/ (дата обращения: 29.04.2021).

³ Уголовный Кодекс Республики Армения от 18.04.2003 // «АРТЕК» Правовая Информационно - Поисковая Система. URL: <https://www.irtek.am/views/act.aspx?aid=150015/> (дата обращения: 29.04.2021).

кратного до пятисоткратного размера минимальной заработной платы. Согласно пункту 2, если оскорбление или клевета в адрес лица, находящегося на общественной службе, совершено в средствах массовой информации или иным публичным способом в связи с исполнением им своих служебных обязанностей, то указанное деяние будет наказываться штрафом в размере от пятисоткратного до трехтысячекратного размера минимальной заработной платы либо лишением свободы на срок до 2 лет¹.

Кодексом об административных правонарушениях Республики Армения от 6 декабря 1985 года предусмотрено наказание только за публичное оскорбление служащего полиции или военнослужащего (ст. 172.3)², сотрудники пенитенциарных учреждений Республики Армения к данной категории должностных лиц не относятся.

Говоря о причинах отсутствия уголовной ответственности за оскорбление в законодательстве Кыргызской Республики, необходимо обратить внимание на главный закон государства – Конституцию Кыргызской Республики. В части 5 статьи 33 Конституции Кыргызской Республики установлено: «Никто не может быть подвергнут уголовному преследованию за распространение информации, порочащей или унижающей честь и достоинство личности»³. Очевидно, что уголовная ответственность не может быть предусмотрена в законодательстве Кыргызской Республики, пока не будут внесены соответствующие изменения в Конституцию. В настоящее время за оскорбление не предусмотрена даже административная ответственность, при этом в соответствии со ст. 18 Гражданского кодекса Кыргызской Республики от 8 мая 1996 года № 15 гражданин вправе требовать по суду опровержения сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию, а юридическое лицо сведений, порочащих его деловую репутацию⁴.

Уголовное законодательство Республики Молдова также не содержит статей, предусматривающих уголовную ответственность за оскорбление сотрудника пенитенциарного учреждения.

За указанные деяния предусмотрена административная ответственность в соответствии со ст. 69 Кодекса о Правонарушениях Республики Молдова. Согласно которой, за публичные оскорбления (слова или действия), унижающие честь и достоинство личности, предусмотрено наказание в виде штрафа в размере от 9 до 18 условных единиц (от 1,9 тысяч до 3,7 тысяч рублей) или наказания в виде неоплачиваемого труда в пользу общества на срок от 10 до 20 часов. А за оскорбление, нанесенное с использованием средств массовой информации, предусмотрено наказание в виде штрафа в размере от 12 до 14 условных единиц (от 2,5 тысяч рублей до 2,9 тысяч рублей) или наказание в виде неоплачиваемого труда в пользу общества на срок от 15 до 30 часов⁵.

Говоря о санкциях и видах наказаний, предусмотренных за оскорбление сотрудника пенитенциарного учреждения, можно сделать вывод, что наиболее строгие из них представлены в ч. 2 ст. 330 УК Республики Таджикистан. Согласно указанной статье, за оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или сети интернет может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет.

При изучении международного опыта стоит обратить внимание еще на один крайне важный и в последнее время очень дискуссионный признак объективной стороны оскорбления – публичность, то есть наличие третьих лиц в момент совершения преступления [4, с. 188]. Большинство уголовных или административных кодексов рассматриваемых государств в формулировках диспозиций статей, предусматривающих ответственность за оскорбление, сохранило данный признак.

При этом ст. 378 УК Республики Казахстан, предусматривающая ответственность за оскорбление представителя власти при исполнении им своих служебных обязанностей или в связи с их исполнением, признает публичность оскорбления отягчающим вину обстоятельством, классифицируя такое деяние по ч. 2 указанной статьи и при-

¹ Минюст Армении представил законопроект о наказании за оскорбление или клевету в адрес представителей власти // Новостной Интернет-ресурс «Армяне Мира». URL: <https://arm-world.ru/news/novostnik/69658-minjust-armenii-predstavil-zakonoproekt-o-nakazanii-z-oskorblenie-il-klevetu-v-adres-predstavitelej-vlasti.html/> (дата обращения: 29.04.2021).

² Кодекс Республики Армения об Административных Правонарушениях от 01.06.1986 // Правовая информационная система Армении. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=138078/> (дата обращения: 29.04.2021).

³ Конституция Кыргызской Республики от 27.06.2010: с изм. от 28.12.2016 // Информационная система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30778565/ (дата обращения: 29.04.2021).

⁴ Гражданский кодекс Кыргызской Республики от 8.05.1996 № 15 (Часть I): с изм. и доп. по состоянию на 24.03.2021 // Информационная система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30212538/ (дата обращения: 29.04.2021).

⁵ Кодекс Республики Молдова от 24.10.2008 № 218-XVI «О правонарушениях»: с изм. и доп. по состоянию на 16.12.2020 // Информационная система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30395669/ (дата обращения: 29.04.2021).

меня к осужденному более строгое наказание.

Полный отказ от обязательности признака публичности оскорбления прослеживается только в уголовном законодательстве Республики Узбекистан. Так, ни одна из частей ст. 140 УК Республики Узбекистан в своих диспозициях его не содержит.

Тем самым можно с уверенностью утверждать, что такой признак оскорбления как публичность, закрепленный в российском уголовном законодательстве, в полной мере соответствует позициям большинства государств – участников СНГ, а его наличие обосновано не только отечественной, но и зарубежной судебной практикой.

Подводя краткий итог анализа уголовного законодательства государств – участников СНГ в вопросе уголовного преследования за оскорбление сотрудника пенитенциарного учреждения можно отметить, что большинство государств (6 из 9) считают необходимым наличие уголовной ответственности за такие деяния. При этом идентично оценивают общественную опасность данных преступлений и предусматривают близкую по своему карательному характеру уголовную ответственность, в связи с чем, в качестве санкции за такие преступления в УК рассматриваемых государств наиболее распространённым видом наказания за оскорбление сотрудника пенитенциарного учреждения является штраф и исправительные работы сроком до 1 года. Лишение свободы за оскорбление сотрудника пенитенциарного учреждения предусмотрено лишь уголовными законодательствами Азербайджанской Республики и Республики Таджикистан. Незаурядным также является опыт Республики Казахстан, согласно ст. 378 УК в качестве наказания за публичное оскорбление представителя власти осужденный может быть приговорен к аресту сроком до 40 суток.

Переходя к анализу статей, предусматривающих ответственность за дезорганизацию деятельности пенитенциарных учреждений, стоит обратить внимание на то, что в 2020 году из 405 уголовных дел, возбужденных по фактам противоправных действий осужденных в отношении персонала учреждений УИС, 240 (59,2 %) были квалифицированы по ч. 2 и 3 ст. 321 УК Российской Федерации¹. Именно поэтому анализу положительного опыта уголовного законодательства государств – участников СНГ в сфере уголовного преследования за дезорганизацию деятельности пенитенциарных учреждений стоит уделить при-

стальное внимание, а также рассмотреть возможность дальнейшей имплементации его в российское законодательство.

В МУК СНГ вышеуказанные действия классифицировались по ст. 313 «Воспрепятствование деятельности учреждений, исполняющих наказание, и учреждений предварительного заключения». При этом первая часть статьи устанавливала ответственность за угрозу применения насилия в отношении работника учреждения, исполняющего наказания в виде лишения свободы или ареста, или работника учреждения предварительного заключения и признавалась преступлением средней тяжести. Вторая часть статьи устанавливала ответственность за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья лиц, указанных в части первой, а также лица, отбывающего наказание в виде лишения свободы или арестованного. В таком случае противоправное деяние признавалось преступлением средней тяжести. По третьей части квалифицировалось преступление, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья лиц, указанных в части 2 статьи, или совершенное группой лиц, и признавалось тяжким преступлением.

В современном уголовном законодательстве Российской Федерации указанная выше статья МУК СНГ претерпела довольно большие изменения, касающиеся как её названия, так и диспозиций частей. Согласно действующей редакции ст. 321 УК Российской Федерации, часть первая предусматривает ответственность за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья либо угрозу применения насилия в отношении осужденного. Вторая часть уже ориентирована на защиту сотрудников мест лишения свободы или мест содержания под стражей и предусматривает ответственность за подобные противоправные действия в отношении них. А третья часть описывает состав преступления, предусмотренный первой и второй частью статьи, совершенного организованной группой либо с применением насилия, опасного для жизни или здоровья охраняемых данной статьей лиц. Сразу следует отметить, что подобная формулировка статьи уголовного кодекса постоянно подвергается критике. Неоднократно поднимался вопрос о разделении статьи ст. 321 УК РФ на две нормы, которые бы отдельно закрепляли ответственность за применение насилия (или угрозу применения) в отношении работника, сотрудника уго-

¹ Обзор ФСИН России от 17.03.2021 № исх. - 03-17072.

ловно-исполнительной системы (ст. 314.1 УК РФ) и воспрепятствование исправлению осужденного (ст. 314.2 УК РФ), так как вызывает вопросы тот факт, что в частях одной статьи УК РФ закреплена ответственность за действия, направленные на причинение (угрозу) вреда полярным категориям: сотрудникам уголовно-исполнительной системы и осужденным [2, с. 51].

Во всех уголовных кодексах рассматриваемых государств, кроме Республики Казахстан и Кыргызской Республики, определены специальные нормы, устанавливающие ответственность за действия, направленные на дезорганизацию деятельности пенитенциарных учреждений.

Уголовный кодекс Республики Казахстан (в редакции от 16.07.97 № 167-1) вплоть до 2009 года также содержал статью, предусматривающую ответственность за дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества¹. После внесения изменений указанная статья стала называться «Угроза применения насилия в отношении сотрудника учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, либо его близких, а также осужденного или посягательство на их здоровье или жизнь» (ст. 361 УК Республики Казахстан). Данная статья действовала до принятия нового Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V. Основаниями для указанных изменений послужили отсутствие в действующем законодательстве Республики Казахстан четких юридических определений таких понятий, как: «нормальная деятельность исправительных учреждений», «места содержания под стражей», «дезорганизация» такой деятельности, что нарушало один из фундаментальных принципов международного права в области прав человека – принцип юридической определенности и предсказуемости².

Анализ действующих статей уголовных кодексов государств – участников СНГ о преступлениях, основным объектом которых является деятельность пенитенциарных учреждений, а дополнительным – жизнь и здоровье их сотрудника показал, что условно можно выделить

2 большие группы: – государства, в УК которых признаком, отягчающим вину по статье о дезорганизации деятельности пенитенциарных учреждений, является уровень нанесенного вреда жизни и здоровью сотрудника пенитенциарного учреждения или осужденного (3 государства: Российская Федерация (ст. 321 УК); Азербайджанская Республика (ст. 317 УК); Республика Армения (ст. 319 УК);

– государства, в УК которых признаком, отягчающим вину по статье о дезорганизации деятельности пенитенциарных учреждений, является уголовно-правовая характеристика лица, его совершившего (2 государства: Республика Беларусь (ст. 410 УК); Республика Узбекистан (ст. 220 УК).

Особняком от указанных групп можно расположить законодательство Республики Молдова, в котором статья, устанавливающая ответственность за действия дезорганизующие деятельность пенитенциарных учреждений (ст. 286 УК) не содержит частей, а в своей диспозиции в качестве объектов преступления определяет жизнь и здоровье осужденных, «ступивших на путь исправления», и администрации пенитенциарного учреждения.

Как уже было сказано ранее, уголовное законодательство Республики Казахстан и Кыргызской Республики не содержат статей о дезорганизации деятельности пенитенциарных учреждений. При этом содержит статьи (ст. 429 УК Республики Казахстан и статья 352 УК Кыргызской Республики), составы которых схожи с составами анализируемых преступлений. Основанием для классификации частей данных статей является, как и в первой указанной ранее группе, уровень нанесенного вреда жизни и здоровью сотрудника пенитенциарного учреждения или осужденного.

Отдельного внимания в рассматриваемом вопросе заслуживает и уголовное законодательство Республики Таджикистан. В нем закреплены две статьи, предусматривающие ответственность за применение насилия в отношении сотрудника пенитенциарного учреждения:

¹ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам дальнейшего совершенствования системы исполнения уголовных наказаний и уголовно-исполнительной системы: Закон Республики Казахстан от 10.12.2009 № 228-IV // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000228_/ (дата обращения: 29.04.2021).

² Аналитическая записка и информация Казахстанского международного бюро по правам человека и соблюдению законности, касающиеся международных стандартов и практики, в связи с принятием Конституционным Советом Республики Казахстан к производству представления Капшагайского городского суда Алма-атинской области о признании неконституционными частей первой и четвертой статьи 361 Уголовного кодекса Республики Казахстан (г. Алматы, 14.02.2008) // Информационная система «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30160191#pos=30;-31/ (дата обращения: 29.04.2021).

– ст. 332 «Действия, дезорганизирующие работу мест лишения свободы» УК. Дополнительными объектами преступления являются жизнь и здоровье осужденного и представителя администрации мест лишения свободы, а субъектами – исключительно лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы;

– ст. 331 «Воспрепятствование деятельности учреждений, исполняющих наказания, и учреждений предварительного заключения» УК. Дополнительным объектом преступлений выступает жизнь и здоровье работника учреждения, исполняющего наказание, или работника учреждения предварительного заключения, при этом отсутствуют какие-либо дополнительные признаки субъекта преступления (общий субъект).

Особенностью международного уголовного законодательства государств – участников СНГ является расположение анализируемых статей в главах национальных кодексов, а, следовательно, и определение основного непосредственного объекта данных преступлений. Большинство государств сохранили расположение статей (Российская Федерация, Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан), предложенное МУК СНГ, а, следовательно, в качестве основного объекта преступления определили порядок управления. Однако существуют и иные подходы. Согласно уголовному законодательству Республики Беларусь, основным объектом дезорганизации деятельности пенитенциарных учреждений выступает правосудие (Глава 34. Преступления против правосудия), УК Республики Казахстан – общественная безопасность и общественный порядок (Глава 13. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка).

Данные подходы сложно назвать удачными, так как правосудие является видом государственной деятельности, в результате которой реализуется (проявляется) судебная власть, а не исполнительная (исполнение наказания). Сложно утверждать, что основным объектом дезорганизации деятельности пенитенциарных учреждений может являться общественная безопасность и общественный порядок, так как данные преступления совершаются на изолированной от социума территории (пенитенциарные учрежде-

ния). Наиболее логически правильной по своему названию представляется глава 17. «Уголовные правонарушения против правосудия и порядка исполнения наказаний» УК Республики Казахстан, так как при совершении насилия или угрозах его применения осужденный скорее противостоит процессу исполнения наказания, требованиям режима, нежели порядку управления во всем учреждении.

Подвергается критике и название самих статей, содержащих термин «дезорганизация». На практике довольно сложно доказать влияние дезорганизирующих действий осужденных на деятельность всего пенитенциарного учреждения, в котором было совершено преступление. Термин «воспрепятствовать», то есть помешать чему-нибудь¹, в данном конкретном случае – деятельности пенитенциарного учреждения, является более верным.

Санкцией за дезорганизацию деятельности пенитенциарных учреждений во всех государствах является наказание в виде лишения свободы. При этом часть государств закрепили минимальный срок лишения свободы за угрозу применения насилия или применение насилия, не опасного для жизни сотрудника пенитенциарного учреждения (Республика Беларусь – от 2 лет лишения свободы, Республика Молдова и Республика Узбекистан – от 3 лет лишения свободы), остальные законодатели подобных низших пределов не установили.

Заметим, что санкцией ч. 2 ст. 321 УК РФ не предусмотрен минимальный срок лишения свободы за угрозу применения насилия или применение насилия, не опасного для жизни сотрудника мест лишения свободы или содержания под стражей. При этом, согласно ст. 56. УК РФ, минимальный срок лишения свободы устанавливается от 2 месяцев². И хотя наиболее часто назначаемый срок лишения свободы по ч. 2 ст. 321 УК РФ, согласно данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации³, составляет от 1 до 2 лет лишения свободы (59 % от всех сроков наказаний, назначенных в 2020 году по ч. 2 ст. 321 УК РФ), 16 лиц (7 % от общего числа осужденных в 2020 году по ч. 2 ст. 321 УК РФ) были приговорены к наказанию на срок менее 1 года. Столь небольшой срок назначенного наказания не может

¹ Толковый словарь русского языка в 4-х т. // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/03/us137218.htm?cmd=0&istext=1/> (дата обращения: 29.04.2021).

² Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 № 63-ФЗ; ред. от 05.04.2021; с изм. от 08.04.2021. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

³ Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669/> (дата обращения: 29.04.2021).

способствовать достижению одной из задач уголовного законодательства – предупреждение подобных преступлений. Вышесказанное позволяет сделать вывод о необходимости пересмотра санкции ч. 2 ст. 321 УК РФ и закрепления её низшего предела в виде лишения свободы сроком от 2 лет.

Анализируя статьи о дезорганизации деятельности пенитенциарных учреждений государств – участников СНГ, было бы неправильно не описать еще одну особенность квалификации их составов – различие в субъектах преступления. Диспозиция ст. 321 УК Российской Федерации не содержит наименование специального субъекта данных преступлений, следовательно, им может быть любое лицо, достигшее возраста 16 лет (общий субъект). Аналогичным образом сформулированы диспозиции статей УК Азербайджанской Республики и Республики Армения. Однако уголовное законодательство 3 государств, – Республика Беларусь, Республика Молдова, Республика Узбекистан – избрало другую позицию. В качестве субъектов данных преступлений они определили лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Анализируя сложившуюся судебную практику по ст. 321 УК Российской Федерации, можно с уверенностью сказать, что выбранная Российской Федерацией, Азербайджанской Республикой и Республикой Армения позиция более оправдана, так как попытки дезорганизации деятельности пенитенциарных учреждений исходят и от лиц, не являющихся осужденными к лишению свободы¹.

МУК СНГ не содержит отдельной статьи, предусматривающей ответственность за посягательство на жизнь представителя власти, а, значит, и сотрудника пенитенциарного учреждения. Такое преступление должно было квалифицироваться по пункту «б» ч. 2 ст. 111 «Убийство».

Современное уголовное законодательство большинства государств – участников СНГ сохранило данный подход (ст. 120.2.3 УК Азербайджанской Республики; п. 2 ч. 2 ст. 104 УК Республики Армения; п. 8 ч. 2 ст. 130 УК Кыргызской Республики; п. «d» ч. 2 ст. 145 УК Республики Молдова; п. «б» ч. 2 ст. 104 УК Республики Таджикистан; п. «г» ст. 97 УК Республики Узбекистан).

Есть данные статьи и в УК Российской Федерации (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК), Республики Бела-

рус (п. 10 ст. 139 УК), Республики Казахстан (п. 2 ч. 2 ст. 99 УК). При этом в них были закреплены и отдельные статьи, устанавливающие ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, к которым также относится и сотрудник пенитенциарного учреждения (ст. 317. УК Российской Федерации; ст. 362 УК Республики Беларусь; ст. 380-1 и ч. 4. ст. 429. УК Республики Казахстан).

Говоря о возникающей конкуренции выше перечисленных статей УК Российской Федерации и Республики Беларусь, становятся очевидными отличия, как в основном непосредственном объекте преступления – жизнь, здоровье человека и законная деятельность сотрудников правоохранительных органов², так и других признаках (субъективная и объективная сторона, субъект преступления). Убийство сотрудника пенитенциарного учреждения при исполнении им своих служебных обязанностей будет квалифицироваться по статьям 317 УК Российской Федерации, 362 УК Республики Беларусь, ч. 4. ст. 429 Республики Казахстан.

Следовательно, в тех странах СНГ, уголовное законодательство которых не содержит специальных статей об ответственности за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов, уголовно-правовая охрана их жизни и здоровья, а также нормальная управленческая деятельность этих лиц обеспечивается блоком уголовно-правовых норм о преступлениях против личности, а также специальными уголовно-правовыми запретами применения насилия в отношении представителя власти [3, с. 182].

Большинство государств-участников СНГ в качестве верхнего предела санкции за подобные деяния (убийство сотрудника пенитенциарного учреждения) установили пожизненное лишение свободы и лишь 3 (Российская Федерация, Республика Беларусь и Республика Таджикистан) предусмотрели и исключительную меру наказания – смертную казнь. Отметим, что уголовное законодательство Азербайджанской Республики, Республики Армения, Кыргызской Республики, Республики Молдова и Республики Узбекистан такой вид наказания, как смертная казнь вообще не предусматривает. При этом в уголовном законодательстве Республики Казахстан такой вид наказания определен, однако, он не применяется в качестве санкции за посягатель-

¹ Приговор Миасского городского суда (Челябинская область) № 1-74/2013 от 9.04.2013 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VYXQa52GdH6x/> (дата обращения: 29.04.2021).

² Магомедов М.М. Уголовная ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. С. 17.

ство на жизнь сотрудника пенитенциарного учреждения.

Заслуживают внимания санкции, установленные уголовным законодательством Кыргызской Республики и Республики Таджикистан. Так, согласно п. 4 ст. 130. УК Кыргызской Республики, лицо, совершившее убийство сотрудника пенитенциарного учреждения, кроме основного наказания в виде лишения свободы может быть подвергнуто дополнительному наказанию в виде штрафа в размере от 2600 до 3000 расчетных показателей (от 235 тысяч рублей до 270 тысяч рублей), а согласно п. «б» ч. 2 ст. 104. УК Республики Таджикистан – конфискации имущества.

Наименьший размер низшего предела санкций за убийство сотрудника пенитенциарного учреждения, среди проанализированных статей УК государств – участников СНГ, составляет 10 лет лишения свободы и установлен уголовным законодательством Республики Беларусь и Республики Казахстан. В Российской Федерации он составляет 12 лет лишения свободы.

Результаты

Проведенный анализ уголовного законодательства государств – участников СНГ в вопросах уголовного преследования за посягательства на честь и достоинство, жизнь и здоровье сотрудника пенитенциарного учреждения позволяет с уверенностью утверждать:

– российское уголовное законодательство сохранило рекомендованные МУК СНГ статьи, предусматривающие ответственность за посягательства на честь и достоинство, жизнь и здоровье сотрудника исправительного учреждения, внося незначительные коррективы, а также выделив специальную норму, обеспечивающую уголовно-правовую охрану их жизни от преступных посягательств (ст. 317 УК РФ);

– данные пенитенциарной статистики о ежегодном росте количества случаев противоправных действий в отношении сотрудников исправительных учреждений ФСИН России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о назначенных сроках лишения

свободы по ч. 2 ст. 321 УК Российской Федерации свидетельствуют о необходимости внесения изменений в санкцию указанной статьи, с закреплением ее низшего предела – 2 года лишения свободы;

– анализ международного опыта уголовного преследования за применение насилия в отношении сотрудников пенитенциарных учреждений свидетельствует о необходимости исключения из санкции ст. 318 УК Российской Федерации такого вида наказания, как штраф. Это сделать необходимо в связи с недостаточностью его карательной силы и, как следствие, невозможности профилактики подобных преступлений при его назначении;

– анализ норм уголовных кодексов государств – участников СНГ, а также их опыт в вопросе декриминализации уголовной ответственности за публичное оскорбление представителя власти свидетельствует о необходимости сохранения статьи ст. 319 УК Российской Федерации в национальном уголовном законодательстве, а также пересмотре верхнего предела размера штрафа за подобные преступления в сторону его увеличения. При этом требуется переоценка судебной системой степени общественной опасности публичного оскорбления представителя власти, направленная на полноценное использование судами размеров санкций, предусмотренных за данное преступление

Заключение

Предложенные изменения статей УК Российской Федерации об ответственности за посягательства на честь и достоинство, жизнь и здоровье сотрудника исправительного учреждения нацелены на стабилизацию обстановки, сложившейся в местах лишения свободы и содержания под стражей. Указанные изменения пределов санкций ст. 318, 319 и ч. 2 ст. 321 УК Российской Федерации должны способствовать снижению числа противоправных действия в отношении сотрудников мест лишения свободы и содержания под стражей, выполняя одну из задач уголовного законодательства – профилактику преступлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агаев Г.А., Пуйдак Е.И. Зарубежная модель противодействия преступлениям, посягающим на служебную деятельность и личность представителей правоохранительного силового блока // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4(76). С. 86–90.
2. Мещеряков П.А. Вопросы совершенствования уголовно-правовых норм по противодействию дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 2(37). С. 49–52.

3. Сухоруков С.И. Уголовно-правовая охрана жизни сотрудника правоохранительного органа: зарубежный опыт и современное отечественное законодательство // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2007. Т. 3. № 1. С. 180–187.

4. Филиппов П.А. Преступления против порядка управления: закон, теория, практика: монография. Москва: Зерцало-М, 2017. 512 с.

5. Harfield C. The organization of «organized crime policing» and its international context // *Criminology & Criminal Justice*. 2008. Vol. 8. Iss. 4. Pp. 483–507. DOI: 10.1177/1748895808096472.

REFERENCES

1. Agaev G.A., Puidak E.I. Zarubezhnaya model' protivodeistviya prestupleniyam, posyagayushchim na sluzhebnyuyu deyatelnost' i lichnost' predstavitelei pravookhranitel'nogo silovogo bloka [Foreign Model of Counteraction to Crimes that Encroach upon Official Activity and the Personality of Representatives of Law Enforcement Activities]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2017, no. 4(76), pp. 86–90. (In Russ.).

2. Meshcheriakov P.A. Voprosy sovershenstvovaniya ugovolno-pravovykh norm po protivodeistviyu dezorganizatsii deyatelnosti uchrezhdenii, obespechivayushchikh izolyatsiyu ot obshchestva [Issues of Improvement of Criminal Law Standards to Counter Disorganization of Activities of Institutions of Confinement]. *Vestnik of Perm Institute of the Federal Penal Service of Russia*, 2020, no. 2(37), pp. 49–52. (In Russ.).

3. Sukhorukov S.I. Ugolovno-pravovaya okhrana zhizni sotrudnika pravookhranitel'nogo organa: zarubezhnyi opyt i sovremennoe otechestvennoe zakonodatel'stvo [Criminal Law Protection of the Life of a Law Enforcement Officer: Foreign Experience and Modern Domestic Legislation]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pravo"*, 2007, Vol. 3, no. 1, pp.180–187. (In Russ.).

4. Filippov P.A. *Prestupleniya protiv poryadka upravleniya: zakon, teoriya, praktika* [Crimes against the Order of Management: Law, Theory, Practice]. Moscow, Zertsalo-M, 2017. 512 p. (In Russ.).

5. Harfield C. The Organization of «Organized Crime Policing» and its International Context. *Criminology & Criminal Justice*, 2008, vol. 8, no. 4, pp. 483–507. (In Eng.). DOI: 10.1177/1748895808096472.

Информация об авторе:

Кутаков Николай Николаевич,

докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник внутренней службы

E-mail: kutakov.n.n@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6593-8524

Information about the author:

Nikolay N. Kutakov,

Doctoral student of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ph. D. (Law), Associate Professor, lieutenant colonel of interior service

E-mail: kutakov.n.n@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6593-8524

Информация для цитирования:

Лупырь М.В., Кондратюков С.С., Квасников Е.С. Вопросы квалификации преступления, предусмотренного статьей 274 УК РФ // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 2(41). С. 60–66. DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.007.

For citation:

Lupyr M.V., Kondratyukov S.S., Kvasnikov E.S. Voprosy kvalifikatsii prestupleniya, predusmotrennogo stat'ei 274 UK RF [Questions of Qualification of a Crime under Article 274 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2021, no. 2(41), pp. 60–66. (In Russ.). DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.007.

УДК 343

**ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 274 УК РФ**

М.В. Лупырь¹, С.С. Кондратюков², Е.С. Квасников³

¹ Омская академия МВД России
644092, г. Омск, пр. Комарова, 7
E-mail: urmax@bk.ru
ORCID: 0000-0001-9126-9416

² Омская академия МВД России
644092, г. Омск, пр. Комарова, 7
E-mail: mr.skandalist@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4614-2525

³ Омская академия МВД России
644092, г. Омск, пр. Комарова, 7
E-mail: Evgen1219@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2418-3900

Аннотация. Введение: Деятельность в области компьютерной техники, информационно-телекоммуникационной сети является на сегодняшний день мало урегулированной сферой. Отсутствие четкого понимания диспозиции ст. 274 УК РФ заставляет правоприменителя давать собственное толкование тем или иным положениям, что в итоге сказывается на практике применения данной нормы. **Цель:** дать уголовно-правовую оценку и исследовать вопросы, возникающие при квалификации действий по ст. 274 УК РФ. **Методы:** Методологическую основу проведенного исследования составляют сравнительно-правовой и формально-юридический методы. **Результаты:** В ходе анализа ст. 274 УК РФ было установлено, что вопросы при квалификации действий по данному составу преступления могут возникать в связи с тем, что: 1) диспозиция данной нормы во многом совпадает с диспозицией ч. 3 ст. 274¹ УК РФ; 2) статья 274 УК РФ имеет бланкетный характер; 3) отсутствуют законодательно установленные правила эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации. **Выводы:** Уголовно-правовая оценка ст. 274 УК РФ показала, что данная норма имеет достаточно спорных моментов, которые могут быть решены путем: разработки нормативных требований к эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей; объективного оценивания на основе рекомендаций стоимости компьютерной информации.

Ключевые слова: уголовно-правовая оценка; компьютерная информация; информационно-телекоммуникационные технологии; правила; тяжкие последствия.

QUESTIONS OF QUALIFICATION OF A CRIME UNDER ARTICLE 274
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Maxim V. Lupyr¹, Sergey S. Kondratyukov², Evgeny S. Kvasnikov³

¹ Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
7, Komarova av., Omsk, 644092
E-mail: urmax@bk.ru
ORCID: 0000-0001-9126-9416

² Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
7, Komarova av., Omsk, 644092
E-mail: mr.skandalist@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4614-2525

³ Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
7, Komarova av., Omsk, 644092
E-mail: evgen1219@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2418-3900

Abstract. Introduction: Activities in the field of computer technology, information and telecommunication networks are currently insufficiently regulated areas. The lack of a clear understanding of the disposition of Article 274 of the Criminal Code of the Russian Federation forces the law enforcement officers to give his own interpretation of certain provisions, and it ultimately affects the practice of applying this regulation. **Aims:** to give a criminal evaluation and investigate the issues that arise when qualifying actions under Article 274 of the Criminal Code of the Russian Federation. **Methods:** Comparative legal and formal legal methods constitute the methodological basis of the study. **Results:** The study of Article 274 of the Criminal Code of the Russian Federation showed that the norm has a number of disadvantages, consisting in: 1) similarity with the disposition of Part 3, Article 274¹ of the Criminal Code of the Russian Federation; 2) the blank nature of the norm in question; 3) the absence of legally established rules for the operation of computer information. **Conclusions:** The analysis of Article 274 of the Criminal Code of the Russian Federation showed that the shortcomings of this norm can be solved by: developing regulatory requirements for working with computer information; objective assessment of the cost of computer information.

Keywords: criminal evaluation; computer information; information telecommunication technologies; rules; grave consequences.

Введение

Необходимость введения уголовной ответственности за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ) связана, прежде всего, с компьютеризацией (в широком смысле этого слова) практически всех сфер деятельности человека. Масштабное внедрение электронно-вычислительной техники в жизнь людей оказывает на нее непосредственное

влияние. Последствия от деяний, о которых пойдет речь далее, являются безусловным фактором криминализации рассматриваемых деяний.

Однако, несмотря на весь масштаб компьютеризации, вызывают интерес статистические данные относительно случаев совершения указанного преступления. Так, по сведениям ГИАЦ МВД России, за последние 5 лет было зарегистрировано всего 14 преступлений, из них: в 2016 году – 3 преступления; в 2017 году – 2 преступления; в 2018 году – 5 преступлений; в 2019 году – 4 преступления; в 2020 году – 0 преступлений. В разы

меньше количество приговоров, вынесенных по данным категориям дел. По статистическим данным Судебного департамента, за этот же период судами было рассмотрено всего 4 уголовных дела, из них: в 2016 и 2017 годах – 0 уголовных дел; в 2018 году – 1 уголовное дело; в 2019 году – 3 уголовных дела; в 2020 году – 0 уголовных дел¹.

Исходя из приведенных статистических данных, можно сделать вывод, что рассматриваемый состав преступления на практике применяется крайне редко. Основными причинами, на наш взгляд, являются отсутствие законодательного закрепления понятия правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей, а также установленные законом последствия, влекущие за собой уголовную ответственность.

Вопросы правоприменения ст. 274 УК РФ

Часть 1 ст. 274 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации и либо и н ф о р м а ц и о н н о - телекоммуникационных сетей и окончного оборудования, а также правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям, повлекшее уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации, повлекшее за собой причинение ущерба свыше одного миллиона рублей. В соответствии с частью 2 ст. 274 УК РФ уголовная ответственность наступает в результате тяжких последствий причинения или создания угрозы их причинения.

Доказать факт совершения преступления по ч. 1 ст. 274 УК РФ или момент причинения либо создание угрозы причинения последствий, указанных в ч. 2 ст. 274 УК РФ, в связи с установленными диспозицией статьи действиями (бездействием), крайне сложно. Кроме того, в 2017 году в Уголовный кодекс Российской Федерации была введена ст. 274¹ УК РФ, часть 3 которой практически идентична диспозиции ст. 274 УК РФ, но только без упоминания «крупного ущерба», что, по сути, не доставляет правоприменителю таких проблем в привлечении к уголовной ответственности, в отличие от возможности применения ст. 274 УК РФ.

Объектом анализируемого состава преступления являются общественные отношения, обеспе-

чивающие безопасность в сфере компьютерной информации. Статья 274 УК РФ является бланкетной, то есть напрямую отсылает нас к нормативным актам, инструкциям, регламентам и правилам, устанавливающим порядок работы с информационно-телекоммуникационными сетями и окончным оборудованием в ведомстве или организации (например, Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», регламентирующий порядок создания и подключения к информационно-телекоммуникационной сети Интернет; техническая документация на компьютерную технику; локальные акты учреждения или организации и т.п.).

Бланкетным, к примеру, также является состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность по ст. 143 УК РФ (нарушение требований охраны труда), диспозиция которой отсылает правоприменителя к нормативным требованиям, нарушение которых и наступление соответствующих последствий влекут за собой уголовную ответственность. Совершение различных видов коррупционных преступлений также влечет за собой уголовную ответственность за нарушение, возможно, и ненормативных требований (например, нарушение положений должностных инструкций, локальных правовых актов и т.п.). Однако, во-первых, указанные акты все же составлены на основании нормативно-правовых актов, а во-вторых, деяния выражаются в нарушении именно обязанностей, а не рекомендаций.

Что касается безопасности оборудования информационных технологий, электронно-вычислительных машин и др., то в настоящее время существует множество нормативных предписаний, государственных стандартов, а также индивидуальных (ненормативных) требований для владельцев по использованию указанных средств.

В научной литературе очень часто встречаются справедливые, на наш взгляд, суждения, относительно проблемы привлечения к уголовной ответственности за нарушение ненормативных правил. Обоснованность данных мнений заключается в том, что на сегодняшний день имеется множество технических документов на компьютерную технику, правил пользования различными программами, которые носят рекомендательный характер. В связи с этим возникает вопрос: правомерным ли считается привлечение к уголовной ответственности за нарушение таких рекомендаций?

¹ Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/i№dex.php?id=79> (дата обращения: 18.02.2021).

Как было отмечено, обсуждение данного вопроса популярно в научной среде. Так, В.В. Крылов отмечал, что существует два вида правил эксплуатации ЭВМ, которыми должны руководствоваться в своей деятельности лица, работающие с ЭВМ. Первый вид правил – инструкции по работе с ЭВМ и машинными носителями информации, разработанные изготовителем ЭВМ, и периферийных технических устройств, поставляемых вместе с данным экземпляром ЭВМ. Эти правила обязательны к соблюдению пользователем ЭВМ под угрозой, как минимум, потери прав на гарантийный ремонт и обслуживание. Второй вид правил – правила, установленные собственником или владельцем информационных ресурсов, информационных систем, технологий и средств их обеспечения, определяющие порядок пользования ЭВМ, системы ЭВМ и сети ЭВМ, а также иными носителями информации [5, с. 85]. По мнению Д.А. Зыкова, чтобы у правоприменительных органов имелись четкие основания, в каких ситуациях возможно привлечь лицо к уголовной ответственности за нарушение правил эксплуатации ЭВМ, ее систем и сетей, необходимо на законодательном уровне разработать нормативно-правовую основу, которая бы полностью регламентировала порядок действий лиц, осуществляющих ту или иную деятельность в компьютерной сфере, в противном случае применение ст. 274 УК РФ является затруднительным и, по мнению ученого, незаконным [2, с. 86]. Ученые В.М. Быков и В.Н. Черкасов отмечают, что при привлечении лица к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 274 УК вся сложность заключается в том, какие конкретно правила эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации были нарушены, поскольку это и есть неопределенность в трактовке и применении указанной статьи [1, с. 26].

В научных кругах довольно часто высказываются мнения ученых относительно возможности решения данной проблемы, где предлагаются различные определения данных правил [5, с. 86]. Но большая их часть сводится к тому, что для привлечения лиц к уголовной ответственности по ст. 274 УК РФ рассматриваемые правила должны быть все-таки нормативными. Есть также мнение о необходимости введения в действие полного регламента взаимодействия со средствами хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей, нарушение которых, при наступлении определенных последст-

вий, влекло бы за собой уголовную ответственность по ст. 274 УК РФ [3, с. 38]. Полагаем, что такое нововведение не позволит в полной мере решить озвученную проблему, прежде всего, в связи с непрерывным научно-техническим прогрессом, компьютеризацией новых сфер деятельности и т.д. Даже если в настоящий момент попытаться создать и воедино собрать все правила взаимодействия со средствами хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей, через неопределенное время законодателю придется не раз менять такой нормативный правовой акт. Полученный опыт показывает, что подход отказа законодателя от казуистического изложения такого рода норм права сложился исторически, как, например, со ст. 143 УК РФ (нарушение требований охраны труда), путем совершенствования юридико-технических приемов описания криминообразующих признаков. Вместе с тем согласимся с мнением тех ученых, которые указывают на актуальность проблемы отсутствия законодательно установленных правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей.

Обращаясь к законодательству зарубежных стран, в вопросе противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, интерес представляет опыт Соединенных Штатов Америки, где ответственность физических лиц и организаций, отвечающих за хранение компьютерной информации, может наступать за несоблюдение безопасности при обращении с компьютерной информацией и нарушение мер конфиденциальности [7, с. 669].

На наш взгляд, было бы оптимальным, если бы вопрос относительно таких правил был урегулирован по аналогии со ст. 143 УК РФ. Для этого, в целях максимальной адаптации индивидуальных требований к правовым нормам, необходимо разработать общие нормативные предписания по эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей, которые должны быть приняты на федеральном уровне и уровне субъектов Российской Федерации. В этом случае компании при установлении, изменении или дополнении индивидуальных требований будут стремиться к их максимальному соответствию предписаниям законодателя.

Что касается последствий, то для привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 274 УК РФ необходимы доказательства причинения

крупного ущерба, превышающего 1 миллион рублей. Как известно, такие доказательства должны обладать признаками относимости, допустимости и достоверности. Правоприменителю для доказывания суммы ущерба необходимо руководствоваться не только сведениями потерпевшего о причиненном ущербе, но и объемом реального ущерба на момент совершения преступления. В данном случае надлежит объективно оценить стоимость компьютерной информации, оборудования, вынужденных действий потерпевшего по их восстановлению и т.д., что, конечно, на практике сделать довольно непросто и не всегда возможно. Так, при рассмотрении уголовного дела Лефортовским районным судом г. Москвы, судом было установлено, что в ходе предварительного следствия фактическая стоимость скопированной компьютерной информации не устанавливалась (в деле фигурировала лишь справка об ущербе). В связи с этим суд вернул уголовное дело прокурору для принятия соответствующего решения и устранения препятствий рассмотрения дела судом¹.

Как мы уже отмечали, введенная в 2017 году в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 274¹ УК РФ имеет определенные сходства с диспозицией ст. 274 УК РФ. Но, как говорится, проще назвать различия, которые заключаются в том, что в ч. 3 ст. 274¹ УК РФ, в отличие от ч. 1 ст. 274 УК РФ, размер вреда может быть любым (в ч. 1 ст. 274 УК РФ для наступления уголовной ответственности вред должен быть причинен на сумму более 1 миллиона рублей), а также вред должен быть причинен критической инфраструктуре России, которая определяется как информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления субъектов критической информационной инфраструктуры, а также сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов².

В реестр данной инфраструктуры входят объекты, представляющие собой информационные системы, телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления технологическими процессами организаций отраслей химической промышленности, науки, здравоохранения, банковской сферы, связи, транспорта, энергетики и др., а также юридически лица и/или индивиду-

альные предприниматели, которые обеспечивают взаимодействие указанных систем или сетей, т.е. практически все сферы деятельности.

Таким образом, сходство диспозиций преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 274¹ УК РФ и ч. 1 ст. 274 УК РФ, заключается в наступлении уголовной ответственности за нарушение рассмотренных выше правил. Их разница состоит в последствиях, ведь к критической инфраструктуре можно отнести большую часть «компаний».

Поэтому полагаем, что сложность в доказывании суммы причиненного ущерба по ч. 1 ст. 274 УК РФ является значимым (если не решающим) фактором, который в итоге затрудняет деятельность правоприменительных органов при решении вопроса о привлечении виновных к уголовной ответственности по данной норме.

Следующий аспект сложности квалификации деяний связан с отсутствием практики привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 274 УК РФ из-за отсутствия четкого значения «тяжких последствий». Выше указано, что, по статистике Судебного департамента, за последние 5 лет число обвинительных приговоров по ч. 2 ст. 274 УК РФ составило всего 1 – в 2018 году.

«Тяжкие последствия» в данной норме являются оценочным понятием. В связи с тем, что судебная практика по данной норме не выработана, понять степень последствий, чтобы считать их таковыми, довольно сложно. Так, в методических рекомендациях по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации тяжесть последствий определяется с учетом совокупности обстоятельств дела (причинение особо крупного материального ущерба, серьезное нарушение деятельности предприятий и организаций, наступление аварий и катастроф, причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью людей или их смерти, уничтожение, блокирование, модификация или копирование привилегированной информации особой ценности, реальность созданной угрозы и др.)³.

В ч. 1 ст. 274 УК РФ криминообразующим признаком является причинение вреда на сумму свыше 1 миллиона рублей. В связи с этим возникает вопрос, на какую же сумму должен быть причинен вред, чтобы считать его последствия

¹ Постановление Лефортовского районного суда г. Москвы № 1-277/2014 от 29 сентября 2014 г. по делу № 1-277/2014. URL: <https:sudact.ru> (дата обращения: 18.02.2021).

² О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации от 14.04.2014: утв. Генпрокуратурой России. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тяжкими по ч. 2 ст. 274 УК РФ? Ни законодатель, ни Верховный Суд ответа на такой вопрос не дают.

Однако, если обратиться к характеристике преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, Пленум Верховного суда РФ разъясняет, что под тяжкими последствиями следует понимать последствия совершения преступления в виде крупных аварий и длительной остановки транспорта или производственного процесса, иного нарушения деятельности организации, причинение значительного материального ущерба, причинение смерти по неосторожности, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего и т.п.¹ Как мы видим, в данном определении уже отсутствуют последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью, и более того – вреда средней тяжести. В ч. 2 ст. 228² УК РФ квалифицирующим признаком выступает причинение вреда здоровью человека или иных тяжких последствий.

Квалифицирующий признак «тяжкие последствия» встречается в Уголовном кодексе Российской Федерации довольно часто. Нельзя сказать, что в большинстве случаев он четко определен. Поэтому, как справедливо отметил профессор Л.Л. Кругликов, «вопрос об отнесении конкретных последствий содеянного к категории тяжких решается судом с учетом всех обстоятельств дела» [4, с. 42]. Учитывая специфику рассматриваемого состава преступления, при рассмотрении таких дел судами должен приниматься во внимание не только вред, непосредственно причиненный преступлением, но и дополнительные вредные для потерпевшего последствия.

Вместе с тем, ввиду компьютеризации широкого масштаба во многих сферах деятельности, данное преступление может быть сопряжено с другими преступлениями. Так, например, Е.А. Рускевич допускает сопряжение ст. 274 УК РФ со ст. 143, 215-215.4, 216, 217, 217.1, 219 УК РФ (преступления в сфере охраны труда). Следует согласиться с данным мнением, поскольку, как отмечает автор, в связи с тем, что на современном этапе системы безопасности труда, контроля и доступа пожарной сигнализации и др. функционируют посредством компьютерной техники, такие преступления могут быть сопряжены с нарушением правил эксплуатации средств хране-

ния, обработки или передачи компьютерной информации [6, с. 99]. Однако нарушение требований охраны труда образует состав преступления в том случае, если они повлекли за собой причинение тяжкого вреда здоровью человека либо его смерть. В качестве примера можно также привести наличие конкуренции ст.ст. 109, 118 УК РФ и ст. 274 УК РФ. В период пандемии COVID-19, в результате нарушения медицинским работником правил эксплуатации или передачи компьютерной информации, аппарат искусственной вентиляции легких прекращает работу, что приводит к причинению вреда здоровью (например, средней тяжести, причинение которого по определению ст. 112 УК РФ, по неосторожности – невозможно) или смерти пациента.

Заключение

По сути, ст. 274 УК РФ является специальной по отношению к вышеуказанным составам преступлений. Однако наличие более четкой определенности критериев тяжких последствий в результате действий (бездействия), составляющих объективную сторону рассматриваемого состава преступления, при расследовании и рассмотрении уголовных дел, на наш взгляд, упростило бы квалификацию по данной норме.

Таким образом, полагаем, что в целях противодействия преступному нарушению правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей необходимо:

- 1) разработать и закрепить на федеральном уровне и уровне субъектов Российской Федерации общие нормативные предписания по эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей;
- 2) разработать рекомендации по оценке стоимости компьютерной информации, оборудования, а также вынужденных действий потерпевшего по их восстановлению, исходя из объективных критериев;
- 3) законодательно определить или дать руководящие разъяснения Верховным Судом Российской Федерации по вопросу значения такой категории вреда, как «тяжкие последствия», предусмотренной ч. 2 ст. 274 УК РФ.

¹ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Быков В.М., Черкасов В.Н. Новая редакция ст. 274 УК РФ // Законность. 2012. № 11. С. 25–29.
2. Зыков Д.А. Проблемы установления уголовной ответственности по статье 274 УК РФ // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 2(19). С. 84–86.
3. Капинос Э.О., Капиносова Д.П. Проблемы квалификации преступлений по ст. 274 Уголовного кодекса РФ «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей» // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. 2016. № 21. С. 37–43.
4. Кругликов Л.Л. Тяжкие последствия в уголовном праве: объективные и субъективные признаки // Уголовное право. 2010. № 5. С. 38–46.
5. Крылов В.В. Криминалистические проблемы оценки преступлений в сфере компьютерной информации // Уголовное право. 1998. № 3. С. 81–89.
6. Русскевич Е.А. Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ): вопросы квалификации // Уголовное право. 2020. № 5. С. 94–104.
7. Bambauer D.E. Privacy Versus Security // Journal of Criminal Law and Criminology. 2013. Vol. 103, iss. 3. Pp. 666–684. Available at: [https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/do/search/?q= corporate_author%3A%22Derek%20E.%20Bambauer%22&start=0&context=1636526&facet=](https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/do/search/?q=corporate_author%3A%22Derek%20E.%20Bambauer%22&start=0&context=1636526&facet=) (accessed 11.04.2021).

REFERENCES

1. Bykov V.M., Cherkasov V.N. New edition of Article 274 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Legality*, 2012, no. 11, pp. 25–29. (In Russ.).
2. Zykov D.A. Problems of establishing criminal liability under Article 274 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2011, no. 2(19), pp. 84–86. (In Russ.).
3. Kapinosov E.O., Kapinosova D.P. Problems of qualification of crimes under Article 274 of the Criminal Code of the Russian Federation «Violation of the rules of operation of storage, processing or transmission of computer information and information and telecommunications networks». *Bulletin of the Komi Republican Academy of Public Service and Management*, 2016, no. 21, pp. 37–43. (In Russ.).
4. Kruglikov L.L. Heavy consequences in criminal law: objective and subjective signs. *Criminal law*, 2010, no. 5, pp. 38–46. (In Russ.).
5. Krylov V.V. Criminalistic problems of crime assessment in the field of computer information. *Criminal law*, 1998, no. 3, pp. 81–89. (In Russ.).
6. Russkevich E.A. Violation of the rules for the operation of storage, processing or transmission of computer information and information and telecommunications networks (Article 274 of the Criminal Code of the Russian Federation): questions of qualification. *Criminal law*, 2020, no 5, pp. 94–104. (In Russ.).
7. Bambauer D.E. Privacy Versus Security. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 2013, vol. 103, no. 3, pp. 666–684. Available at: [https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/do/search/?q= corporate_author%3A%22Derek%20E.%20Bambauer%22&start=0&context=1636526&facet=](https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/do/search/?q=corporate_author%3A%22Derek%20E.%20Bambauer%22&start=0&context=1636526&facet=) (accessed 11.04.2021). (In Eng.).

Информация об авторах:

Лупырь Максим Валерьевич,
преподаватель кафедры уголовного права Омской
академии МВД России, кандидат юридических наук,
капитан полиции
E-mail: urmax@bk.ru
ORCID: 0000-0001-9126-9416

Кондратьюков Сергей Сергеевич,
преподаватель кафедры деятельности органов внут-
ренних дел в особых условиях Омской академии МВД
России, майор полиции
E-mail: mr.skandalist@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4614-2525

Квасников Евгений Сергеевич,
адъюнкт Омской академии МВД России,
майор полиции
E-mail: Evgen1219@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2418-3900

Information about the authors:

Maxim V. Lupyry,
Lecturer of the Department of Criminal Law of Omsk
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ph. D. (Law), police captain
E-mail: urmax@bk.ru
ORCID: 0000-0001-9126-9416

Sergey S. Kondratyukov,
Lecturer of the Department of Activity of Internal Affairs
Bodies in Special Conditions of Omsk Academy of the
Ministry of Internal Affairs of Russia, police major
E-mail: mr.skandalist@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4614-2525

Evgeny S. Kvasnikov,
Adjunct of Omsk Academy of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, police major
E-mail: Evgen1219@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2418-3900

Информация для цитирования:

Нагибин В.Л. Ответственность лиц, осужденных к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 2(41). С. 67–77. DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.008.

For citation:

Nagibin V.L. Otvetstvennost' lic, osuzhdennyh, k nakazaniyam i inym meram ugolovno-pravovogo haraktera, ne svyazannym s izolyaciej ot obshchestva [Responsibility of Persons Convicted to Punishments and Other Measures of a Criminal Legal Nature, Not Related to Isolation from Society]. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2021, no. 2(41), pp. 67–77 (In Russ.). DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.008.

УДК 343.847

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ К НАКАЗАНИЯМ
И ИНЫМ МЕРАМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА,
НЕ СВЯЗАННЫМ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА**

В.Л. Нагибин¹

¹ ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

614012, г. Пермь, ул. Карпинского, 125

E-mail: viktorln@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1654-8906

Аннотация. Введение: Ответственность за уклонение от исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества – актуальный вопрос. Однако ответственность за совершение осужденными некоторых административных правонарушений не предусмотрена, например, ответственность за административные проступки осужденных к обязательным и исправительным работам. Закрепление механизма эффективного контроля, имеющего действенные формы воздействия на подконтрольных лиц, позволит эффективно и своевременно принимать соответствующие меры воздействия на осужденных, препятствуя совершению ими повторных преступлений, оказывая воспитательное (профилактическое) воздействие посредством применения жестких, но адекватных мер.

Цель: выявить и рассмотреть проблемы, связанные с ответственностью, в том числе административной, и за совершение административных правонарушений, осужденных к наказаниям и мерам, альтернативным лишению свободы. **Методологическую основу** исследования составляет эмпирический и формально-юридический методы познания. **Результаты:** На основе проведенного анализа предложены меры по решению проблем ответственности осужденных к наказаниям и мерам, которые позволят доказать исправление последних, оставаясь в социуме. **Выводы:** Автор приходит к выводу о том, что вопрос ответственности осужденных, в том числе за совершение административных правонарушений, в действующем законодательстве в полном объеме не регламентирован. Урегулирование вопросов ответственности будет способствовать достижению основных целей наказания, исправления, предупреждения совершения со стороны, в первую очередь, осужденных за повторные преступления и защите как государственных, так и общественных интересов.

Ключевые слова: осужденные; административные правонарушения; уголовно-исполнительные инспекции; ответственность; наказание.

RESPONSIBILITY OF PERSONS CONVICTED TO PUNISHMENTS
AND OTHER MEASURES OF A CRIMINAL LEGAL NATURE,
NOT RELATED TO ISOLATION FROM SOCIETY

Viktor L. Nagibin¹

¹ Perm Institute of the FPS of Russia
125, Karpinskogo st., Perm, Russia, 614012
E-mail: viktorln@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1654-8906

Abstract. Introduction: Liability for evading the punishments execution and criminal-legal measures without isolation from society is a topical issue. Though the responsibility for the commission of some administrative offenses by convicts is not yet fixed, i.e. there is no provision the liability for administrative offenses of convicts sentenced to correctional labor. Securing the mechanism of effective control and having effective forms of impact on the persons under control will give a chance to effectively and timely take appropriate measures of influence on convicts, preventing them from committing repeated crimes, exerting an educational (preventive) effect on them, through the use of tough but adequate measures. **Aim:** to identify and consider the problems associated with liability, including administrative offenses, alternative to imprisonment. **Methods:** The methodological basis of this research is the empirical and formal legal methods of cognition. **Results:** The analysis proposed measures to solve the problems of committing punishments and measures for administrative convicts. On the base of responsibility, those sentenced to punishments and measures that will allow convicts to prove their correction, while remaining in society. **Conclusions:** The author comes to the conclusion that the responsibility of convicts for the commission of administrative offenses is not totally regulated by the legislation. The settlement of responsibility issues will contribute to the achievement of the main targets of punishment, correction and prevention of committing by the convicts repeated crimes as well as it contributes to the protection of both state and public interests.

Keywords: convicts; administrative offenses; penitentiary inspections; responsibility; punishment.

Введение

Уголовно-исполнительная политика определяет основные цели, задачи, принципы, стратегию и основные направления развития уголовно-исполнительной системы по исполнению наказаний, в том числе альтернативных лишению свободы, исправлению осужденных, предупреждению совершения ими повторных преступлений. Деятельность уголовно-исполнительной системы и законодательство в данной сфере в целом с каждым годом все больше приобретает социально ориентированный характер.

Уменьшение количества лиц, содержащихся под стражей и осужденных в местах лишения свободы, путем активного применения наказаний и мер пресечения, не связанных с лишением свободы, расширения практики применения замены неотбытой части наказания более мягким видом

наказания направлено на гуманизацию уголовно-исполнительной политики.

Но гуманизация не должна восприниматься как вседозволенность, возможность безнаказанно совершать противоправные деяния. Проводить гуманизацию законодательства необходимо планомерно, взвешенно. Непродуманное смягчение наказаний, отсутствие ответственности за уклонение от отбывания наказания, неисполнение обязанностей (ограничений), возложенных судом, может привести к противоположному результату. Может снизиться воспитательная (профилактическая) составляющая наказаний, что приведет к росту повторной преступности. Процессы гуманизации должны быть логичны и продуманы.

С расширением практики назначения наказаний и мер уголовно-правового характера, альтернативных лишению свободы, пенитенциарные

учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы, все больше теряют ведущие позиции при исполнении наказаний. Учитывая это, важнейшим и перспективным направлением развития уголовно-исполнительной системы является совершенствование системы наказаний, альтернативных лишению свободы, расширение практики их назначения, развитие учреждений и органов, исполняющих наказания без изоляции от общества, их кадрового потенциала и материально-технического обеспечения.

Неизбежно последует необходимость в совершенствовании порядка, как назначения, так и самого исполнения институтов наказаний и мер, альтернативных лишению свободы, в связи с расширением практики их применения.

Рассматривая вопрос ответственности осужденных, необходимо отметить, что развитие наказаний и мер уголовно-правового характера, альтернативных лишению свободы, является важнейшим направлением гуманизации и придания социальной направленности уголовно-исполнительного законодательства.

Наказания и меры, альтернативные лишению свободы, должны решать, как минимум, задачи исправления осужденных; предотвращения совершения ими повторных преступлений; снижения криминализации общества путем уменьшения численности лиц, содержащихся в местах лишения свободы, с предоставлением возможности осужденным доказать свое исправление, без изоляции от общества, отрыва от социально полезных связей, семьи и работы.

Для достижения указанных целей, эффективной реализации институтов наказаний и мер, альтернативных лишению свободы, гуманизация законодательства должна идти не только по пути создания осужденным благоприятных условий, их ресоциализации, адаптации, но и возможности принятия, при выявлении фактов нарушений, адекватных мер воздействия к лицам, их допустившим.

Ответственность лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях

На текущий момент ответственность осужденных предусмотрена по каждому виду наказания и каждой мере уголовно-правового характера, но ответственность различна и не всегда может эффективно воздействовать на подконтрольных лиц, состоящих на учете в УИИ.

Анализируя наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, представля-

ется, что карательная составляющая ответственности при исполнении данного вида наказания самая низкая, а эффективная ответственность лиц попросту отсутствует.

В срок наказания не засчитывается время, в течение которого осужденный занимал запрещенные для него должности, либо занимался запрещенной для него деятельностью.

Ответственность данной категории лиц заключается лишь в том, что в случае фиксации факта нарушения осужденному будет продлен срок наказания.

Эффективность такой ответственности невелика. В Пермском крае по итогам 2020 года из 7564 осужденных к рассматриваемому виду наказания, прошедших по учетам УИИ, – 6878 лиц, что составило более 90 %, осуждены по статьям 264, 264.1 УК РФ, то есть в свою очередь на них возложен запрет на управление транспортными средствами. В лучшем случае, данной категории лиц, при выявлении факта привлечения к административной ответственности за нарушение правил дорожного движения, будет продлен срок наказания на срок, равный зафиксированным фактам административных правонарушений, – «1 правонарушение – 1 день, не засчитывается в срок наказания».

Данная категория лиц, по требованию УИИ предоставляет документы, связанные с отбыванием наказания, сообщает о месте работы, его изменении или об увольнении с работы, а также об изменении места жительства. Непредоставление тех или иных сведений, документов не несет какую-либо меру, ухудшающую положение подконтрольного. У сотрудников уголовно-исполнительных инспекций попросту отсутствуют рычаги принуждения осужденных.

Таким образом, ответственность данной категории лиц требует доработки на законодательном уровне. Учитывая, что количество данной категории лиц существенно, – примерно треть всех осужденных, состоявших на учете в УИИ, осуждены к данному виду наказания, назначенному в качестве основного, либо, как правило, дополнительного, – считаем необходимым рассмотреть вопрос ужесточения ответственности данной категории лиц, в частности за неисполнение обязанностей и требований приговора суда, с возможностью изменения наказания по представлению УИИ более строгим.

Рассматривая ответственность осужденных при исполнении таких видов наказаний, как обязательные и исправительные работы, следует отметить, что данные наказания связаны с обяза-

тельным привлечением осужденных к труду.

Ответственность осужденных к обязательным работам предусмотрена только при допущении нарушений неоднократно. Злостно уклоняющиеся от отбывания обязательных работ – это осужденные, более двух раз в течение месяца не вышедшие на обязательные работы, без уважительных причин; более двух раз в течение месяца нарушившие трудовую дисциплину, а также скрывшиеся в целях уклонения от отбывания наказания (УИК РФ).

Осужденные, местонахождение которых не установлено, в течение 30 дней, в ходе проведения первоначальных розыскных мероприятий, объявляются в розыск и могут быть задержаны на срок до 48 часов. Данный срок может быть продлен судом до 30 суток, пребывание под стражей, в том числе после рассмотрения вопроса о замене наказания, засчитывается из расчета один день содержания под стражей за восемь часов обязательных работ.

То есть, ответственность за разовые прогулы, нарушения трудовой дисциплины не предусмотрена. По сути закона осужденный может ежемесячно, разово допускать прогул, нарушать трудовую дисциплину. Необходимо отказаться от временных рамок действия нарушений, предотвратить тем самым возможные нарушения со стороны осужденных.

Срок 1 день лишения свободы (принудительных работ) за 8 часов обязательных работ, из расчета которого осуществляется замена наказания, представляется объективным не в полном объеме.

В практической деятельности обязательные работы с регулярной периодичностью заменяются лишением свободы, всего на 10, 15 и более дней. В соответствии с требованиями ст. 75.1 УИК РФ, данная категория лиц направляется к месту отбывания наказания, в колонию-поселение самостоятельно, за счет государства. Соответственно – это выделение денежных средств на проезд и питание осужденному на период следования к месту отбывания наказания. Регулярно осужденные уклоняются от самостоятельного следования к месту отбывания наказания, совершают противоправные деяния в указанный период.

Как результат осмысления ответственности осужденных к обязательным работам считаем необходимым рассмотреть вопрос введения ответственности за единичные нарушения (прогулы, нарушение трудовой дисциплины). Например, по аналогии с наказанием в виде ис-

правительных работ, дать возможность наложения на осужденных обязанности в виде явки раз в месяц, для проведения воспитательной работы с осужденными и предоставлении осужденным отчета о своем поведении.

Определение ответственности при отбывании исправительных работ представляется более логичным по сравнению с обязательными работами: отсутствуют временные рамки действия нарушений, единичное нарушение дает возможность наложения на осужденного обязанности в виде явки на регистрацию, до двух раз в месяц.

Осужденный к исправительным работам не вправе отказаться от предложенной ему работы. Порядок исполнения наказания в виде обязательных работ аналогичную норму не закрепляет, что, по нашему мнению, может дать осужденному возможность отказаться от предложенной работы, по надуманным осужденным основаниям.

Также не регламентирован то положение, что отказ от предложенной осужденным работы является нарушением. Считаем необходимым в ст. 30 и 46 УИК РФ закрепить норму, которая будет указывать на то, что отказ от предложенной осужденным работы расценивается как уклонение от наказания, вследствие чего наказание подлежит замене.

Рассматривая наказание в виде ограничения свободы, можно отметить конкуренцию данного наказания с институтом условного осуждения, на что указывают и ряд других авторов.

За нарушение осужденным порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы инспекция применяет к нему взыскания в виде предупреждения, официального предостережения.

Злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде ограничения свободы признается:

осужденный, допустивший нарушение порядка и условий отбывания наказания в течение одного года после применения к нему взыскания в виде официального предостережения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений;

осужденный, отказавшийся от использования в отношении его технических средств надзора и контроля;

скрывшийся с места жительства осужденный, место нахождения которого не установлено в течение более 30 дней;

осужденный, не прибывший в уголовно-исполнительную инспекцию по месту жительства в соответствии с предписанием, полученным при освобождении из ИУ.

Наиболее строгая ответственность – это срок, из расчета которого заменяется неотбытая часть ограничения свободы более строгим видом наказания, 2 дня ограничения свободы заменяется на 1 день лишения свободы.

Для сравнения, срок замены наказания в виде исправительных работ рассчитывается из расчета 3 дня к 1, а при обязательных работах 8 часов заменяются 1 днем лишения свободы.

У лиц, которым ограничение свободы назначено в качестве дополнительного вида наказания к лишению свободы, ответственность наступает по части 1 статьи 314 УК РФ, за злостное уклонение лица, осужденного к ограничению свободы, от отбывания наказания. Ответственность указанной статьи предусматривает назначение наказаний в виде принудительных работ, лишения свободы до 1 года.

На практике отмечаются факты умышленного повреждения (уничтожения), утери по вине осужденных контрольных устройств, применяемых к осужденным. Однако данный факт никак не отражен ни в уголовном, ни в уголовно-исполнительном законодательстве и не является ни нарушением порядка и условий отбывания наказания, ни тем более злостным уклонением от отбывания наказания. В данном случае ущерб взыскивается в соответствии с нормами гражданского права, что затруднительно, учитывая, низкий материальный уровень осужденных.

Аналогичное мнение высказывали и другие авторы [3, с. 66].

Целесообразно наряду с отказом от применения технических средств надзора и контроля закрепить умышленное повреждение (уничтожение) осужденным средств надзора и контроля как злостное уклонение от отбывания наказания в виде ограничения свободы.

При единичных нарушениях поведения, исходя из личности поднадзорного, отношения к наказанию и если это целесообразно, возможно дополнить осужденному ранее установленные ограничения. Однако перечень ограничений, возлагаемых на осужденного, ограничен статьей 53 УК РФ, в отличие от условно осужденных, для которых в соответствии со статьей 73 УК РФ не ограничен перечень обязанностей, возлагаемых на осужденных. Таким образом, если на осужденного возложен весь спектр ограничений, предусмотренных частью 1 статьи 53 УК РФ, то возложение каких-либо других ограничений невозможно, даже если они будут способствовать его исправлению.

При сравнении, разовые нарушения при ус-

ловном осуждении влекут еще одну немаловажную форму реагирования на допущенные нарушения, – продление испытательного срока. Данный вид профилактического воздействия применяется в случае разового нарушения осужденным обязанностей, возложенных судом, нарушении общественного порядка, уклонении от возмещения вреда, причиненного преступлением, – на срок не более одного года. Проводя аналогию, законодатель закрепляет и норму, позволяющую произвести незачет, в срок наказания в виде ограничения свободы. Например, время самовольного отсутствия осужденного по месту жительства свыше одних суток без уважительных причин. Представляется возможным применение указанной нормы и в институте условного осуждения.

Также немаловажным является тот факт, что к условно осужденным за уклонение от возмещения вреда, причиненного преступлением, применяются меры воздействия.

Не возмещая вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда, путем сокрытия имущества, доходов, уклонения от работы уголовно-исполнительная инспекция предупреждает условно осужденного в письменной форме о возможности отмены условного осуждения. Уклонением от возмещения вреда, причиненного преступлением, признается также не возмещение такого вреда по неуважительным причинам.

Представляется, что после вынесения осужденному письменного предупреждения, в суд направляется представление о продлении испытательного срока и при необходимости, дополнении ранее возложенных обязанностей, например, «Трудоустроиться», «Принять меры к трудоустройству» или иную обязанность, исходя из личности осужденного.

Однако остается вопрос, возможно ли отменить условное осуждение за уклонение от возмещения вреда, причиненного преступлением.

Условно осужденные обязаны отчитываться перед уголовно-исполнительными инспекциями о своем поведении, исполнять возложенные на них судом обязанности, возмещать вред, причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда, являться по вызову в уголовно-исполнительную инспекцию. При неявке без уважительных причин условно осужденный может быть подвергнут приводу.

Таким образом, возмещение вреда приравнивается к обязанностям, возложенным судом, за нарушение которых к осужденному принимаются соответствующие меры воздействия.

Если условно осужденный в течение продленного испытательного срока в связи с его уклонением от возмещения вреда, причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, систематически уклоняется от возмещения указанного вреда, суд по представлению органа, указанного в части первой настоящей статьи, также может вынести решение об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда.

Систематическим нарушением общественного порядка является совершение условно осужденным в течение одного года двух и более нарушений общественного порядка, за которые он привлекался к административной ответственности. Систематическим неисполнением обязанностей является совершение запрещенных или невыполнение предписанных условно осужденному действий более двух раз в течение одного года либо продолжительное (более 30 дней) неисполнение обязанностей, возложенных на него судом.

В процессе изучения понятия множественных, системных нарушений общественного порядка, обязанностей, возложенных судом, мы приходим к выводу, что законодатель оставил без внимания понятие уклонения от возмещения вреда.

Если условно осужденный в течение испытательного срока систематически нарушал общественный порядок, за что привлекался к административной ответственности, систематически не исполнял возложенные на него судом обязанности, систематически уклонялся от возмещения вреда, причиненного преступлением, либо скрылся от контроля, то начальник уголовно-исполнительной инспекции или командование воинской части направляет в суд представление об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда, считаем логично закрепить данную норму права (ч. 4 ст. 190 УИК РФ).

Необходимо закрепить и определение систематического уклонения от возмещения вреда, причиненного преступлением, определив его как повторное уклонение от возмещения вреда, в течение 30 рабочих дней после продленного испытательного срока в связи с уклонением лица от возмещения вреда, причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда. Аналогичную норму целесообразно внести и в ст. 74 УК РФ. Данные формулировки устранят неясности по данному вопросу.

На лиц, осужденных условно, возлагаются и такие обязанности, как необходимость отчитываться о своем поведении, являться по вызову в

уголовно-исполнительную инспекцию. Необходимо закрепить нормы, которые позволят за нарушение таких обязанностей выносить осужденным предупреждения, с последующим принятием мер воздействия (продление испытательного срока, отмена условного осуждения).

Следует отметить, что во время всего испытательного срока, при наличии нарушений, условное осуждение может быть отменено, и человек начнет отбывать назначенное наказание полностью с самого начала. Также следует отметить гибкость условного осуждения, ведь законодатель не ограничивает сотрудников УИИ в выборе обязанностей, которые могут быть возложены, исходя из личности осужденного, а также в отсутствии фактов совершения осужденным нарушений общественного порядка и обязанностей, возложенных судом.

Институты наказаний, альтернативных лишению свободы, регулярно совершенствуются, в том числе в сторону гуманизации наказаний, однако следует отметить, что у сотрудников УИИ должны быть эффективные рычаги принуждения осужденных к выполнению возлагаемых на них обязанностей (ограничений), возможность проведения с ними воспитательной (профилактической) работы, не забывая о психологической поддержке, социальной адаптации и ресоциализации осужденных.

Одним из последних нововведений в институт наказаний, альтернативных лишению свободы, стало введение в 2014 году в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 72.1: при назначении лицу, признанному больным наркоманией, основного наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы, возлагается соответствующая обязанность.

Однако, не отходя от заявленной темы исследования, скажем, что меры воздействия данной статьей не определены.

При уклонении осужденных от прохождения курса лечения, последующей реабилитации от наркомании, с осужденными проводятся профилактические (воспитательные) беседы.

Согласно обзору судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 2016 года, после уклонения осужденного от прохождения обязанности, УИИ направляют соответствующие материалы в органы внутренних дел, для рассмотрения вопроса о составлении административных материалов по ст. 6.9.1 КоАП РФ и

привлечении осужденного к дальнейшей ответственности.

Принимая во внимание факторы личности наркозависимого осужденного, его низкий мотивационный уровень, учитывая невысокий профилактический (воспитательный) характер административной ответственности, применяемой к осужденным, большим наркоманией, необходимо отметить низкую эффективность ответственности при уклонении от указанной обязанности.

Следует согласиться с мнением Н.В. Ольховика, что необходимо законодательно предусмотреть право суда, по представлению УИИ, возлагать на осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательным и исправительным работам обязанности, в период отбывания наказания [6, с. 57].

Ответственность лиц, осужденных к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, за совершение административных правонарушений

К условно осужденным лицам, осужденным к наказанию в виде ограничения свободы, совершившим административные правонарушения, применяются меры воздействия, вплоть до отмены условного осуждения, замены ограничения свободы. Однако ответственность предусмотрена только при нарушении общественного порядка.

А к лицам, лишенным права управления транспортным средством, на срок, определенный приговором суда, в соответствии с требованиями приговора суда, ответственность применяется и за совершение правонарушений в области правил дорожного движения.

Условно осужденному, допустившему нарушение общественного порядка, по представлению УИИ может быть продлен испытательный срок, а в случае установления множественности, системы нарушения общественного порядка, условное осуждение может быть отменено¹. За аналогичные проступки лицам, осужденным к наказанию в виде ограничения свободы, выносятся предупреждения, официальные предостережения², вплоть до признания осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания.

Ранее установленные обязанности, ограничения, при наличии целесообразности могут быть

дополнены³.

Следует задать вопрос. А как же остальные составы административных правонарушений? По смыслу закона, в настоящее время отсутствует ответственность осужденных за совершение, например, таких административных правонарушений, как: побои, управление автомобилем в состоянии опьянения.

К рассматриваемым категориям лиц, совершившим административные правонарушения, не посягающим на общественный порядок, применение каких-либо действенных мер не предусмотрено. В лучшем случае, возможно возложить дополнительные обязанности (ограничения), что негативно сказывается на воспитательном (профилактическом) воздействии на осужденных, показывает им их безнаказанность.

За совершение любых административных правонарушений в действующем законодательстве отсутствует какая-либо ответственность осужденных к наказаниям, с обязательным привлечением к труду.

Лица, осужденные к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, фактически несут ответственность только при лишении права управления транспортными средствами и только за правонарушения в области дорожного движения. Однако их ответственность заключается только в том, что в срок наказания не засчитывается время, в течение которого осужденный занимал запрещенные для него должности, либо занимался запрещенной для него деятельностью [4, с. 165].

В отношении таких осужденных не конкретизируется ответственность за уклонение от отбывания наказания. Это пробел в законодательстве, и он вызывает проблемы в деятельности УИИ. Необходима разработка и внесение соответствующих изменений. Предметные основания, виды ответственности за уклонение от данного наказания должны быть предусмотрены в первую очередь в статье 38 УИК РФ [2, с. 33].

За единичный факт правонарушения, в области дорожного движения, осужденному будет не зачтен 1 день в срок наказания.

Указывается на отсутствие правовой основы для работы с осужденными к наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2, ст. 198.

³ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2, ст. 198.

стью, скрывшимися от контроля УИИ. Законодательно не предусмотрено проведение первоначальных мероприятий по установлению их местонахождения, последующее объявление в розыск и задержание осужденных, что приводит к безнаказанности [1, с. 377–378].

Представляется, что за привлечение к административной ответственности, за проступки, предусмотренные статьями 6.1.1, 6.9, 7.27, 12.8 кодекса, наиболее часто совершаемые осужденными рассматриваемой категории, в обязательном порядке должна быть предусмотрена ответственность, с возможностью вынесения им письменных предупреждений (предостережений), применения мер воздействия, вплоть до отмены условного осуждения, замены ограничения свободы, в связи с системным нарушением «административного законодательства».

Учитывая низкое профилактическое (воспитательное) воздействие на осужденных наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, часто низкий мотивационный уровень подконтрольных лиц (как правило, лица данной категории осуждены по ст. 264.1 УК РФ (злоупотребляющие алкогольными напитками), с целью эффективного контроля, принятия своевременных и действенных мер, в том числе на осужденных к наказаниям в виде обязательных, исправительных работ *предлагаем*:

– рассмотреть вопрос введения ответственности лиц, осужденных к наказанию в виде запрета занимать определенную должность (далее – ЗЗД), с возможностью замены наказания. Например, по аналогии с условным осуждением, за систематическое нарушение (более двух раз в год) порядка и условий отбывания наказаний, а также расширения перечня составов административных правонарушений, за которые возможно применение к ним соответствующих мер. Учитывая, что меры правового воздействия за уклонение от обязанностей, возложенных при условном осуждении, являются одними из наиболее строгих¹;

– необходимо закрепить и ответственность осужденных к обязательным и исправительным работам, за привлечение к административной ответственности, за проступки, предусмотренные главой 20 и статьями 6.1.1, 6.9, 7.27, 12.8 кодекса.

Как отмечают специалисты, возможность за-

мены наказания и направления осужденного в места лишения свободы мотивирует осужденного к исправлению².

Считаем, что расширение перечня административных правонарушений, возможность принятия действенных мер реагирования, к осужденным, их допустившим, станет одной из попыток на пути к решению проблемы профилактики совершения и предупреждения повторной преступности среди них. Решение обозначенных проблем, совершенствование законодательства позволит более эффективно применять институты наказаний и меры уголовно-правового характера без изоляции от общества, обеспечивать ресоциализацию подконтрольных посредством повышения уровня как профилактической, так и воспитательной работы с осужденными.

Привлечение к административной ответственности осужденных к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, за правонарушения, предусмотренные статьей 19.3 КоАП РФ

На осужденных возлагается ряд обязанностей, за уклонение от которых сотрудники УИИ не могут применить какие-либо меры воздействия:

являться по вызову и ставить в известность УИИ о смене места жительства, должны осужденные к обязательным работам;

предоставлять по требованию УИИ документы, связанные с отбыванием наказания и трудовой деятельностью, а также изменении места жительства обязаны осужденные к наказанию в виде ЗЗД;

осужденные к исправительным работам обязаны сообщать об изменении места жительства, также им запрещено увольняться с работы по собственному желанию;

осужденные к обязательным и к исправительным работам не вправе отказаться от предложенной им работы;

являться по вызову и отчитываться перед УИИ о своем поведении обязаны условно осужденные.

За нарушение перечисленных обязанностей ответственность не предусмотрена.

Представляется возможным рассмотреть вопрос о привлечении осужденных к ответственно-

¹ Устинов А.А. Наказание в виде ограничения свободы: к вопросу о месте в системе наказаний и целесообразности применения // Организационное и правовое обеспечение деятельности уголовно-исполнительных инспекций на современном этапе: сб. материалов круглого стола. М., 2020. С. 241.

² Ларионов А.В. Институт условного осуждения как пример эффективной меры уголовно-правового характера, не связанной с изоляцией осужденного от общества // Противодействие преступности в современных условиях: уголовно-правовые, криминологические и психолого-педагогические аспекты: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. уч.). Пермь, 2020. С. 51.

сти, а именно к административной, за уклонение от перечисленных выше обязанностей, связанных с реализацией судебного решения и закрепленных в УИК РФ.

Но на данном этапе осужденные к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, к административной ответственности фактически не привлекаются.

По итогам 2020 года в отношении осужденных, в Пермском крае, сотрудниками УИИ не составлен ни один административный протокол, предусмотренный статьей 19.3 КоАП РФ, а в 2017 году данная цифра равнялась всего 6.

Следует отметить, что санкция ст. 19.3 КоАП РФ, в виде ареста до 15 суток, является довольно суровой карой, также возможно наложение административного штрафа в размере от 500 до 1000 рублей.

Статья 28.3 КоАП РФ предоставляет полномочия составлять административные материалы по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, в том числе начальникам УИИ, филиалов УИИ, их заместителям, старшим инспекторам, инспекторам.

При изучении нормативно-правовой базы по рассматриваемому вопросу, можно отметить, что с одной стороны сотрудники УИИ могут правомерно составлять соответствующие административные материалы, согласно перечню, ст. 28.3 КоАП РФ и нормам самой ст. 19.3 КоАП РФ. С другой стороны, согласно формулировке, закрепленной в ст. 19.3 кодекса, неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника органа или учреждения УИС должно быть сопряжено с исполнением им обязанности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Возникает вопрос: «Осуществляет ли сотрудник УИИ деятельность по обеспечению общественной безопасности и охране общественного порядка»? Вопрос дискуссионный.

Например, закреплены нормы, которые указывают, что к основным направлениям деятельности полиции, в числе иных, относится предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, а также обеспечение правопорядка в общественных местах.

Аналогичные функции на сотрудников УИИ нормативно-правовыми актами не закрепляются.

Можно сделать вывод, что все же сотрудники УИИ обязанности по обеспечению общественной безопасности и порядка не реализуют, таким образом, представляется, что составлять административные материалы на лиц, осужденных без

изоляции от общества, за правонарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, не правомерны.

Считаем необходимым, с целью устранения данного спорного и противоречивого вопроса, внести изменения в ст. 19.3 кодекса, дополнив частью 1.2., «За неповиновение осужденного законному распоряжению или требованию сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы в связи с исполнением им обязанностей по исполнению наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией осужденных от общества, а равно воспрепятствование исполнению им служебных обязанностей, если за указанные действия не предусмотрена ответственность УК РФ, УИК РФ – накладывается штраф в размере от пятисот до одной тысячи рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток».

Представляется актуальной и статья 19.7. КоАП РФ Непредставление сведений (информации), ведь уголовно-исполнительные инспекции, исполняя судебные решения, по роду деятельности взаимодействуют с различными организациями и предприятиями.

Особое внимание уделяется предоставлению из организаций и предприятий значимой для исполнения приговора информации, о трудовой деятельности осужденных, к таким видам наказаний, как обязательные, исправительные работы, и лишенных права занимать те или иные должности, заниматься какой-либо деятельностью, ведь непредоставление, несвоевременное предоставление информации негативно сказывается на исполнении приговора суда, вступившего в законную силу, препятствует своевременному реагированию на нарушения законодательства, при реализации института исполнения наказаний, альтернативных лишению свободы.

В случае если осужденный не вышел на обязательные работы без уважительных причин, перестал работать или нарушил трудовую дисциплину, работодатель обязан сообщить об этом в УИИ для принятия к осужденному мер, предусмотренных законодательством.

В то же время, действующее уголовно-исполнительное законодательство (ч. 1 ст. 28 УИК РФ), возлагая на администрацию организации, в которой осужденный отбывает обязательные работы, обязанность уведомлять уголовно-исполнительную инспекцию о количестве проработанных часов или об уклонении осужденных от отбывания наказания, не предусматривает периодичности этого уведомления, а также ответст-

венности за ненадлежащее выполнение администрацией своих обязанностей, а также за нарушение правил учета отработанного осужденным времени [5, с. 41].

Таким образом, представляется целесообразным на законодательном уровне закрепить ответственность организаций, предприятий за непредставление сведений, необходимых для исполнения наказаний, выполнения требований приговора суда.

Заключение

Обозначенные проблемы актуализуют проведение дальнейших исследований правоприменительной практики в сфере исполнения наказаний и мер, альтернативных лишению свободы. Можно согласиться с мнением Вивьена Стерна о том, что большинство вопросов о мерах и наказаниях, альтернативных лишению свободы, сосредоточено на вопросах права, в то время как способы их организации и осуществления (исполнения) имеют такое же значение для их успешной реализа-

ции, как и законодательная база, на которую они опираются; судебные органы должны быть уверены в способах их обеспечения, в противном случае они не будут применять данный институт [7, с. 184].

Возможность принятия действенных мер реагирования к осужденным, допустившим нарушения как обязанностей (ограничений), возложенных судом, так и за совершение административных правонарушений, станет одной из попыток на пути к решению проблемы профилактики совершения и предупреждения повторной преступности, среди осужденных. Решение обозначенных проблем, совершенствование законодательства позволит более эффективно применять институты наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, повысить уровень профилактики данной категории лиц, достигнуть необходимых целей исправления, предупреждения совершения повторных преступлений со стороны осужденных, обеспечить их последующую ресоциализацию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Голодов П.В. Актуальные проблемы деятельности уголовно-исполнительных инспекций: результаты эмпирического исследования // *Пенитенциарная наука*. 2020. Т. 14, № 3. С. 373–381.
2. Дворянсков И.В. Уклонение от отбывания наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества: основания и виды ответственности // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2020. № 5(216). С. 29–35.
3. Кияйкин Д.В., Озерский С.В. О правовых, организационных и технических проблемах предупреждения (профилактики) совершения повторных преступлений осужденными без изоляции от общества (по материалам аналитической информации уголовно-исполнительных инспекций территориальных органов ФСИН России) // *Вестник Самарского юридического института*. 2019. № 1 (32). С. 63–69.
4. Лядов Э.В. Проблемные вопросы применения наказаний, альтернативных лишению свободы // *Вестник Омского университета*. Серия: Право. 2015. № 3(44). С. 163–170.
5. Ольховик Н.В. Индивидуализация контроля уголовно-исполнительных инспекций за осужденными без изоляции от общества // *Вестник Томского государственного университета*. Право. 2017. № 24. С. 37–51.
6. Ольховик Н.В. Эффективность исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы // *Всероссийский криминологический журнал*. 2018. Т. 12, № 1. С. 51–59. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12.
7. Stern V. Alternatives to prison in developing countries. London: International Centre for Prison Studies, Kings College London, Penal Reform International, 1999. 184 p.

REFERENCES

1. Golodov P.V. Aktual'nye problemy dejatel'nosti ugovolno-ispolnitel'nyh inspekcij: rezul'taty jempiricheskogo issledovanija [Actual Problems in the Activities of Penal Inspectorates: Results of Empirical Research]. *Penitencijarnaja Nauka*, 2020, Vol. 14, no. 3, pp. 373–381. (In Russ.).
2. Dvorjanskov I.V. Uklonenie ot otbyvanija nakazanij i inyh mer ugovolno-pravovogo haraktera, ne svjazannyh s izoljaciej ot obshhestva: osnovanija i vidy otvetstvennosti [Evasion from Serving Sentences and Other Measures of a Criminal Law Nature Unrelated to Isolation from Society: Grounds and Types of Responsibility]. *Vedomosti Ugolovno-Ispolnitel'noj Sistemy*, 2020, no. 5 (216), pp. 29–35. (In Russ.).
3. Kijajkin D.V., Ozerskij S.V. O pravovyh, organizacionnyh i tehniceskix problemah preduprezhdenija (profilaktiki) sovershenija povtornyh prestuplenij osuzhdennymi bez izoljicii ot obshhestva (po materialam analiticheskoj informacii ugovolno-ispolnitel'nyh inspekcij territorial'nyh organov FSIN Rossii) [Concerning the Legal, Organizational and Technical Problems of Preventing Repeated Crimes Committing by Convicts without Isolation from the Society (Based on the Analytical Information of the Branches of Federal State Institutions of the Penal Inspections of the Territorial Bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia)]. *Vestnik Samarskogo Juridicheskogo Instituta*, 2019, no. 1 (32), pp. 63–69. (In Russ.).

4. Ljadov Je.V. Problemnye voprosy primeneniya nakazanij, al'ternativnyh lisheniju svobody [Problematic Issues of Penalties, Alternatives to Imprisonment]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija: Pravo*, 2015, no. 3 (44), pp. 163–170. (In Russ.).

5. Ol'hovik N.V. Individualizacija kontrolja ugolovno-ispolnitel'nyh inspekcij za osuzhdennymi bez izoljaciej ot obshhestva [Individualization of Control of Criminal and Executive Inspections Over Convicts Without Isolation From Society]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Pravo*, 2017, no. 24, pp. 37–51. (In Russ.).

6. Ol'hovik N.V. Jeffektivnost' ispolnenija ugovolnyh nakazanij, ne svjazannyh s lisheniem svobody [The Effectiveness of Criminal Punishment Without a Deprivation of Liberty] *Vserossijskij Kriminologicheskij Zhurnal*, 2018, vol. 12, no. 1, pp. 51–59. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12.

7. Stern V. *Alternatives to prison in developing countries*. London: International Centre for Prison Studies, Kings College London, Penal Reform International, 1999, 184 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

Нагибин Виктор Леонидович,

преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, подполковник внутренней службы

E-mail: viktorln@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1654-8906

Information about the author:

Viktor L. Nagibin,

Lecturer of the Department of Criminal and Penal Law of Perm Institute of the FPS of Russia, lieutenant-colonel of interior service

E-mail: viktorln@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1654-8906

Информация для цитирования:

Тулоев И.Ю. Некоторые аспекты квалификации мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 2(41). С. 78–83. DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.009.

For citation:

Tuloev I.Yu. Nekotorye aspekty kvalifikacii moshennichestva, sopryazhennogo s prednamerenym neispolneniem dogovornyh obyazatel'stv v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti [Some Aspects of the Qualification of Fraud Involving Deliberate Non-Performance of Contractual Obligations in the Field of Business Activity]. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2021, no. 2(41), pp. 78–83. (In Russ.). DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.009.

УДК 343.72

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА,
СОПРЯЖЕННОГО С ПРЕДНАМЕРЕННЫМ НЕИСПОЛНЕНИЕМ ДОГОВОРНЫХ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

И.Ю. Тулоев¹

¹ ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

614012, г. Пермь, ул. Карпинского, 125

E-mail: ilya_shagivaleev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1293-157X

Аннотация. Введение: В статье рассматриваются вопросы квалификации мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, то есть преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Актуальность исследования обусловлена высоким уровнем латентности, а также увеличением уровня распространенности данного вида преступления, что подтверждается увеличением количества норм, предусматривающих ответственность за преступления мошеннической направленности. **Цель:** дать уголовно-правовую характеристику; обозначить проблемные вопросы квалификации; провести комплексный анализ причин и условий, способствующих совершению преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 159 УК РФ; выявить проблемные вопросы при расследовании рассматриваемой категории преступлений. **Методы:** Основными методами исследования являются сравнительно-правовой анализ, изучение нормативно-правовых актов, официальных статистических данных, а также научных работ практических сотрудников по исследуемой проблеме. **Результаты:** В ходе анализа следственной и судебной практики, а также научных трудов раскрываются причины и условия проблемных аспектов квалификации мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. **Выводы:** В рамках проведенного исследования автор приходит к выводу о необходимости совершенствования законодательной базы, регламентирующей уголовную ответственность за рассматриваемый вид преступления, а также научно-методического обеспечения процесса раскрытия и расследования уголовных дел, возбужденных по вышеуказанной категории уголовных дел.

Ключевые слова: мошенничество; уголовное дело; подозреваемый; потерпевший; договорные обязательства.

SOME ASPECTS OF THE QUALIFICATION OF FRAUD INVOLVING DELIBERATE NON-PERFORMANCE OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS IN THE FIELD OF BUSINESS ACTIVITY

Илья Ю. Тулов¹

¹ Perm Institute of the FPS of Russia
125, Karpinskogo st., Perm, Russia, 614012
E-mail: ilya_shagivaleev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1293-157X

Abstract. Introduction: The article deals with the issues of qualification of fraud associated with intentional non-performance of contractual obligations in the sphere of entrepreneurial activity that is a crime under part 5 of article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation (Criminal Code). The relevance of the study is due to the high level of latency, as well as an increase in the prevalence of the above-mentioned crime, which is confirmed by an increase in the number of norms providing for liability for fraudulent crimes. **Aim:** to provide criminal legal characteristics; to identify the issues of qualification; to conduct a comprehensive analysis of the causes and conditions conducive to committing a crime under part 5 of article 159 of the criminal code and reveal problematic issues in the investigation of the category of crimes. **Methods:** The main research methods are comparative legal analysis, the study of normative legal acts, official statistics, as well as scientific works of practical employees on the problem under study. **Results:** In the course of the analysis of investigative and judicial practice, as well as scientific works, the causes and conditions of problematic aspects of the qualification of fraud associated with the deliberate non-performance of contractual obligations in the field of business activity are revealed. **Conclusions:** Within the framework of the study, the author comes to the conclusion that it is necessary to improve the legal framework governing criminal liability for the crime in question, as well as scientific and methodological support for the process of disclosure and investigation of criminal cases initiated in the above category of criminal cases.

Keywords: fraud; criminal case; suspect; victim; contractual obligations.

Введение

В соответствии со ст. 159 УК РФ мошенничеством признается хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. При этом, в соответствии с ч. 5 ст. 159 УК РФ, квалифицирующим признаком является наличие преднамеренного неисполнения договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, а также, если это деяние повлекло причинение значительного ущерба. Согласно примечанию ст. 159 УК РФ, значительным признается ущерб в сумме, составляющей не менее десяти тысяч рублей¹.

Анализируя статистику зарегистрированных преступлений, делаем вывод, что 55,3 % составляют хищения чужого имущества, совершенные

путем: кражи – 751,2 тыс. (-3,0 %), мошенничества – 335,6 тыс. (+30,5 %), грабежа – 38,4 тыс. (16,2 %), разбоя – 5,3 тыс. (-21,7 %).

В январе - декабре 2020 года зарегистрировано 510,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, или на 73,4 % больше, чем за аналогичный период 2019 года. Практически все такие преступления (98,6 %) выявляются органами внутренних дел. Больше половины таких преступлений (52,4 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких: 267,6 тыс. (+87,5 %); больше половины (58,8 %) совершается с использованием сети «Интернет»: 300,3 тыс. (+91,3 %), почти половина (42,9 %) – с помощью средств мобильной связи: 218,7 тыс. (+88,3%). Четыре таких преступления (80,4 %) из пяти совершаются путем кражи или мошенничества

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: ред. от 30.12.2020. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

ства: 410,5 тыс. (+74,3 %)¹.

Как видно из статистических данных, количество рассматриваемой категории преступления увеличивается.

Основная часть

В соответствии с Пленумом Верховного от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» судам РФ был предложен законопроект об увеличении видов мошенничества. На этом основании были выделены отдельные составы преступления, детализирующие мошенничество. Уголовный кодекс дополнился новыми статьями 159.1-159.6, предусматривающими также ответственность за мошенничество, но совершаемое в сфере экономической деятельности.

В 2016 году Конституционный Суд Российской Федерации постановил о несоответствии общественной опасности мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. В связи с этим, ст. 159.4 УК РФ была упразднена, при этом ст. 159 УК РФ была дополнена частью пятой, получив самостоятельный состав преступления, а именно, мошенничество в сфере предпринимательской деятельности. Это сразу вызвало немало споров и дискуссий.

Как отмечают А.Н. Мирончик и А.А. Боровков: «Бланкетный характер диспозиции нормы, устанавливающей ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, усложняет задачу правоприменителя при квалификации деяния. Однако, учитывая специфику сферы совершения таких мошенничеств, наличие бланкетных признаков неизбежно и даже обоснованно» [2, с. 133]. В этом аспекте важно разграничить состав преступления (мошенничество) от гражданско-правовых отношений, как зачастую и происходит в практической деятельности сотрудниками правоохранительных органов.

Зачастую подозреваемый пользуется «пробелом в законодательстве» в данном вопросе, что позволяет избежать привлечение их к уголовной ответственности. В силу постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 года № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» вышеуказанная проблема не была устранена в полной мере, нет точного указания

на разграничение заведомого неисполнения договорных обязательств и гражданско-правовых отношений. Все сводится к субъективному мнению сотрудников уголовного розыска. Как указывает М.П. Ефимова: «Законодатель не устанавливает конкретных сроков касательно момента «выяснения» потерпевшим неисполнения обязательств виновным. Предполагается, что если виновный не исполнил в установленный договором срок свои обязательства, и имеются все основания полагать, что он не стремится и не желает их исполнить, то потерпевший на законных основаниях имеет право обратиться с соответствующим заявлением в правоохранительные органы»².

Стоит отметить тот факт, что специализированная норма об уголовной ответственности в отношении предпринимателей была введена впервые в силу ст. 159.4 УК РФ. Новая редакция ч. 5 ст. 159 УК РФ носит идентичный характер отмененной ст. 159.4 УК РФ. При этом необходимо отметить, что современная редакция указанной статьи подразумевает наличие ответственности в период, когда сторонами совершения преступления, а равно нарушения своих договорных обязательств, являются индивидуальные предприниматели или коммерческие организации. Это дает право на возбуждение уголовного дела по заявлению лица, которое является руководителем коммерческой организации. Еще одним новшеством указанной статьи является указание законодателем на минимальный порог ущерба, который составляет не менее десяти тысяч рублей.

Рассматривая норму ч. 5 ст. 159 УК РФ, необходимо отметить признак преднамеренности неисполнения договорных обязательств, который является обязательным к установлению и доказыванию. Такими доказательствами могут являться сведения о фактической возможности осуществить поставку оплаченного товара по договору поставки; сведения о попытках исполнения договорных обязательств; сведения о финансовой стабильности у стороны исполнителя и т.д. Необходимо проследить достоверность предоставленной информации от подозреваемого об условиях исполнения договорных обязательств, при этом учитывать его модель поведения, скрывался ли он потерпевшего, избегал контактов с ним.

Еще одним аспектом квалификации мошенни-

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения 09.02.2021).

² Ефимова М.П. Уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного ст. 159.4 УК РФ // Государство и право: теория и практика: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Чита, март 2013 г.). Чита: Издательство Молодой ученый, 2013. С. 62. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/83/3542/> (дата обращения: 09.02.2021).

чества в сфере предпринимательской деятельности является именно реальность таких договорных обязательств, которые подозреваемый обязался выполнить. Здесь необходимо обратить внимание на факт возможности исполнения такого договора. Фактическое отсутствие таких договорных обязательств уже не может быть квалифицировано, как ч. 5 ст. 159 УК РФ.

Немаловажным аспектом квалификации такого вида мошенничества является наличие прямого умысла на хищение, то есть приобретение права на чужое имущество, при этом не важна конечная цель такого преступления. Эта мысль прослеживается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором указывается обстоятельства, свидетельствующие о наличии такого умысла: «О намерении не исполнять взятые на себя обязательства, к которым относятся «...заведомое отсутствие у лица реальной финансовой возможности исполнить обязательство или необходимой лицензии на осуществление деятельности, направленной на исполнение его обязательств по договору, использование лицом фиктивных уставных документов или фальшивых гарантийных писем, сокрытие информации о наличии задолженностей и залогов имущества, создание лжепредприятий, выступающих в качестве одной из сторон в сделке...»¹.

Рассматривая аспекты квалификации мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, необходимо уделять особое внимание на период выполнения таких обязательств. На этот факт указывают А.Н. Лебедев и Ю.А. Диденко, подчеркивая период совершения такого преступления: «мошенническое обращение чужого имущества может быть совершено и после начала выполнения обязательств по договору, когда часть денежных средств была получена за добросовестное выполнение обязательств, в силу чего лицо вошло в доверие к собственнику. Затем, воспользовавшись возникшим доверием, лицо получает имущество, не намереваясь в дальнейшем выполнять принятые на себя обязательства. В этом случае преднамеренность имеет место в отношении оставшейся части неисполненных обязательств» [1, с. 61]. С указанной точкой зрения

нельзя быть не солидарным, что и подтверждают практически сотрудники правоохранительных органов при осуществлении предварительного следствия по данной категории уголовных дел. Необходимо также добавить, что к указанной деятельности в сфере данного вида мошенничества не имеет значения долгосрочность договора, а также добросовестность исполнения предыдущих договорных отношений заказчика и исполнителя. Так, указывает В.Л. Ценова: «с этой целью первые договоры выполняются точно, в необходимом объеме и в указанный срок» [3, с. 57]. Вышеуказанное суждение актуально по настоящее время и не имеет временных рамок, что является существенным пробелом в Российском уголовном законодательстве.

Изучая другие аспекты квалификации мошенничества, хочется отметить обязательный признак наличия умысла виновного лица, который обманым путем или злоупотреблением доверия завладевает денежными средствами потерпевшего. Таким способом может выступать юридическое лицо, которое похитило денежные средства под видом инвестиционных сборов, но при этом, фактически не осуществляя свою деятельность. Тут необходимо отграничивать дополнительную квалификацию по ст. 172.2 УК РФ как организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества и ст. 200.3 УК РФ привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости².

Заключение

Подводя итог, хочется подчеркнуть необходимость квалифицировать вышеуказанный состав мошенничества только в случае реального причинения материального вреда потерпевшему, а также обращать внимание на то, что преступление должно быть окончательным. Также необходимо учитывать имущественное положение потерпевшего, его источники дохода, наличие иждивенцев на содержании и т.д. Как указывает В.А. Шестаков: «Мнение о значительности или незначительности ущерба, причиненного ему в результате преступления, должно оцениваться судом в совокупности с материалами дела, подтверждающими два вышеназванных фактора» [4, с. 372]. С

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 // Рос. газета. 2008. 12 янв.

² О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017. № 48. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 12.02.2021).

целью устранения некоторых проблемных вопросов квалификации вышеуказанного вида мошенничества предлагается устранить все сказанные аспекты. При квалификации данного преступления необходимо учитывать действия подозреваемого в отношении к потерпевшему; наличие заключенного договора, в котором прописаны условия совершения договорных обязательств; фактическое причинение материального ущерба; уклонение от исполнения договорных обязательств и т. д.

К другим вышесказанным аспектам можно выделить необходимость внутригосударственного контроля за деятельностью корпораций и организаций. Как отмечает Ю.К. Алибекова, мошенничество в этой сфере непосредственно связано с коррупцией: «Несоответствующее поведение высшего руководства и сотрудников, связанное с мошенничеством и коррупцией, приводит к огромным финансовым потерям, потере репутации и судебным разбирательствам» [5]. При этом, по мнению Ю.К. Алибековой, выявление такого вида мошенничества связано не с работой правоохранительных органов, а обнаруживается случайно. Все это приводит к увеличению нагрузки на сотрудников и увеличению количества новых видов преступлений.

В качестве заключения хотелось бы отметить, что состав рассматриваемого преступления с объективной стороны должен предполагать договорные обязательства, возникающие на основании подписанного соглашения, иначе они будут подлежать квалификации по общей части ст. 159 УК РФ. Но в данном контексте должен быть состав преступления. Причем неважно были ли исполнены договорные обязательства полностью или частично. Это может повлиять на степень наказания, то есть быть смягчающим обстоятельством при вынесении приговора судом, в силу ст. 61 УК РФ, как добровольное возмещение имущественного вреда потерпевшему, чем зачастую пользуется подозреваемый (обвиняемый), когда выплачивает потерпевшему «символическую» сумму. При этом нормы УК РФ не определяют сумму такого возмещения вреда, что не способствует объективности и разумности.

Также хотелось бы обратить внимание на упущенную выгоду или моральный вред, которые может понести потерпевший при таком виде преступления. Такие виды причиненного вреда не возмещаются. Зачастую потерпевший, который

является индивидуальным предпринимателем, несет куда больший материальный ущерб от потери оборотных средств, нежели от прямого ущерба преступления. При этом подозреваемый как правило полностью распоряжается по своему усмотрению похищенными денежными средствами потерпевшего. Основной задачей следователя является доказать наличие прямого умысла мошенника на присвоение имущества или права на него, вне зависимости от временного периода этого умысла, до или во время фактического распоряжения этим имуществом или денежными средствами. Только при выявлении всех признаков состава преступления будет решаться вопрос о квалификации преступления. Одним из признаков, которые могут указывать на верную квалификацию рассматриваемого мошенничества может послужить, а равно и на доказательственную базу, тот факт, что подозреваемый, при завладении имуществом или денежными средствами потерпевшего, не несет какие-либо свои расходы, что неизбежно. Безвозмездное получение материальной выгоды одной стороной договорных обязательств без каких-либо затрат говорит о факте совершения мошенничества, об умысле на совершение преступления. Фактически, лицо не стремится исполнить свои обязательства, а лишь обрывает чужую собственность в свое владение, пользование или распоряжение. Тут необходимо разграничивать мошенничество со злоупотреблением должностными полномочиями, где имеются схожие элементы состава преступления.

При определении квалификации мошенничества необходимо учитывать не только преднамеренность неисполнения договорных обязательств, но и ненадлежащее исполнение. На практике возникают спорные моменты, когда подозреваемый исполняет договорные обязательства с существенно меньшими финансовыми затратами и с большим нарушением сроков. Формально подозреваемый нарушает условия договора, что необходимо трактовать как гражданско-правовые отношения, но при этом, у него имеется фактическая возможность исполнить все обязательства. При этом потерпевший не может добиться возбуждения уголовного дела, и вынужден обращаться в суд за восстановлением нарушенных прав, что в последующем не приносит положительного результата. За это время подозреваемый успевает «избавиться» от имущества и впоследствии с него нечего взыскивать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лебедев А.Н., Диденко Ю.А. Преднамеренное неисполнение договорных обязательств как признак мошенничества, предусмотренного ст. 159.4 УК РФ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2. С. 133–141. URL: <http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/new?id=2204> (дата обращения: 10.02.2021).
2. Мирончик А.С., Боровков А.А. Неисполнение договорных обязательств как признак мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // Журнал Российского права. 2017. № 3. С. 92–100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neispolnenie-dogovornyh-obyazatelstv-kak-priznak-moshennichestva-v-sfere-predprinimatelskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 10.02.2021).
3. Ценова Т.Л. О расследовании мошенничеств, связанных с невыполнением взятых обязательств. М.: Издательство Юрист, 2010. С. 56–60. URL: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2010/jurist/9/> (дата обращения: 09.02.2021).
4. Шестак В.А. Об отдельных проблемных вопросах квалификации специальных видов мошенничества // Библиотека криминалиста. Научный журнал. № 2(37). 2018. С. 372–377. URL: [https://mgimo.ru/upload/iblock/f8f/Шестак%20БКНЖ%20№%202\(37\)%20-%202018.pdf](https://mgimo.ru/upload/iblock/f8f/Шестак%20БКНЖ%20№%202(37)%20-%202018.pdf) (дата обращения: 09.02.2021).
5. Alibekova Yu.K. Fraud prevention solutions // Инновационная наука. 2015. Т. 1, № 5. С. 28–30. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23484335_22654549.pdf (дата обращения: 13.02.2021).

REFERENCES

1. Lebedev A.N., Didenko Yu.A. Prednamerennoe neispolnenie dogovornyh obyazatel'stv kak priznak moshennichestva, predusmotrennogo st. 159.4 UK RF [Intentional Non-Performance of Contractual Obligations as a Sign of Fraud Under Article 159.4 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Bulletin of the Perm University. Legal Sciences*, no. 2-2015, pp. 133–141. (In Russ.).
2. Mironchik A.S., Borovkov A.A. Neispolnenie dogovornyh obyazatel'stv kak priznak moshennichestva v sfere predprinimatel'skoy deyatelnosti [Non-Performance of Contractual Obligations as a Sign of Fraud in the Field of Business Activity]. *Journal of Russian Law*, no. 32017, pp. 92–100. (In Russ.).
3. Cenova T.L. *O rassledovanii moshennichestv, svyazannyh s nevypolneniem vzyatyh obyazatel'stv* [On the Investigation of Fraud Related to the Non-Fulfillment of Obligations]. Yurist Publishing House, Moscow, 2010, pp. 56–60. (In Russ.).
4. Shestak V.A. Ob otdel'nyh problemnyh voprosah kvalifikacii special'nyh vidov moshennichestva [About Certain Problematic Issues of Qualification of Special Types of Fraud]. *Library of the Criminalist. Scientific Review*, 2018, pp. 372–377. (In Russ.).
5. Alibekova Yu.K. Fraud prevention solutions. *International scientific journal "Innovative Science"*, 2015, no. 5, pp. 28–30. (In Eng.). Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23484335_22654549.pdf (accessed: 13.02.2021).

Информация об авторе:

Тулоев Илья Юрьевич,
преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ФКОУ ВО Пермский институт ФСИИ России, капитан внутренней службы
E-mail: ilya_shagivaleev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1293-157X

Information about the author:

Ilya Yu. Tuloev,
Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Perm Institute of the FPS of Russia, captain of interior service
E-mail: ilya_shagivaleev@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1293-157X

Информация для цитирования:

Устинов А.А. Меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным, отбывающим наказание в виде принудительных работ // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 2(41). С. 84–91. DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.010.

For citation:

Ustinov A.A. Mery pooschreniya i vzyskaniya, primenyaemye k osuzhdenным, otbyvayuschim nakazanie v vide prinuditelnykh работ [The Means of Encouragement and Penalty Application to the Convicts to the Unfree Labor]. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2021, no. 2(41), pp. 84–91. (In Russ.). DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.010.

УДК 343.819

**МЕРЫ ПООЩРЕНИЯ И ВЗЫСКАНИЯ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ
К ОСУЖДЕННЫМ, ОТБЫВАЮЩИМ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ
ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ**

А.А. Устинов¹

¹ ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

614012, г. Пермь, ул. Карпинского, 125

E-mail: ustin33@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2848-8592

Аннотация. Введение: Наказание в виде принудительных работ связано со значительным объемом правоограничений и оказывает достаточно эффективное исправительное воздействие на осужденного, однако, по мнению автора, для повышения эффективности данного наказания отдельные его элементы, в частности, поощрения и взыскания, нуждаются в совершенствовании. В статье рассматриваются меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным, отбывающим наказание в виде принудительных работ, выдвигаются предложения по совершенствованию их системы и порядка применения. **Цель:** Проанализировать меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным, отбывающим наказание в виде принудительных работ, дать рекомендации по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства с целью повышения эффективности их применения. **Методы:** При проведении исследования автором применялись такие методы научного познания правовой реальности, как анализ, синтез, метод системности, метод формально-правового анализа. **Результаты:** На основе проведенного исследования сформулирован ряд предложений по совершенствованию норм уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующего применение мер поощрения и взыскания к осужденным, отбывающим наказание в виде принудительных работ. **Выводы:** Автор делает вывод о том, что в настоящее время меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным, отбывающим принудительные работы, хотя и обеспечивают должное исправительное воздействие, но нуждаются в определенном совершенствовании, и предлагает изменения в уголовно-исполнительное законодательство, предусмотрев некоторые изменения системы данных мер и порядка их применения.

Ключевые слова: уголовное право; уголовно-исполнительное право; принудительные работы; исправительный центр; поощрение; взыскание; дисциплинарная ответственность.

THE MEANS OF ENCOURAGEMENT AND PENALTY APPLICATION
TO THE CONVICTS TO THE UNFREE LABOR

Andrey A. Ustinov¹

¹ Perm Institute of the FPS of Russia
125, Karpinskogo st., Perm, Russia, 614012
E-mail: ustin33@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2848-8592

Abstract. Introduction: The punishment in the form of the unfree labor is connected with numerous restrictions and has enough strict correction influence, but, in author's opinion, some elements of this punishment, particularly the encouragement and the penalty, need the improvement. The article analyses the means of the encouragement and the penalty application to the convicts to the unfree labor, makes the suggestions to improvement of their system and order of application. **Aim:** To analyze the encouragement and penalty measures to the convicts to the unfree labor and to give the recommendations to improve the criminal executive law to increase the effect of their application. **Methods:** The author during the researching used the set of methods of scientific knowledge of the legal reality as analysis, synthesis, the system method, the formal law analysis. **Results:** On the basis of the study the set of proposals in the improvement of the criminal executive law regulating the encouragement and penalty of the convicts to the unfree labor is made. **Conclusion:** The author makes a conclusion that nowadays the means of the encouragement and the penalty application to the convicts to the unfree labor are supplying the proper correctional influence but need the specific means to their improvement, and suggests the amendments of the criminal executive law, providing some changes of this means and the order of their application.

Keywords: Criminal Law; Criminal Executive Law; unfree labor; correction center; encouragement; penalty; disciplinary responsibility.

Введение

Одним из способов достижения исправления осужденного как основной цели уголовного наказания является, с одной стороны, стимулирование правомерного и социально положительного поведения осужденного и, с другой стороны, создание предусмотренных законом негативных последствий для осужденного при нарушении им установленного порядка отбывания наказания. С этой целью уголовно-исполнительное законодательство предусматривает меры поощрения и взыскания, применяемые в отношении осужденных, отбывающих наказания, как связанные, так и не связанные с изоляцией от общества, что должно служить средством не только мотивации осужденного к добросовестной трудовой деятельности и социальной активности [1, с. 36; 9, с. 51; 14, с. 1841], но и предупреждения его противоправного поведения, в том числе пенициарной преступности [2, с. 175; 3, с. 16]. Система поощрений и взысканий является одним из элементов прогрессивной системы отбывания

наказания, причем учеными признается, что сфера применения ее элементов должна расширяться применительно не только к лишению свободы, но и к другим видам наказаний [4, с. 74; 12, с. 370], а, по мнению некоторых ученых, – представляет собой элемент отдельного вида ответственности – уголовно-исполнительной [7, с. 133]. Впрочем, по нашему мнению, применение поощрения и взыскания в отношении осужденных представляет собой разновидность дисциплинарной ответственности. В отношении осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, уголовно-исполнительным законодательством также предусмотрены меры поощрения и взыскания, однако анализ нормативно-правовой базы и практики их применения позволяет сделать вывод о том, что дисциплинарная практика в отношении данных осужденных нуждается в определенных мерах по совершенствованию в целях повышения эффективности исправления осужденных, отбывающих принудительные работы.

Нарушения и злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания в виде принудительных работ

Нарушения установленного порядка отбывания наказания, как лишения свободы, так и принудительных работ, подразделяются на злостные (специально установленные в качестве таковых нормами уголовно-исполнительного права) и простые (все иные нарушения, за исключением злостных) [8, с. 126]. К нарушениям установленного порядка отбывания наказания в виде принудительных работ относятся: нарушение общественного порядка, за которое осужденный был привлечен к административной ответственности; нарушение трудовой дисциплины; нарушение установленных для осужденного правил проживания в исправительном центре; неявка без уважительных причин на регистрацию в исправительный центр осужденного, которому разрешено проживание за его пределами¹.

Часть 2 ст. 60¹⁵ УИК РФ предусматривает перечень злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в виде принудительных работ, всего в данный перечень входят 8 нарушений. При анализе данного перечня обращает на себя внимание то, что по сравнению с аналогичным перечнем применительно к наказанию в виде лишения свободы количество нарушений, признаваемых злостными, сокращено. Так, по сравнению с перечнем злостных нарушений установленного порядка отбывания лишения свободы, в перечень, предусмотренный частью 2 ст. 60¹⁵ УИК РФ, не вошли такие нарушения, как уклонение от исполнения принудительных мер медицинского характера или от обязательного лечения, назначенного судом или решением медицинской комиссии; мужеложство или лесбиянство; организация группировок осужденных, направленных на совершение нарушений установленного порядка режима содержания, а также участие в них.

Кроме того, некоторые злостные нарушения установленного порядка отбывания принудительных работ сформулированы иным образом, чем аналогичные злостные нарушения применительно к лишению свободы. Так, угроза представителям администрации исправительного центра не носит характер злостного нарушения, хотя, по отношению к отбывающим лишение свободы, признается в качестве такового. В качестве злостного нарушения для отбывающих принудительные работы указан только «отказ от работы», что

не совпадает с аналогичным нарушением для осужденных к лишению свободы – «отказ от работы или прекращение работы без уважительных причин», хотя, по нашему мнению, при принудительных работах нет никаких оснований сужать формулировку уклонения осужденного от работы, тем более что труд составляет основу исправительного воздействия при данном виде наказания [11, с. 122].

Меры поощрения и взыскания, предусмотренные к осужденным, отбывающим наказание в виде принудительных работ

Статья 60¹³ Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) предусматривает следующие меры поощрения, применяемые к осужденным, отбывающим наказание в виде принудительных работ: благодарность; досрочное снятие ранее наложенного взыскания; предоставление возможности выезда за пределы исправительного центра в границах муниципального образования, на территории которого он расположен, в выходные и праздничные дни.

Что касается мер взыскания, применяемым к осужденным рассматриваемой нами категории, то статья 60¹⁴ УИК РФ предусматривает следующие из них: выговор; отмена права проживания вне общежития; водворение в помещение для нарушителей на срок до 15 суток.

Обращает на себя внимание то, что, по сравнению с лишением свободы, перечень мер поощрения и взыскания существенно ограничен. К осужденным, отбывающим принудительные работы, не применяются такие меры поощрения, предусмотренные статьей 113 УИК РФ, как денежная премия, награждение подарком, разрешение на получение дополнительной посылки (передачи), предоставление дополнительного свидания, разрешение дополнительно расходовать деньги на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, увеличение времени прогулки. Это объясняется спецификой условий отбывания наказания в виде принудительных работ, где не предусматриваются ограничения на получение посылок (бандеролей), передач, свидания, расходование принадлежащих осужденному денежных средств.

Из мер взыскания, предусмотренных по отношению к отбывающим лишение свободы статьей 115 УИК РФ, к отбывающим принудительные работы не применяются такие, как дисциплинар-

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ: ред. от 28.12.2020 // Рос. газета. № 9. 16.01.1997.

ный штраф, водворение в помещение камерного типа и единое помещение камерного типа. Водворению в штрафной изолятор применительно к осужденным, отбывающим принудительные работы, соответствует такая мера взыскания, как водворение в помещение для нарушителей на срок до 15 суток. Отмена права проживания вне общежития применяется к осужденным, отбывающим как принудительные работы, так и лишение свободы в колониях-поселениях. Кроме того, к осужденным, отбывающим лишение свободы в колониях-поселениях, применяется такая мера взыскания, как запрет выхода из общежития в свободное от работы время на срок до 30 суток, при этом аналогичной меры для осужденных, отбывающих принудительные работы, не предусмотрено.

По нашему мнению, в целях дифференциации исправительного воздействия на осужденных количество видов поощрения и взыскания, применяемых к лицам, отбывающим наказание в виде принудительных работ, целесообразно расширить с учетом специфики данного наказания.

Состояние дисциплины среди лиц, отбывающих наказание в виде принудительных работ

Анализ статистических данных ФСИН России¹ показывает, что лицами, отбывающими принудительные работы, совершается достаточно большое количество нарушений установленного порядка отбывания наказания.

По состоянию на 31 декабря 2020 года на учетах ИЦ (УФИЦ) состояло 12298 осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ. Из них 3245 лиц (26,3 %) допустили нарушения порядка и условий отбывания наказания, в том числе 1516 (46,7 %) – злостные нарушения. 2955 лиц (91 %) из их числа ранее привлекались к мерам взыскания. Из нарушений, не являющихся злостными, чаще всего встречались нарушения установленных правил проживания в ИЦ (УФИЦ) (2769). Нарушений общественного порядка, за которые осужденный был привлечен к административной ответственности, было зарегистрировано 101, нарушений трудовой дисциплины – 226.

Среди злостных нарушений порядка и условий отбывания наказания наиболее распространенными были: употребление спиртных напитков, наркотических средств и психотропных веществ (939), самовольное оставление места отбы-

вания наказания (307), несвоевременное (свыше 24 часов) возвращение к месту отбывания наказания (144). Среди иных злостных нарушений были зафиксированы: отказ от работы (82), самовольное оставление территории ИЦ (УФИЦ) (79), изготовление, хранение или передача запрещенных предметов и веществ (78), неповиновение законным требованиям администрации или их оскорбление (57), мелкое хулиганство (51). 224 осужденных были признаны злостными нарушителями в связи с совершением 3 и более нарушений порядка и условий отбывания наказания в течение года.

К осужденным, допустившим нарушения порядка и условий отбывания наказания в виде принудительных работ, чаще всего применялся выговор (1806, 55,6 %), на втором месте – водворение в помещение для нарушителей (1316, 40,6 %). Отмена права проживания вне общежития была применена к 44 осужденным.

Поощрено в течение 2020 года было 6592 осужденных, отбывающих принудительные работы. Благодарность была объявлена 3884 лицам, 2434 осужденным была предоставлена возможность выезда за пределы ИЦ (УФИЦ) в границах муниципального образования, на территории которого он расположен, в выходные и праздничные дни, 342 осужденным было досрочно снято взыскание.

Если сравнивать процент нарушителей порядка и условий отбывания наказания с прошлым годом, то следует отметить, что он незначительно снизился (в 2019 г. он составил 27,8 %). Удельный вес злостных нарушений также проявляет некоторую тенденцию к снижению – в 2019 г. он составлял 48,8 % от общего количества нарушений, что на 2,1 % выше, чем в 2020 г. Это позволяет сказать, что система поощрений и взысканий, а также практика их применения, в целом позволяют обеспечивать исполнение наказания в виде принудительных работ, однако по-прежнему высокий процент нарушителей установленного порядка отбывания наказания требует принятия мер по укреплению дисциплины среди осужденных к принудительным работам, в том числе путем совершенствования системы мер поощрения и наказания.

Предложения по совершенствованию правовой регламентации поощрений и взысканий к осужденным, отбывающим наказание в виде принудительных работ

¹ Сведения о деятельности исправительных центров и участков, функционирующих как исправительные центры, за 4 квартал 2020 года (Российская Федерация). Документ опубликован не был.

В целях совершенствования правовой регламентации дисциплинарного воздействия на осужденных, отбывающих принудительные работы, прежде всего, по нашему мнению, было бы целесообразно привести перечни злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в виде принудительных работ и лишения свободы в соответствие друг с другом, тем более что характер наказания в виде принудительных работ в значительной мере совпадает с лишением свободы при отбывании в колонии-поселении. Мы предлагаем в связи с этим ввести в перечень злостных нарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 60¹⁵ УИК РФ такие, как уклонение от исполнения принудительных мер медицинского характера или от обязательного лечения, назначенного судом или решением медицинской комиссии; мужеложство или лесбиянство; организация группировок осужденных, направленных на совершение нарушений установленного порядка режима содержания, а также участие в них. Считаем, что к злостным нарушениям установленного порядка отбывания наказания следует также отнести умышленное повреждение средств надзора и контроля за осужденными, на что уже указывалось в литературе [5, с. 69], дополнив соответствующим пунктом ч. 2 ст. 60¹⁵ УИК РФ.

Также, по нашему мнению, целесообразно изменить формулировку такого злостного нарушения, как «отказ от работы» (п. «е» ч.2 ст. 60¹⁵ УИК РФ), дополнив ее словами «или прекращение работы без уважительных причин», а также сформулировать п. «в» ч. 2 ст. 60¹⁵ как «неповиновение законным требованиям представителя администрации исправительного центра, оскорбление его либо угроза ему при отсутствии признаков состава преступления».

Что касается самовольного, без уважительных причин, оставления территории исправительного центра и несвоевременное (свыше 24 часов) возвращение к месту отбывания наказания, то, по нашему мнению, следует разграничить ответственность за данные деяния, а также усовершенствовать законодательные формулировки данных нарушений.

Прежде всего, на наш взгляд, злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания следует считать оставление не только территории исправительного центра. Осужденный, в соответствии с п.6 ст. 60⁴ УИК РФ, в установленных случаях может проживать с семьей на территории муниципального образования, где расположен исправительный центр, однако при буквальном толковании положений ст. 60¹⁵ УИК

РФ получается, что выезд данного осужденного за территорию муниципального образования ответственности не влечет. Поэтому, на наш взгляд, следует сформулировать данное нарушение шире: «самовольное, без уважительных причин, оставление места отбывания наказания в виде принудительных работ».

По отношению к несвоевременному возвращению осужденного к месту отбывания наказания, по нашему мнению, следует указать, что злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания оно будет лишь при совершении без уважительных причин. Если по отношению к оставлению исправительного центра законодатель сделал оговорку «без уважительных причин», то логично, что она должна распространяться и на несвоевременное возвращение к месту отбывания наказания, тем более что возникновение «уважительных причин» (например, травм и заболеваний, дорожно-транспортных происшествий, чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера и т.п.), способных, независимо от воли осужденного, воспрепятствовать его своевременному возвращению к месту отбывания наказания, в практике более чем реально.

Ранее в литературе уже указывалось, что одной из проблем правовой регламентации принудительных работ является отсутствие уголовной ответственности за уклонение от отбывания данного наказания [13, с. 160]. Если уклонение от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, влечет уголовную ответственность по ч. 1 ст. 314 УК РФ, то уклонение от отбывания принудительных работ влечет всего лишь замену данного наказания на лишение свободы, причем из расчета 1 день лишения свободы за 1 день принудительных работ, что представляется нам недостаточно последовательным и, как мы считаем, не в достаточной мере обеспечивает исполнение данного наказания.

В связи с этим мы предлагаем кратковременное (до 24 часов) оставление территории исправительного центра и несвоевременное (свыше 24 часов) возвращение к месту отбывания наказания сохранить в перечне злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания. Что касается оставления территории исправительного центра на более длительное время, а также неприбытия осужденного к принудительным работам к месту отбывания наказания, то, по нашему мнению, оно должно влечь самостоятельную уголовную ответственность по ст. 314 УК РФ, для чего, по нашему мнению, в данную статью следу-

ет внести соответствующее изменение – дополнить ст. 314 УК РФ частью 4:

«4. Неприбытие без уважительных причин осужденного к наказанию в виде принудительных работ к месту отбывания наказания, либо оставление лицом, отбывающим наказание в виде принудительных работ, места отбывания наказания на срок свыше одних суток либо невозвращение без уважительных причин лица, отбывающего наказание в виде принудительных работ, которому разрешен выезд за пределы места отбывания наказания, к месту отбывания наказания в течение одних суток – *наказывается лишением свободы на срок до одного года*».

Кроме того, по нашему мнению, для лиц, отбывающих наказание в виде принудительных работ, было бы возможно предусмотреть такую меру взыскания, как дисциплинарный штраф, в настоящее время предусмотренный в отношении осужденных, отбывающих лишение свободы (п. «б» ч. 1 ст. 115 УИК РФ). В отличие от осужденных к лишению свободы, осужденные к принудительным работам обладают большим объемом денежных средств, не имеют ограничений на их хранение и расходование, поэтому, на наш взгляд, это было бы достаточно эффективной мерой взыскания.

Одним из злостных нарушений установленно порядка отбывания принудительных работ является употребление осужденным спиртных напитков, наркотических средств, психотропных веществ. Установление состояния алкогольного, наркотического или токсического опьянения требует проведения медицинского освидетельствования. При этом возникает проблема – перечень лиц, в отношении которых может проводиться медицинское освидетельствование, а также основания для его проведения, предусмотренные порядком проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, утвержденные приказом Минздрава России от 18.12.2015 № 933 н, не позволяют сотрудникам ИЦ направлять осужденного к принудительным работам на медицинское освидетельствование в медицинские организации.

Для ликвидации данного пробела предлагается дополнить пункт 5 указанного Порядка подпунктом 3.1:

«осужденного к принудительным работам, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он находится в состоянии опьянения, – на основании направления администрации исправительного центра».

В ст. 60¹⁶ УИК РФ в связи с этим следует вне-

сти п.3¹: «Осужденный к принудительным работам, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что он находится в состоянии опьянения, подвергается медицинскому освидетельствованию в установленном порядке». Данное указание мы считаем целесообразным и на том основании, что оно предусмотрено по отношению к осужденным, отбывающим аналогичные наказания, в уголовно-исполнительном законодательстве некоторых стран СНГ, в частности, УИК Республики Беларусь [6, с. 84].

Что касается совершенствования системы мер поощрения осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, то, по нашему мнению, в число мер поощрения было бы целесообразно внести такую меру, как разовая денежная премия. Материальное поощрение, на наш взгляд – один из наиболее эффективных способов стимулирования правопослушного поведения, добросовестного и инициативного отношения к труду, трудовой дисциплины, как для осужденных, так и для всех иных лиц. Как уже указывалось в литературе [10, с. 114], наиболее действенной мерой материального стимулирования в отношении осужденных, отбывающих принудительные работы, могло бы быть снижение объема удержания из заработной платы осужденного, в качестве элемента прогрессивной системы отбывания наказания, однако действующее законодательство ее, как и других материальных мер поощрения осужденных к принудительным работам, к сожалению, не предусматривает. В таких условиях, по нашему мнению, введение денежной премии за высокие показатели трудовой деятельности в число мер поощрения указанной категории осужденных могло бы стать оправданным.

Также в числе мер поощрения рассматриваемой нами категории осужденных можно было бы внести предоставление дополнительного отпуска не свыше 5 рабочих дней. Данная мера не только могла бы стать инструментом стимулирования правопослушного поведения осужденного, но и способствовала бы сохранению его социально полезных связей.

Заключение

В заключение настоящей статьи следует отметить, что система поощрений и взысканий, предусмотренная для осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, в целом соответствует целям исправления осужденных, однако, по мнению автора, нуждается в мерах по совершенствованию. В частности, в целях инди-

видуализации и повышения эффективности исправительного воздействия на осужденного целесообразно законодательно расширить перечень мер поощрения и взыскания, ввести самостоятельную уголовную ответственность за уклонение от отбывания наказания в виде принудительных работ, а также внести изменения в нормативные акты, регламентирующие порядок медицинского освидетельствования лиц на состояние опьянения, включив в число подлежащих освиде-

тельствующим лиц, отбывающих наказание в виде принудительных работ. Данные изменения законодательства, по мнению автора, могли бы достигнуть большей степени дифференциации исправительного воздействия на осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, более эффективного стимулирования правомерного поведения и предупреждения правонарушений осужденных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агашков Е.И. Исправление осужденного как цель уголовного наказания в виде принудительных работ // *Безопасность бизнеса*. 2018. № 2. С. 35–39.
2. Бочкарев В.В. Уголовно-исполнительные средства частно-предупредительной функции лишения свободы // *Прикладная юридическая психология*. 2014. № 4. С. 175–181.
3. Генералов В.С., Яковлев А.И. Специальное (частное) предупреждение преступлений в процессе исполнения наказания в ИТУ. Рязань, 1987. С. 16–24.
4. Горбань Д.В. Прогрессивная система исполнения и отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы // *Человек: преступление и наказание*. 2016. № 1 (92). С. 74–79.
5. Крымов А.А., Лядов Э.В., Грушин Ф.В. Принудительные работы в Российской Федерации: некоторые проблемы и пути их решения // *Вестник Кузбасского института ФСИН России*. 2017. № 4 (33). С. 65–71.
6. Кутуков С.А., Смирнов С.Н. Сравнительный анализ правового регулирования порядка и условий исполнения наказаний в виде принудительных работ (ограничения свободы) по законодательству стран СНГ // *Уголовно-исполнительное право*. 2014. № 2. С. 82–86.
7. Липинский Д.А. Правовая природа юридической ответственности в уголовно-исполнительном праве // *Прикладная юридическая психология*. 2017. № 3 (40). С. 133–140.
8. Ложкина Л.В. Некоторые вопросы применения дисциплинарных взысканий к осужденным в исправительных учреждениях // *Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право»*. 2015. Т. 25, вып. 2. С. 126–129.
9. Мухтарова Ю.Ш. О мерах поощрения и взыскания, применяемых к осужденным в исправительных учреждениях // *Уголовно-исполнительное право*. 2014. № 1. С. 50–53.
10. Устинов А.А. Реализация прогрессивной системы исполнения наказания при исполнении принудительных работ // *Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний*. 2020. № 4. С. 109–116.
11. Устинов А.А., Гаманенко Л.И. Проблемы организации трудовой деятельности осужденных при исполнении принудительных работ // *Проблемы в Российском законодательстве*. 2020. № 7. С. 122–126.
12. Скаков А.Б. Прогрессивная система исполнения наказаний и пробация требуют дальнейшего совершенствования // *Человек: преступление и наказание*. 2020. Т. 28 (1-4), № 3. С. 365–370.
13. Степашин В.М. Проблемы применения принудительных работ // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2015. № 4 (45). С. 156–161.
14. Bakulina L.V., Bakulin V.K. Principles making convicts work // *The Social Sciences (Pakistan)*. 2015. № 7. Vol. 10. Pp. 1840–1843.

REFERENCES

1. Agashkov E.I. Ispravlenye osuzhdenogo kak tsel' ugovnogo nakazaniya v vide prinuditel'nykh rabot [The Correction of Convict as a Purpose of the Unfree Labor]. *The Security of Business*, 2018, no. 2, pp. 35–39. (In Russ.).
2. Bochkaev V.V. Uголовно-исполнител'nye sredstva chastno-predupreditel'noy funktsii lisheniya svobody [The Criminal Executive Means of Particularly Preventive Function of the Imprisonment]. *The Practical Law Psychology*, 2014, no. 4, pp. 175–181. (In Russ.).
3. Generalov V.S., Yakovlev A.I. *Spetsial'noye (chastnoye) preduprezhdeniye prestuplenii v protsesse ispolneniya nakazanii v ITU* [The Special (particular) Prevention of Criminals in the Process of the Punishment Execution in the Correctional Facilities]. Ryazan', 1987, pp. 16–24. (In Russ.).
4. Gorban' D.V. Progressivnaya sistema ispolneniya I otbyvaniya nakazanii, ne svyazannykh s lisheniem svobody [The Progressive System of the Execution and Serving of the Punishment]. *Human; the crime and punishment*, 2016, no. 1, pp. 74–79. (In Russ.).
5. Krymov A.A., Lyadov E.V., Grushin F.V. Prinuditel'nye raboty v Rossiyskoi Federatsii: nekotorye problemy i puti ikh resheniya [The Unfree Labor in Russian Federation: Some Problems and the Ways of Their Decision].

The Bulletin of Kuzbass Institute of FPS of Russia, 2017, no. 4 (33), pp. 65–71. (In Russ.)

6. Kutukov S.A., Smirnov S.N. Sravnitel'nyi analiz pravovogo regulirovaniya poryadka i uslovii ispolneniya nakazanii v vide prinuditel'nykh rabot (ogranicheniya svobody) po zakonodatel'stvu stran SNG [The Comparative Law Analysis of the Legislation of the Punishments in Form of Unfree Labor (Probation) in the Law of CIS Countries]. *The Criminal Executive Law*, 2014, no. 2, pp. 82–86. (In Russ.).

7. Lipinskiy D.A. Pravovaya priroda yuridiceskoy otvetstvennosti v ugovolno-ispolnitel'nom prave [The Law Nature of the Legal Responsibility in the Criminal Executive Law]. *The Practical Law Psychology*, 2017, no. 3 (40), pp. 133–140. (In Russ.).

8. Lozhkina L.V. Nekotorye voprosy primeneniya distsiplinarynykh vzyskaniy k osuzhdennym v iapravitel'nykh uchrezhdeniyakh [Some Questions on Disciplinary Penalties Against Convicts in Prison]. *The Bulletin of Udmurt University. Series "Economic and Law"*, 2015, vol. 25, iss. 2, pp. 126–129. (In Russ.).

9. Mukhtarova Yu.Sh. O merakh pooschreniya i vzyskaniya, primenyaemykh k osuzhdennym v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh [About the Means of Encouragement and Penalty Applying Against the Convicts in the Correctional Facilities]. *The Criminal Executive Law*, 2014, no. 1, pp. 50–53. (In Russ.).

10. Ustinov A.A. Realizatsiya progressivnoi sistemy ispolneniya nakazaniya pri ispolnenii prinuditel'nykh rabot [The Realization of the Progressive System of Punishment Enforcement in the Enforcement of the Unfree Labor]. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2020, no. 4, pp. 109–116. (In Russ.).

11. Ustinov A.A., Gamanenko L.I. Problemy organizatsii trudovoy deyatel'nosti psuzhdennykh pri ispolnenii prinuditel'nykh rabot [The Problems of Organization of the Labor Activity of Convicts During the Execution of Unfree Labor]. *Gaps in Russian Legislation*, 2020, no. 7, pp. 122–126. (In Russ.).

12. Skakov A.B. Progressivnaya sistema ispolneniya nakazanii i probatsiya trebuyut dal'neyshego sovershenstvovaniya [The Progressive System of the Execution of the Punishments and the Probation Requires the Further Improvement]. *Human; the crime and punishment*, 2020, vol. 28 (1-4), no. 3, pp. 365–370. (In Russ.).

13. Stepashin V.M. Problemy prinuditel'nykh rabot [Problems of Forced Labor]. *The Bulletin of Omsk University. Series "Law"*, 2015, no. 4 (45), pp. 156–161. (In Russ.).

14. Bakulina L.V., Bakulin V.K. Principles making convicts work. *The Social Sciences (Pakistan)*, 2015, no. 7, vol. 10, pp. 1840–1843. (In Eng.).

Информация об авторе:

Устинов Андрей Анатольевич,

доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, кандидат юридических наук, подполковник внутренней службы

E-mail: ustin33@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2848-8592

Information about the author:

Andrey A. Ustinov,

Associate Professor of Criminal and Criminal Executive Law Department of Perm Institute of the FPS of Russia, Ph. D. (Law), lieutenant colonel of interior service

E-mail: ustin33@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2848-8592

Информация для цитирования:

Федоров А.Ф., Суслов Ю.Е. Средства борьбы с правонарушениями в местах отбывания наказания // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 2(41). С. 92–99. DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.011.

For citation:

Fedorov A.F., Suslov Yu.E. Sredstva bor'by s pravonarushenijami v mestah otbyvaniya nakazaniya [Means of Combating Offenses in Places of Serving Sentences]. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2021, no. 2(41), pp. 92–99. (In Russ.). DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.011.

УДК 343.9

**СРЕДСТВА БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ
В МЕСТАХ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ**

А.Ф. Федоров^{1,2}, Ю.Е. Суслов^{3,4}

¹ ФКУ НИИ ФСИН России,

125130, г. Москва, ул. Нарвская, д.15 а, стр. 1

² Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
600000, г. Владимир, ул. Горького, 87

E-mail: zimbur79@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2261-6511

³ ФКУ НИИ ФСИН России

125130, г. Москва, ул. Нарвская, д.15 а, стр. 1

⁴ Российский государственный социальный университет
129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1

E-mail: zimburu@mail.ru;

ORCID: 0000-0001-9824-748X

Аннотация. Введение: В данной статье отмечается, что эффективное регулирование деятельности по борьбе с преступностью на основании социального развития осуществляется путем манипулирования многими социальными факторами, на основании данных статистического контроля. Данная статья демонстрирует, что борьба с преступностью как социальным явлением может осуществляться несколькими способами. **Цель:** выявить средства и методы борьбы с правонарушениями в местах отбывания наказания. **Методы:** Изучение волевых проявлений у осужденных методом наблюдения. Изучение волевых проявлений в условиях исправительного учреждения не должно ограничиваться лишь познанием прошлого периода жизни индивида. Перед практическим работником возникает проблема соотношения биографических данных с настоящим поведением правонарушителя. **Результаты:** В ходе анализа данных наблюдения было проведено их сравнение с результатами беседы, анкетирования, анализа продуктов деятельности, эксперимента. Изучение волевой сферы личности каким-то одним методическим приемом не способствует глубокому и точному познанию. **Выводы:** Автор приходит к выводу, что правонарушитель изучается на протяжении длительного времени, предусматривая как выборочную, так и сплошную регистрацию данных о волевых проявлениях осужденного. Практически любую поставленную цель наблюдения следует реализовать комплексно, то есть с участием как можно большего числа воспитателей колонии. В этом случае качество изучения значительно повышается.

Ключевые слова: инновационные технологии; правонарушитель; социальное развитие; преступность; социальный прогресс; общество; борьба.

MEANS OF COMBATING OFFENSES IN PLACES OF SERVING SENTENCES

Alexander F. Fedorov^{1,2}, Yuri E. Suslov^{3,4}

¹ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
15 a, bld. 1, Narvsakaya st., Moscow, Russia, 124130

² Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs
87, Gorkogo st., Vladimir, Russia, 600000

E-mail: zimbur79@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2261-6511

³ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
15 a, bld. 1, Narvsakaya st., Moscow, Russia, 124130

⁴ Russian State Social University,
4, bld. 1, Vilgelma Pika st., Moscow, Russia, 129226

E-mail: zimburu@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9824-748X

Abstract. Introduction: This article notes that effective regulation of the fight against crime on the basis of social development is carried out by manipulating many social factors on the basis of statistical control data. This article demonstrates that the fight against crime as a social phenomenon can be carried out in several ways. **Aim:** to identify means and methods of combating offenses in places of serving sentences. **Methods:** Study of volitional manifestations in convicts by observation. The study of volitional manifestations in the conditions of a correctional institution should not be limited only to the knowledge of the past period of an individual's life. The practitioner faces the problem of correlating biographical data with the actual behavior of the offender. **Results:** In the course of analyzing the observation data, they were compared with the results of the conversation, questionnaire, analysis of activity products, experiment. The study of the volitional sphere of the personality by any one methodological method does not contribute to deep and accurate knowledge. **Conclusions:** The authors come to the conclusion that the offender is being studied for a long time, providing for both selective and continuous registration of data on the convict's volitional manifestations. Almost any goal of observation should be implemented in a comprehensive manner, that is, with the participation of as many of the colony educators as possible. In this case, the quality of the study is significantly increased.

Keywords: innovative technologies, offender, social development, crime, social progress, society, fight.

Введение

В современном обществе произошли значительные преобразования. Изменения, которые происходят в исправительных учреждениях, выявили трудности в борьбе с правонарушениями. А формирование законопослушной и развитой личности является целью воспитательного процесса.

Одним из направлений деятельности ФСИН России является обеспечение подготовки осужденных к освобождению из мест лишения свободы. Преступность является социально-правовым исторически изменчивым негативным явлением. Одним из проявлений преступности, активно прогрессирующей в современных условиях, выступают преступления, совершаемые в местах отбывания наказания. Надо говорить о необходи-

мости эффективного противодействия преступности, заключающегося в комплексном воздействии на причины ее возникновения.

Любое преступление считается опасным, но совершение его во время отбывания наказания в замкнутом пространстве исправительного учреждения опасно вдвойне, так как причиняется ущерб не только непосредственному объекту посягательства, но и затрагиваются интересы деятельности исправительного учреждения, безопасности его функционирования. Могут быть затронуты интересы многих людей, находящихся за пределами исправительных учреждений.

С точки зрения научных представлений борьба с преступностью – это целенаправленная деятельность по обеспечению безопасности охраняемых ценностей. А правоохрана или пра-

во охранительная деятельность представляет собой систему уголовно-правовых мер, способов и средств ограждения общества от преступных посягательств. В правоохранительных органах происходят крупные по масштабам и качественные по содержанию изменения, определяемые внутренними и внешними процессами интеграции и дифференциации, расширением либо сужением сфер, связанных с воспитательным процессом осужденных.

Как верно отмечает А.С. Дадаев, «уголовная ответственность реализуется в определенных формах применительно к конкретному лицу...» [2, с. 111]. Осуществляя планирование социального развития, следует различать конечные и ближайшие цели социального прогресса, определяемые состоянием экономики и уровнем общественного сознания. «Одной из основных целей деятельности уголовно-исполнительной системы в условиях модернизации является сокращение рецидива преступлений» [1, с. 69]. Отсутствие эффективной профилактической системы в местах отбывания наказания подтверждается стабильно высокими показателями преступности в исправительных учреждениях. Известно, что постепенное уменьшение преступности как социального явления есть закономерность, характеризующая экономическое, социальное, политическое развитие государства. Итак, «... одной из самых актуальных и социально значимых задач, стоящих перед обществом сегодня, безусловно, является поиск новых путей по снижению роста противоправных деликтов...» [4, с. 163]. Теория контроля над преступностью основана на учении Эмиля Дюркгейма о преступности как нормальном социальном явлении, вечно существующем в обществе, с которым невозможно и нецелесообразно бороться, и которое надо лишь контролировать, чтобы оно не выходило за определенные рамки. Преступность должна быть лишена адекватной социально-экономической основы для развития гражданского общества. «Развитие гражданского общества неразрывно связано с прогрессом всей страны» [5, с. 172].

Устранение и преодоление объективных причин преступности достигается, прежде всего, посредством осуществления экономического, социального и культурного строительства и выступает итогом экономического и социального прогресса общества. Масштабное, объемное значение изучаемого явления может быть получено только при использовании комплекса методов, которые используются в воспитательном процессе: «воспитание малоэффективно без опоры на

коллектив» [3, с. 71], «одним из средств исправления осужденных является воспитательная работа» [7, с. 90].

Инновационные технологии охватили все сферы деятельности человека, и отсутствие знаний о них не может позволить нормально развиваться и функционировать уголовно-исполнительной системе. При этом применение современных технологий не отменяет живого общения. Активное использование интерактивных технологий приводит к повышению заинтересованности, появлению у человека желания принимать участие в познании нового. Это способствует развитию умений самостоятельно ставить цели, находить способы их достижения.

На сегодняшний день становится очевидным, что все преобразования в уголовно-исполнительной системе приводят к необходимости модернизации методов воспитания осужденных. Одной из главных задач этих преобразований является подготовка к противодействию совершения преступления. Осужденным необходимо соблюдать режим содержания в условиях информатизации общества и развития инновационных технологий.

Уместным будет отметить, что в современной уголовно-исполнительной системе применяют современные средства для наблюдения за осужденными, такие как видеорегиистратор. Для того чтобы уменьшить и не допустить появление конфликтных ситуаций среди осужденных необходимо видеонаблюдение за их поведением в помещениях исправительного учреждения, а также с целью профилактики побегов. Анализ результатов возникновения конфликтных ситуаций показал, что наиболее негативное влияние оказывает снижение требований режима, омоложение спецконтингента, несоответствие условий содержания требованиям правил внутреннего распорядка. Данные факторы являются почвой для возникновения конфликтов, как среди осужденных, так и между осужденными и администрацией. Негативно сказывается повышенная численность осужденных в учреждении, так как нехватка спальных мест вызывает дополнительную напряженность, способствуя развитию конфликтных ситуаций.

Видеорегиистратор представляет собой специализированное устройство, которое предназначено для записи, хранения, обработки, а также воспроизведения видео. В большинстве случаев это компактный прибор, который оборудован одной, двумя или тремя камерами. Данное устройство можно использовать при наблюдении за осуж-

денными. Основная его цель – это непрерывная фиксация за деятельностью осужденных. Видеореги­стратор может выступать в качестве пор­та­тивной видеокамеры.

Такие элементы определяют особенности средств предупреждения преступлений, приме­няемых в местах лишения свободы. На основе исследования воспитательных средств профилак­тики преступлений в уголовно-исполнительной системе необходимо предусмотреть систему средств предупреждения правонарушений среди осужденных и правила пользования инновацион­ными средствами предупреждения правонаруше­ний.

В социальном развитии трудовых коллективов необходимо предусматривать мероприятия по развитию общественной активности сотрудни­ков, повышению их культурного уровня, целена­правленному формированию и удовлетворению материальных и духовно-идеологических потреб­ностей, достижению психологического уровня в профессиональной деятельности, особенно в бы­стро меняющихся современных условиях, цифро­визации и информатизации большинства сфер человеческой жизни. Решение этих проблем со­ставляет необходимую основу для постепенной ликвидации преступности как социального явле­ния.

Таким образом, социальное развитие – необ­ходимый инструмент осуществления управленче­ской деятельности, суть которого состоит в по­становке целей и выборе средств для успешного регулирования социальных процессов. Борьба с преступностью как составная часть социального развития в целом также представляет собой по­становку целей и выбор профилактических и пре­дупреждающих средств. Сущность социального управления преступностью состоит в упорядоче­нии системы поведения отдельных лиц, приведе­нии этой системы в соответствие с требования­ми. Такое регулирование осуществляется посред­ством устранения объективных причин и условий преступности и непосредственного воздействия на отсталые элементы общественного и индиви­дуального сознания социальных групп и отдель­ных людей. Как справедливо замечают Г.Ф. Му­хаметдинова и О.С. Маметьева, «важной целью социальной профилактической деятельности яв­ляется выявление причин и условий, ведущих к девиациям» [6, с. 65].

Методы

Ввиду отсутствия стремления трудиться, и находясь в изоляции, осужденные совершают

правонарушения, поэтому необходимы контроль и наблюдение. Наблюдение за осужденными в колонии – это система мер, направленных на обеспечение порядка и условий исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы, путем постоянного наблюдения и контроля за поведением осужденных в местах их размещения и работы, предупреждения и пресечения их про­тиво­правных действий, обеспечения изоляции, а также безопасности осужденных и персонала. Осуществление наблюдения за осужденными является обязанностью всех работников коло­нии. Специальные задачи по осуществлению на­блюдения за осужденными возлагаются на де­журную смену.

Изучение волевых проявлений осужденных в условиях исправительного учреждения не долж­но сводиться к их прошлому периоду жизни. Пе­ред практическим работником возникает пробле­ма соотнесения биографических данных с на­стоящим поведением правонарушителя.

Нужно сказать, что воля как сознательная ре­гуляция человеком своего поведения наиболее ярко проявляется в трудовой, мыслительной, по­знавательной деятельности. Ее качественная сто­рона изучается с помощью комплекса методиче­ских приемов, особое место в котором занимает наблюдение в живом общении и с помощью ин­новационных технологий.

Данный комплекс необходимо реализовать в условиях исправительного учреждения с соблю­дением ряда требований. Метод наблюдения наи­более эффективен в том случае, если исследова­тель определяет конкретную цель изучения и систематически фиксирует волевые проявления осужденных в разных условиях их жизнедея­тельности. Для изучения волевой активности осуж­денных наиболее типичными будут наблюдения: за спецификой преодоления осужденными труд­ностей в связи с изменениями асоциальных форм поведения; за взаимоотношениями в среде право­нарушителей; за отношением к труду, учебе, к активу, семье, к самому себе; за изменениями в поведении, волевой активности; за направленно­стью проявлений волевых качеств. Практически любую поставленную цель наблюдения следует реализовать комплексно, то есть с участием как можно большего числа воспитателей колонии. В этом случае качество изучения значительно по­вышается.

Теоретические основы

Наблюдение за проявлениями осужденных следует организовывать по единому плану. Он

составляется обычно группой воспитателей. Этот документ должен включать в себя перечень тех волевых качеств, которые будут изучаться в различных видах деятельности (трудовой, учебной и др.).

Оправданным представляется разделение труда: например, начальник отряда планирует изучение направленности волевых проявлений осужденного, воспитатель ставит перед собою цель – выявить степень концентрации волевых усилий в различных видах деятельности этого правонарушителя. Затем выделяются жизненные ситуации и участки деятельности колонии, где в наибольшей степени проявляются намеченные для изучения волевые качества.

Чаще всего работники производства, школы, начальники отрядов избирают следующие объекты наблюдения и конкретные виды деятельности осужденных. В сфере производства волевые качества изучаются в ходе выполнения осужденным различного рода производственных заданий, например, обработать сложную деталь, прочитывать технологическую, операционную карту, составить технологическую или операционную карту, сконструировать приспособление для изготовления сложной детали, изучить технологию ее изготовления, изучить чертеж узла, улучшить организацию рабочего места.

В качестве особого объекта наблюдения выступают взаимоотношения осужденных в процессе труда. В общеобразовательной школе и профтехучилище объектами наблюдения служат контрольные работы, сочинения, домашние работы, результаты выполнения отдельных поручений учителя на уроке, комплексные работы в учебных мастерских профтехобразования, задания на составление технологической или операционной карт и, разумеется, поведение осужденного в школе и ПТУ, система взаимоотношений. В жилой зоне – свои объекты наблюдения. Это, прежде всего, взаимоотношения с членами отряда, выполнение отдельных заданий начальника отряда, участие в общественной жизни, в конкретных воспитательных мероприятиях.

Результаты

В течение 2019 года проводилось наблюдение за 110 осужденными, которые нарушали правила внутреннего распорядка отбывания наказания. При этом все осужденные работали на производстве с соблюдением перечисленных принципов и требований.

Результаты наблюдения позволили выделить довольно устойчивые группы по их волевым ха-

рактеристикам, направленности. Процесс наблюдения всегда сопровождается фиксацией полученных результатов. С этой целью велась протокольная запись, были занесены в тетрадь все детали наблюдения. Такой прием необходим при выборочном стандартизированном изучении воли осужденных.

Обработку данных наблюдения осуществляли в два этапа. На первом из них первичные результаты сопоставлялись между собой, по их сходным признакам выделялись группы. После этого осуществлялся комплексный анализ данных наблюдения, практическими работниками исправительного учреждения составлялась развернутая характеристика по объектам наблюдения, формулировались соответствующие выводы, рекомендации.

К заключительному этапу обработки данных наблюдения за индивидуально-психологическими особенностями осужденных привлекались мастера и с их помощью уточнялись противоречивые факты, уменьшая возможность ошибок в составляемых характеристиках.

Обсуждение

Изученные проблемы и полученные результаты представляют собой актуальное и перспективное направление, способствующее развитию метода наблюдения.

На примере одного из наблюдаемых осужденных, было выявлено следующее: на протяжении месяца не выполнялась производственное задание. До этого периода он был на хорошем счету у мастеров производства, проявлял самостоятельность, инициативу, выдержку, осуществлял самоконтроль за своими действиями. Мастер участка следующим образом отзывался о нем: «Стал небрежно относиться к выполнению заданий. Часто отлучается из цеха, на замечания реагировал насмешками, грубостью. Категорически отказывался от выполнения сложных заданий, ссылаясь на то, что он не справится, хотя раньше сам просил такие задания». Характеристика классного руководителя имела сходство с предыдущей: «Этот осужденный перестал интересоваться учебой. Не проявляет активности на уроке, весь ушел в себя. Его не волнует плохая успеваемость. Дисциплины не нарушает. В последнее время стал неразговорчивым, грубит, много курит, часто отлучается в другую секцию, установил там знакомство с недавно прибывшим другим осужденным». Выяснилось также, что осужденный прекратил переписываться с семьей, хотя неоднократно высказывал мысль быстрее вернуться к жене, детям,

делал все возможное, чтобы освободиться досрочно. Возникла необходимость установить связь между выявленными фактами и отрицательным поведением. Было выявлено, что причиной снижения волевой активности осужденного явилась полученная от другого осужденного информация о якобы неправильном поведении его жены (на свободе). Перед начальником отряда была поставлена конкретная и ясная задача восстановления нормальных взаимоотношений между его женой, а затем и тех положительных форм поведения, которые у него проявлялись ранее.

Воспитатели исправительного учреждения нередко допускают ошибку, суть которой заключается в том, что причину отрицательного отношения осужденного к работе они стремятся выявить только в сфере той деятельности, которой непосредственно руководят. Если такие поиски не приносят результата, то возникает иллюзия беспричинности отрицательного поведения, а то и попытка объяснить его глубинными факторами личности, вплоть до биологической предрасположенности. В действительности же причина в таких случаях бывает вполне конкретная, социально-психологическая, но связанная с какой-то другой деятельностью осужденного.

Заключение

Полученные результаты могут найти применение в процессе воспитания осужденных, в рамках служебной работы сотрудников учреждений и органов федеральной службы исполнения наказаний, а также в дальнейших научных исследованиях.

Выделенные единицы наблюдения могут быть использованы как основа плана изучения волевой активности правонарушителей, с выделением типа и видов наблюдения, сроков выполнения мероприятий, круга лиц, которые будут вести наблюдение за проявлением волевой активности осужденного в процессе выполнения конкретных заданий. К наблюдению необходимо подключать мастеров производства, учителей школ, классных руководителей, осужденных, начальников отрядов колонии.

В ходе анализа данных наблюдения необходимо соотносить их с результатами беседы, анкетирования, анализа продуктов деятельности, эксперимента. Изучение волевой сферы личности как-то одним методическим приемом не способствует получению точных результатов. Необходи-

мо комплексное использование методов.

Таким образом, тот или иной факт, касающийся волевого проявления осужденных, только тогда может считаться достоверным, объективным, когда он подвергся проверке через другие методические приемы. Были рассмотрены принципы организации наблюдения за волевыми качествами осужденного, соблюдение которых практическим работникам принесли несомненную пользу в уменьшении правонарушений. При этом целесообразна дневниковая запись результатов наблюдения, с предусмотренной как выборочной, так и сплошной регистрацией данных о волевых проявлениях осужденных.

Рекомендуется производить также матричное фиксирование результатов наблюдения. Для этого вначале намечается схема получения сведений. Ее содержание могут составлять структурные компоненты личности, виды деятельности осужденного, система его отношений, интересов и прочее, в которых отражается воля. Первоначально гипотетически определяются и далее фиксируются, в каком виде деятельности проявляются волевые качества личности. В процессе наблюдения знаками плюса или минуса фиксируется степень проявления этих волевых качеств.

Вопросы борьбы с преступностью были и остаются в числе приоритетных задач государства и общества. Выбор средств борьбы с преступностью осуществляется в процессе субъективной деятельности людей, и, следовательно, выбор зависит от того, насколько правильно постигнуты характер и специфика рассматриваемого явления, отдельные его проявления.

В перспективе исследования можно выделить творческие возможности (креативность), внутренние факторы (интеллект, творчество и мотивационно-личностные особенности), которые большинство психологов включает в модель одаренности [8-10].

На основе проведенного исследования можно построить модели ситуаций по параметрам наблюдения. С использованием результатов нашего исследования могут быть избраны средства и методы борьбы с правонарушениями и разработаны соответствующие рекомендации по их применению. Все сказанное обуславливает необходимость индивидуального подхода к различным группам освобожденных из исправительных учреждений, учета степени их дезадаптированности при проведении профилактической работы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бедняков И.Л., Ежова О.Н. Исполнение наказаний без изоляции от общества: проблемы и перспективы // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 1 (30). С. 69–74
2. Дадаев А.С. О реализации уголовной ответственности // Государственная служба и кадры. 2019. № 2. С. 111–112.
3. Зауорова Э.В. Роль дисциплины в воспитательном коллективе (по произведениям А.С.Макаренко) // Международный научный журнал. Образование и наука в России и за рубежом. № 8 (Vol. 43). 2018. С. 71–73.
4. Капустина Е.Г. Модернизация средств административно-правового предупреждения и пресечения правонарушений, совершаемых несовершеннолетними // Государственная служба и кадры. 2020. № 1. С. 162–164.
5. Коломытцева О.Н., Богославский Е.А. Проблемы осуществления общественного контроля в современной России // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 1 (46). С. 172–179.
6. Мухаметдинова Г.Ф., Маметьева О.С. Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта социальной профилактики девиантного поведения подростков // Colloquium-journal. 2019. № 2 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyi-analiz-otechestvennogo-i-zarubezhnogo-opyta-sotsialnoi-profilaktiki-deviantnogo-povedeniya-podrostkov/viewer>
7. Суслов Е.Ю. К вопросу о формах воспитательных мероприятий, проводимых с осужденными в исправительных учреждениях // Государственная служба и кадры. 2020. № 1. С. 90–91.
8. Monks F. J. Development of gifted children: The issue of identification and programming // F. J. Monks (ed. Talent for the future. Assen; Van Gorcum, 1992. Pp. 191–202.
9. Subotnik R.F., Arnold K.D. (eds.). Beyond Terman: Contemporary longitudinal studies of giftedness and talent. Norwood: Ablex Publ. Co, 1994. 324 p.
10. Torrance E.P. Growing Up Creatively Gifted: A 22-year Longitudinal Study // Creative Child and Adult Quaterly. 1980. Vol. 5. Pp. 148–170.

REFERENCES

1. Bednyakov I.L., Yezhova O.N. Ispolnenie nakazaniy bez izoljatsii ot obshhestva: problemy i perspektivy [Execution of Punishments Without Isolation From Society: Problems and Prospects]. *Bulletin of the Vladimir Law Institute*, 2014, no. 1 (30), pp. 69–74. (In Russ.).
2. Dadaev A.S. O realizatsii ugolovnoj otvetstvennosti [On the Implementation of Criminal Liability]. *State service and personnel*, 2019, no. 2, pp. 111–112. (In Russ.).
3. Zautorova E.V. Rol' discipliny v vospitatel'nom kollektive (po proizvedenijam A.S. Makarenko) [The Role of Discipline in the Educational Team (According to the Works of A.S. Makarenko)]. *International scientific journal. Education and science in Russia and abroad*, 2018, no. 8, vol. 43, pp. 71–73. (In Russ.).
4. Kapustina E.G. Modernizatsija sredstv administrativno-pravovogo preduprezhdenija i presechenija pravonarushenij, sovershaemyh nesovershennoletnimi [Modernization of Means of Administrative and Legal Prevention and Suppression of Offenses Committed by Minors]. *State Service and Personnel*, 2020, no. 1, pp. 162–164. (In Russ.).
5. Kolomyttseva O.N., Bogoslavsky E.A. Problemy osushhestvlenija obshhestvennogo kontrolja v sovremennoj Rossii [Problems of Implementation of Public Control in Modern Russia]. *Bulletin of the Vladimir Institute of Law*, 2018, no. 1 (46), pp.172–179. (In Russ.).
6. Mukhametdinova G.F., Mametyeva O.S. Sravnitel'nyj analiz otechestvennogo i zarubezhnogo opyta social'noj profilaktiki deviantnogo povedeniya podrostkov [Comparative Analysis of Domestic and Foreign Experience in Social Prevention of Deviant Behavior in Adolescents]. *Colloquium-journal*, 2019, no. 2 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyi-analiz-otechestvennogo-i-zarubezhnogo-opyta-sotsialnoi-profilaktiki-deviantnogo-povedeniya-podrostkov/viewer> (In Russ.).
7. Suslov E.Yu. K voprosu o formah vospitatel'nyh meroprijatij, provodimyh s osuzhdennymi v ispravitel'nyh uchrezhdenijah [To the Question of the Forms of Educational Activities Conducted with Convicts in Correctional Institutions]. *State Service and Personnel*, 2020, no. 1, pp. 90–91. (In Russ.).
8. Monks F.J. Development of gifted children: The Issue of Identification and Programming. In F. J. Monks ed. *Talent for the future*. Assen; Van Gorcum, 1992, pp. 191–202. (In Eng.).
9. Subotnik R.F., Arnold K.D. (eds.). *Beyond Terman: Contemporary Longitudinal Studies of Giftedness and Talent*. Norwood, Ablex Publ. Co, 1994. 324 p.
10. Torrance E.P. Growing Up Creatively Gifted: A 22-year Longitudinal Study. *Creative Child and Adult Quaterly*, 1980. Vol. 5, pp. 148–170. (In Eng.).

Информация об авторах:

Федоров Александр Федорович,

старший научный сотрудник отдела разработки методологии социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными Центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России; доцент кафедры социальной педагогики и психологии Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, кандидат психологических наук, доцент

E-mail: zimbur79@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2261-6511

Суслов Юрий Евгеньевич,

ведущий научный сотрудник отдела разработки методологии социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными Центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России; доцент факультета психологии Российского государственного социального университета, кандидат психологических наук

E-mail: zimburu@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9824-748X

Information about the authors:

Alexander F. Fedorov,

Senior Researcher,
Department for the Development of Methodology of Social, Psychological, Educational and Pedagogical Work with Convicts, Center for the Study of Problems of the Execution of Criminal Sentences and the Psychological Support of the Professional Activities of the Employees of the Criminal Executive System, of Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; Associate Professor of the Department of Social Pedagogy and Psychology, Vladimir State University A.G. and N.G. Centennial, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

E-mail: zimbur79@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2261-6511

Yuri E. Suslov,

Leading Researcher of the Department for the Development of Methodology of Social, Psychological, Educational and Pedagogical Work with Convicts, Center for the Study of Problems of the Execution of Criminal Sentences and the Psychological Support of the Professional Activities of the Employees of the Criminal Executive System of Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; Associate Professor of the Faculty of Psychology, Russian State Social University, Candidate of Psychological Sciences

E-mail: zimburu@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9824-748X

Информация для цитирования:

Хохрин С.А. Уголовно-правовые формы противодействия пенитенциарной преступности в законодательстве зарубежных стран // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 2(41). С. 100–109. DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.012.

For citation:

Hokhrin S.A. Uголовno-pravovye formy protivodeistviya penitentsiarnoi prestupnosti v zakonodatel'stve zarubezhnykh stran [Criminal Legal Forms of Counteraction to Penitentiary Crime in the Legislation of Foreign Countries]. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2021, no. 2(41), pp. 100–109. (In Russ.). DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.012.

УДК 343.85

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

С.А. Хохрин¹

¹ Институт подготовки государственных и муниципальных служащих

Академии ФСИН России

390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

E-mail: hohrinsa@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0900-1195

Аннотация. Введение: Одной из форм предупреждения совершения преступлений на территории исправительных учреждений является совершенствование уголовно-правовых норм. Наличие уголовной ответственности за совершение тех или иных деяний является одним из стимулов правопослушного поведения как сотрудников, так и осужденных. Разработка указанных норм невозможна без анализа законодательного опыта других государств. В данной статье рассмотрены уголовно-правовые нормы, позволяющие привлекать к ответственности за совершение преступлений осужденных в период отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях или сотрудников при прохождении службы. **Цель:** провести анализ уголовного законодательства иностранных государств, определить законодательные уголовные нормы привлечения к ответственности за совершение преступлений при реализации уголовных наказаний; сделать вывод о целесообразности использования указанных норм в законодательстве Российской Федерации. **Методы:** В статье использованы такие общенаучные методы исследования, как обобщение, анализ и синтез, конкретизация. Эмпирические методы исследования – метод сравнения, описания. **Результаты:** Изучение действующих нормативных правовых актов зарубежных государств позволило выявить комплекс уголовно-правовых норм противодействия пенитенциарной преступности. **Выводы:** Уголовным законодательством зарубежных стран предусмотрена не только ответственность осужденных за совершение пенитенциарных преступлений, но и ответственность ряда сотрудников, проходящих службу в пенитенциарных учреждениях, которые своими действиями способствовали совершению преступлений. Данный опыт, по мнению автора, может быть применен в уголовном законодательстве России.

Ключевые слова: зарубежное уголовное законодательство; пенитенциарная преступность; побег; массовые беспорядки; преступление.

CRIMINAL LEGAL FORMS OF COUNTERACTION TO PENITENTIARY CRIME IN THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Sergei A. Hokhrin¹

¹ Institute of State and Municipal Officers' Training
of the Academy of Law and Management of the Federal Penal Service
1, Sennaya st., Ryazan, Russia, 390000
E-mail: hohrinsa@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0900-1195

Abstract. Introduction: One of the forms of preventing the commission of crimes on the territory of correctional institutions is the improvement of criminal law norms. The existence of criminal liability for the commission of certain acts is one of the incentives for law-abiding behavior of both penal officers and convicts. The development of these norms is impossible without analyzing the legislative experience of other states. This article examines the criminal law norms that allow convicts or employees to be held accountable for committing crimes in penitentiary institutions. **Aim:** to analyze the criminal legislation of foreign states, to determine legislative criminal norms of bringing to responsibility for committing crimes during implementation of criminal penalties; to make a conclusion about the advisability of using these norms in the legislation of the Russian Federation. **Methods:** The author uses such general scientific research methods as: generalization, analysis and synthesis, specification. Empirical research methods are comparison and description. **Results:** The study of the existing normative legal acts of foreign states makes it possible to identify a complex of criminal law norms for countering penitentiary crime. **Conclusions:** The criminal legislation of foreign countries provides not only the responsibility of convicts for committing penitentiary crimes, but also the responsibility of a number of employees serving in penitentiary institutions who, by their actions, contributed to the commission of crimes. According to the author's opinion, this experience can be applied in the criminal legislation of Russia.

Keywords: foreign criminal law; penitentiary crime; escape; riots; crime.

Введение

Выработка новых форм и методов предупреждения пенитенциарной преступности подразумевает в том числе и изменение, при необходимости, уголовного законодательства. Поэтому анализ уголовного законодательства с точки зрения наличия правовых норм, способствовавших предупреждению преступлений, совершаемых в исправительных колониях, весьма актуален. Изучение зарубежного законодательства «открывает перед юристом новые горизонты, позволяет ему лучше узнать право своей страны, ибо специфические черты этого права особенно отчетливо выявляются в сравнении с другими системами. Сравнение способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права» [1, с. 38].

Проведя анализ уголовных кодексов стран дальнего зарубежья в части борьбы с пенитенци-

арной преступностью, можно сделать вывод, что в настоящее время практика государств идет по двум путям. Первый – это совершенствование законодательства, регламентирующего уголовную ответственность за совершение рассматриваемых преступлений. Второй – совершенствование технического оснащения пенитенциарных учреждений и систем видеоконтроля за осужденными и сотрудниками.

Техническое оснащение отечественных пенитенциарных учреждений сегодня в целом на удовлетворительном уровне и нередко не только повторяет зарубежные аналоги, но и превосходит их. Уголовное законодательство, как российское, так и зарубежное, подвержено изменениям ввиду появления новых составов преступлений. В связи с этим обмен опытом разных стран дополнительно требует приведения уголовного законодательства к единому смыслу.

Основная часть

Рассматривая ряд стран дальнего зарубежья,

необходимо отметить, что в странах, где уголовная ответственность за совершение преступлений наиболее широко охвачена и прописана, не отмечается высокого технического оснащения исправительных учреждений. Для максимального охвата данного вопроса постараемся рассмотреть обе стороны вопроса.

Наиболее интересным, по нашему мнению, является уголовное законодательство **Турецкой Республики**. При формировании представления о нем необходимо отметить оказание влияния религиозных традиций и идеологии на построение данного закона. «Несмотря на то, что уголовное право было отраслью, более других свободной от шариата, основой его все же было мусульманское право» [7, с. 242–349]. В соответствии с законодательством наказуемыми являются правонарушения, к которым относятся преступления и проступки. Под преступлением понимается запрещенное настоящим законодательством или неисполнение приказа. Структура Уголовного кодекса Турции разделена на три книги: основные принципы, преступления, проступки.

По нашему мнению, уголовное законодательство Турецкой Республики уделило внимание мерам предупреждения пенитенциарной преступности. В законодательстве данной республики содержится ряд уголовно-правовых норм, направленных именно на предупреждение преступлений со стороны сотрудников.

Вторая книга Уголовного кодекса Турецкой Республики состоит из 11 разделов, 2-й раздел – Преступления против личной свободы – содержит ряд интересных норм. Например, в ст. 183 УК Турецкой Республики указывается, что должностное лицо (чиновник) может отдать приказ о проведении досмотра только в установленных законом случаях¹. Данная норма позволяет предупредить незаконное применение обысковых мероприятий в отношении простых граждан. Под чиновником уголовным законодательством Турецкой Республики понимается лицо, занимающее административный пост, наделенное контрольно-распорядительными функциями. К ним относятся не только служащие на гражданской службе, но и военные и полиция. Следующая

норма предусматривает ответственность сотрудников учреждений турецкой пенитенциарной системы. В ст. 184 указано, что если чиновник примет в пенитенциарное учреждение кого-либо без приговора или откажется освобождать по решению суда, то он привлекается к уголовной ответственности².

Большое внимание в уголовном законодательстве Турецкой Республики уделяется сотрудникам пенитенциарных учреждений. В соответствии с законодательством (ст. 186 УК ТР) сотрудникам конвойных подразделений запрещено применять физическую силу в отношении осужденного, кроме случаев, установленных законом³. При этом сотрудник имеет статус специального субъекта как лицо, занимающееся охраной и конвоированием. Дополнительно турецким законодательством указывается, что если при совершении данного преступления имелась цель, то это будет расценено как отягчающее обстоятельство⁴. Особое внимание необходимо уделить мерам, направленным против коррупции, так, в ст. 211 УК ТР указано: «При применении Уголовного кодекса взяткой считаются деньги, подарки и иная выгода в каком бы то ни было виде, полученные лицами, считающимися чиновниками, лично или через других лиц, за выполнение или невыполнение какого-либо действия, которое в силу закона или положения они обязаны выполнять или не выполнять, а также разница между действительной стоимостью закупленного, проданного или отданного с торгов с этой целью движимого или недвижимого имущества и его оплаченной стоимостью. Взяткой считается также всякая выгода, приобретенная лицами, которые хотя не соответствуют определению чиновника, содержащемуся в настоящем Кодексе, но признаются чиновниками в определенных специальными законами случаях, и которые несут одинаковую с государственными чиновниками ответственность в части некоторых обязанностей»⁵.

Кодексом также предусмотрено основание для освобождения от уголовной ответственности при получении взятки: в ст. 215 – если взяткополучатель предупредит правоохранительные органы и

¹ Уголовный кодекс Турецкой республики / предисловие канд. юрид. наук., доц. Н. Сафарова и доктора права Х. Аджара; науч. ред. и перевод с турецкого Н. Сафарова и Х. Бабаева. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2009. С. 137.

² Уголовный кодекс Турецкой республики / предисловие канд. юрид. наук., доц. Н. Сафарова и доктора права Х. Аджара; науч. ред. и перевод с турецкого Н. Сафарова и Х. Бабаева. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2009. С. 137.

³ Уголовный кодекс Турецкой республики / предисловие канд. юрид. наук., доц. Н. Сафарова и доктора права Х. Аджара; науч. ред. и перевод с турецкого Н. Сафарова и Х. Бабаева. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2009. С. 138.

⁴ Уголовный кодекс Турецкой республики / предисловие канд. юрид. наук., доц. Н. Сафарова и доктора права Х. Аджара; науч. ред. и перевод с турецкого Н. Сафарова и Х. Бабаева. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2009. С. 138.

⁵ Уголовный кодекс Турецкой республики / предисловие канд. юрид. наук., доц. Н. Сафарова и доктора права Х. Аджара; науч. ред. и перевод с турецкого Н. Сафарова и Х. Бабаева. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2009. С. 171.

возвратит взятку¹.

Также уголовным законом в Турции предусмотрена ответственность за побег осужденных в период отбывания наказания из тюрьмы или арестного дома. Это регламентировано статьей 298: «Лицо, совершавшее побег после его задержания, в соответствии с законом наказывается»². Интересен факт наличия оснований для смягчения уголовной ответственности за совершение данного преступления: так, статьей 300 указанного кодекса регламентировано, что если осужденный, совершивший побег, добровольно вернется в учреждение в течение пятнадцати дней, то наказание за совершение преступления не превысит одну шестую часть от указанного. Помимо смягчающих оснований существует ряд статей, предусматривающих ответственность за подготовку к совершению побега осужденного. В соответствии со статьей 301 лицо, подготовившее или облегчившее побег заключенного или осужденного, наказывается...». Статья 302 гласит, что если сотрудник, осуществляющий конвоирование, подготовит или облегчит его побег, он привлекается к ответственности³, что в свою очередь позволяет привлечь иных лиц за оказание помощи осужденным в подготовке побега. Также ответственность понесут сотрудники, осуществляющие конвоирование осужденных, если своими действиями облегчили совершение побега. Это, по нашему мнению, стимулирует сотрудников для выполнения обязанностей.

Дополнительно к облечению действий по совершению побега и оказанию помощи осужденному прописана ответственность за невнимательность или неосторожность сотрудников (чиновников), в результате которых произошел побег (ст. 303). Необходимо также акцентировать внимание на основании для освобождения за совершение данного преступления сотрудником. В статье 306: «В случаях совершения преступления, предусмотренного ст. 303 и 305, лицо, уполномоченное на охрану или транспортировку задержанного или осужденного, освобождается от наказания, предусмотренного статьей 303, и увеличения наказания, предусмотренного ст. 305, если он в течение трех месяцев обеспечит средст-

ва на задержание или добровольной сдачи совершившего побег осужденного»⁴. Получается, если чиновник полностью компенсировал затраты на проведение розыскных мероприятий, то он полностью освобождается от уголовной ответственности.

Отдельной статьей предусмотрены основания для назначения наказания за совершение массовых беспорядков – ст. 304 (проведение бунта против администрации), также указано количество осужденных (не менее трех). Наказание назначается независимо, есть предварительный сговор или нет. Под бунтом понимается полное или частичное воспрепятствование тюремной администрации с применением силы или влиянием и насилием.

В **Китайской Народной Республике** уголовное законодательство построено с высоким уровнем влияния пропаганды и борьбы с контрреволюцией.

В соответствии с рассматриваемым законодательством, преступлением признаются определяемые кодексом действия, и вынесение приговора осуществляется только на основании данного кодекса.

Особенность уголовного законодательства КНР заключается в материальном определении уголовной ответственности за преступления. В первую очередь предлагаем обратить внимание на уголовную ответственность за совершение массовых беспорядков против работников юстиции (ст. 309 УК КНР). В диспозиции не раскрывается понятие массовых беспорядков, однако дополнительно указываются деяния, которые приравниваются к массовым беспорядкам: к ним относятся избиение сотрудников и нападение на суд [3, с. 137]. По аналогии с Турецким законодательством в УК КНР предусмотрена уголовная ответственность за оказание помощи лицу, совершившему преступление. В диспозиции ст. 310 предусмотрена ответственность за помощь в побеге осужденному, снабжении его и оказании финансовой помощи, при этом законодателем к данному преступлению отнесена дача ложных показаний⁵.

Интересен факт ответственности осужденных

¹ Уголовный кодекс Турецкой республики / предисловие канд. юрид. наук., доц. Н. Сафарова и доктора права Х. Аджара; науч. ред. и перевод с турецкого Н. Сафарова и Х. Бабаева. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2009. С. 174.

² Уголовный кодекс Турецкой республики / предисловие канд. юрид. наук., доц. Н. Сафарова и доктора права Х. Аджара; науч. ред. и перевод с турецкого Н. Сафарова и Х. Бабаева. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2009. С. 174.

³ Уголовный кодекс Турецкой республики / предисловие канд. юрид. наук., доц. Н. Сафарова и доктора права Х. Аджара; науч. ред. и перевод с турецкого Н. Сафарова и Х. Бабаева. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2009. С. 175.

⁴ Уголовный кодекс Турецкой республики / предисловие канд. юрид. наук., доц. Н. Сафарова и доктора права Х. Аджара; науч. ред. и перевод с турецкого Н. Сафарова и Х. Бабаева. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2009. С. 175.

⁵ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / предисловие канд. юрид. наук., доц. А.И. Коробеева; науч. ред. и перевод Д.В. Вычикова. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2010. С. 137.

за ряд нарушений в период отбывания наказания. Так, в ст. 315 указан исчерпывающий перечень нарушений, за которые установлена уголовная ответственность, прежде всего, это избиение надзирателя, иных граждан или осужденных, организация беспорядков, участие в беспорядках¹.

Законодателем в уголовном кодексе КНР отдельно указываются массовые беспорядки и бунт в пенитенциарных учреждениях. При этом организация бунта ст. 318 сопряжена с побегом из учреждений².

Дополнительно в законодательстве КНР совершение побега из пенитенциарного учреждения принято рассматривать с точки зрения его организации. Так, отдельно несут ответственность не только организаторы побега, но и зачинщики и активные участники³.

Одной из отличительных черт уголовного законодательства КНР от российского является субъект преступления. В статье 313 УК РФ субъектом является осужденный к лишению свободы либо лицо, заключенное под стражу, а в УК КНР субъектом преступления является лицо, арестованное, обвиняемое, подозреваемое, или сотрудник исправительного учреждения. Также отличием является то, что наказание за побег, предусмотренное в санкции статьи 313 УК РФ, более гуманное, нежели в УК КНР. В Китае санкция предусматривает от 5 лет лишения свободы до смертной казни.

Несмотря на установление жесткого режима отбывания наказания и высокой ответственности за содеянное, побеги все-таки совершаются. Большая часть побегов (62 %) совершается одним осужденным, 22 % – двумя, и 9 % – троим. Массовые побеги в КНР редки, но все же происходят. В основном это характерно для пенитенциарных учреждений, предназначенных для содержания несовершеннолетних осужденных, для которых фактор группы в подобных поступках является доминирующим. Также групповые побеги характерны для исправительных учреждений открытого типа, так как в них нет необходимости преодолевать сложную систему охраны. Большинство побегов совершается неожиданно и импульсивно. Из тех осужденных, которые зара-

нее планировали свой побег, 64 % разрабатывали план не ранее чем за сутки, 20 % – неделю, 17 % – более одной недели [3, с. 112].

В основном побеги характерны для пенитенциарных учреждений КНР низкой безопасности. В одном случае из ста осужденные, содержащиеся в учреждениях минимальной безопасности, утверждали, что главная причина побега – отсутствие надежной системы охраны [4, с. 55–63].

К ответственности привлекаются и сотрудники пенитенциарной службы КНР, по вине которых происходит совершение побега или возникновение массовых беспорядков (в ст. 400 упоминается не только незаконное освобождение преступника, но и безответственность сотрудника, вследствие которой совершен побег)⁴.

Также сотрудники привлекаются за незаконное предоставление условно-досрочного освобождения: в соответствии со ст. 401 «сотрудники органов юстиции, из корыстных побуждений смягчившие наказание, применившие условное освобождение из заключения или отсрочку исполнения приговора лицам, не заслуживающим смягчения наказания, условного освобождения или отсрочки исполнения приговора, – наказываются»⁵.

Проведенный анализ уголовного законодательства **Французской Республики** позволяет также выделить ряд норм, нацеленных на противодействие пенитенциарной преступности. Французское уголовное законодательство изложено в шести книгах, которые разделяются на законодательную и регламентационную часть.

В первую очередь кодекс характеризуется применением адекватных мер ответственности за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Во французском законодательстве не содержится понятий «преступное деяние», «вина», не раскрывается содержание форм вины. В соответствии с уголовным законодательством Франции, ответственность для сотрудников пенитенциарных учреждений предусмотрена за ряд деяний, связанных с выполнением ими служебных обязанностей. Так, например, в соответствии со ст. 432-6 сотрудник подлежит уголовной ответственности при заключении осужденного под стражу

¹ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / предисловие канд. юрид. наук., доц. А.И. Коробеева; науч. ред. и перевод Д.В. Вычикова. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2010. С. 138.

² Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / предисловие канд. юрид. наук., доц. А.И. Коробеева; науч. ред. и перевод Д.В. Вычикова. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2010. С. 138.

³ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / предисловие канд. юрид. наук., доц. А.И. Коробеева; науч. ред. и перевод Д.В. Вычикова. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2010. С. 138.

⁴ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / предисловие канд. юрид. наук., доц. А.И. Коробеева; науч. ред. и перевод Д.В. Вычикова. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2010. С. 141.

⁵ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / предисловие канд. юрид. наук., доц. А.И. Коробеева; науч. ред. и перевод Д.В. Вычикова. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2010. С. 141.

или удержании под стражей без решения суда¹. Сотрудник пенитенциарного учреждения как специальный субъект в законодательстве не предусмотрен. Однако упоминаются определенные обязанности, возложенные на сотрудников (например, сотрудник, на которого возложено осуществление надзора за заключенными). При этом, по аналогии с рассмотренными ранее законодательными актами, в уголовном законодательстве Французской Республики существует ответственность за оказание содействия или подготовку побега осужденного и даже ответственность за совершение умышленного бездействия. В соответствии с диспозицией данная норма применяется в отношении сотрудников, которые являются работниками пенитенциарного учреждения.

В рассматриваемом законодательстве предусмотрена ответственность за передачу запрещенных предметов осужденным в пенитенциарные учреждения. При этом указано, что под уголовную ответственность подпадает передача денежных средств, писем, предметов и веществ².

Уголовным законодательством Французской Республики также предусмотрена защита сотрудников. Основанием для возбуждения уголовного дела является высказывание намерений совершить преступление в отношении сотрудника пенитенциарного учреждения, его близких или повреждение имущества. Интересной особенностью указанной нормы является способ высказывания угрозы: он должен быть письменным или изобразительным, либо в иной материальной форме (ст. 433-3)³.

Дополнительно уголовная ответственность осужденных наступает за организацию и участие в неповиновении законным требованиям администрации и совершение побега заключенных из-под стражи. В диспозиции этих статей указано, что данные преступления должны сопровождаться насильем, подкупом, взломом.

Уголовным законодательством также разъяснено, кого можно отнести к категории заключенных: задержанные, которые участвуют в судеб-

ном процессе или в отношении которых издан приказ об аресте или принудительном приводе, осужденные к лишению свободы, лица, подвергаемые экстрадиции.

Необходимо отметить, что в уголовном законодательстве предусмотрена дополнительная ответственность за совершение побега из медицинских учреждений, из-под надзора, при предоставлении права передвижения без конвоя, домашнем аресте. Уголовной ответственности подлежит также любое лицо, которое предоставило осужденному средства, с помощью которых тот совершил побег.

При изучении уголовного законодательства зарубежных стран также необходимо обратить внимание на законодательные акты **Федеративной Республики Германия**. Особенностью данного законодательства является отсутствие уголовной ответственности за совершение побега из мест лишения свободы или из-под стражи. Стремление осужденных к свободе, по мнению законодателей Германии, является естественным желанием человека. Поэтому при совершении побега осужденного или заключенного из пенитенциарного учреждения ему не только не увеличивают размер наказания, но даже не назначают штраф за совершение данного преступления.

Гуманная политика ФРГ обосновывается гуманным отношением к лицам, в отношении которых применен такой вид наказания, как лишение свободы. Желание свободы, по мнению законодателей, как и инстинкт самосохранения или размножения, всегда преобладает.

Однако при гуманном отношении к осужденным законодатель предусмотрел серьезную ответственность за попытку освобождения осужденных (в соответствии со ст. 120 УК ФРГ «освобождающий заключенного, склоняющий его к побегу или содействующий этому наказываемся...»)⁴.

При этом, если лицо, оказывающее помощь в совершении побега, является сотрудником пенитенциарной системы или наделено контрольно-распорядительными функциями в отношении

¹ Council Directive 2006/112/EC of 28 November 2006 on the common system of value added tax // EUR Lex. 2014. URL: <https://eur-lex.europa.eu/search.html?scope=EURLEX&text=criminal&lang=en&type=quick&qid=1613795518> 352 (дата обращения: 18.02.2021).

² Новый Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, Э.Ф. Побегайло; пер.: М.В. Гарф, Н.Е. Крылова, М.Ф. Щорс. М.: Юрид. колледж МГУ, 1993. С. 143.

³ Новый Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, Э.Ф. Побегайло; пер.: М.В. Гарф, Н.Е. Крылова, М.Ф. Щорс. М.: Юрид. колледж МГУ, 1993. С. 144.

⁴ Уголовный кодекс ФРГ. URL: <https://iknigi.net/avtor-dmitriy-shestakov/97841-ugolovnyy-kodeks-federativnoy-respubliki-germanii-dmitriy-shestakov/read-page-12.html> (дата обращения: 18.02.2021).

осужденных, наказание увеличивается более чем на половину. И даже покушение на совершение побега является наказуемым.

Уголовная ответственность по рассматриваемому законодательству предусмотрена и за массовые беспорядки в учреждениях (ст. 121)¹. При этом указаны признаки объективной стороны рассматриваемого преступления, обязательным элементом является сбор заключенных вместе и осуществление объединенными силами. При этом данная группа осужденных оказывает давление на сотрудников пенитенциарного учреждения или нападает на них с применением силы, совершает при этом побег, применяет насилие, содействует совершению побега.

Квалифицированным составом преступления является:

1. наличие огнестрельного оружия,
2. наличие предметов, используемых в качестве оружия,
3. причинение вреда здоровью.

При всей мягкости уголовного законодательства ФРГ, большое внимание обращается на обеспечение безопасности сотрудников пенитенциарных учреждений, уголовной ответственности подлежит лицо за причинение насилия или угрозу причинения насилия в отношении сотрудника. Квалифицирующим составом данного преступления является признак вооруженности.

При неправомерных действиях сотрудника пенитенциарного учреждения или должностного лица, действия виновного не квалифицируются по данной статье. В качестве смягчающего обстоятельства берется во внимание факт того, что лицо, совершившее деяние, ошибочно полагает, что служебное действие является правомерным².

Уголовное законодательство ФРГ является, по нашему мнению, противоречивым и спорным. Отсутствие уголовной ответственности за совершение побега вызывает дискуссию. Однако заслуживает внимания оснащенность и степень подготовки сотрудников для работы в пенитенциарных учреждениях.

Как известно, исполнение уголовных наказаний в Германии осуществляется только в тюрьмах и находится в компетенции министерства юстиции. Принято разделять тюрьмы на три типа: закрытые, полуоткрытые и открытые. Во главе учреждения стоит начальник, который облада-

ет всей полнотой власти в отношении осужденных и сотрудников.

Сотрудники учреждения не только обеспечивают безопасность в учреждении, но и участвуют в разработке проводимых реабилитационных мероприятий.

Для того чтобы работать с осужденными, сотрудники проходят специальное обучение, сдают экзамены и подтверждают свою квалификацию в течение службы. И именно при таких существенных нагрузках осужденные имеют больше прав, чем сотрудники.

Помимо уголовного законодательства Германии, наше внимание привлекло уголовное законодательство **Государства Израиль**.

Характерной особенностью уголовного права Израиля является то, что оно включает в себя совокупность нескольких законодательных уголовно-правовых актов, регламентирующих уголовную ответственность. Такая особенность характерна для англо-саксонской системы построения уголовного законодательства.

Закон об уголовных наказаниях (Хок ха-оншин)³ по своему построению напоминает уголовный кодекс, состоит из общей и особенной части, в нем указывается понятие уголовной ответственности, понятие преступления, формы вины, обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, виды наказания, возраст уголовной ответственности и др. Но, в отличие от классического уголовного кодекса, в рассматриваемом законе не собраны все нормы уголовной ответственности.

Законодатель указанной страны отметил определенные обязанности и основания для ответственности за невыполнение указанных обязанностей. В качестве примера можно привести Закон о защите частной жизни (Хок агнат ха-пратиот), где в ст. 31 устанавливается уголовная ответственность за несоблюдение данного закона. При этом указанная норма не прописана в уголовном законодательстве. Аналогичную ответственность прописали в Законе о защите прав потребителей, в Указах об опасных наркотических средствах и многих других законах.

Основным объектом охраны являются государственные и общественные интересы. При этом ответственность наступает не только за действия, но и за приготовление к

¹ Уголовный кодекс ФРГ. URL: <https://iknigi.net/avtor-dmitriy-shestakov/97841-ugolovnyy-kodeks-federativnoy-respubliki-germanii-dmitriy-shestakov/read/page-12.html> (дата обращения: 18.02.2021).

² Уголовный кодекс ФРГ. URL: <https://iknigi.net/avtor-dmitriy-shestakov/97841-ugolovnyy-kodeks-federativnoy-respubliki-germanii-dmitriy-shestakov/read/page-12.html> (дата обращения: 18.02.2021).

³ Закон об уголовном праве Израиля. Постатейный перевод с иврита на русский / автор перевода судья М. Дорфман. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Хайфа, 2010. С. 57.

преступлению¹. Помимо этого к ответственности привлекается также и виновный за подготовку и распространение материалов, призывающих к неповиновению (ст. 134), в частности за перевозку материала, который может призвать к неповиновению.

Интересной особенностью является зависимость наказания за совершение побега (ст. 257) из-под стражи от вида преступления, которое ранее совершил бежавший. Так, при совершении тяжкого преступления наказание за побег более суровое. Дополнительно привлекается к ответственности и лицо, оказывающее помощь бежавшему. По законодательству, если указанное лицо пронесло запрещенный предмет, с помощью которого был совершен побег, или помогает иными средствами совершить побег, то оно подлежит уголовной ответственности².

Одновременно государством охраняется и сотрудник пенитенциарной системы или полиции. Наказание за нападение на полицейского регламентировано в зависимости от того, при исполнении он служебных обязанностей или нет. При этом охране подлежит и то лицо, которое оказывает помощь полицейскому.

Противоположностью законодательству Израиля является законодательство Японии. Оно носит более жесткий характер и отличается даже жестокостью по отношению к осужденным. В первую очередь это связано с желанием государства «сломать осужденного», чтобы он признал и осознал вину.

В период отбывания наказания осужденный может попасть в карцер («чобацу») [5, с. 175–194] на срок до 20 дней, за любое нарушение. При этом в указанном помещении осужденному запрещено передвигаться, менять положение, по сути, он должен по 12 часов сидеть неподвижно. В период реализации наказания осужденный может один раз принять душ спустя 10 дней [2, с. 92]. По мнению законодателя, строгая дисциплина позволяет обеспечить безопасность в исправительных учреждениях и способна исправить самого осужденного.

Диспозиция статьи, регламентирующей ответственность за совершение побега осужденного, разделяет побеги на простой и при отягчающих обстоятельствах (ст. 97, 98). В первом случае субъектом будет лицо, заключенное под стражу, у которого приговор не вступил в законную силу. Ко второй группе относятся деяния, сопряженные с повреждением пенитенциарных учреждений или применением насилия.

Дополнительно уголовное законодательство Японии устанавливает ответственность осужденного за захват иного осужденного в качестве заложника (ст. 99).

Характерной особенностью зарубежного законодательства является наличие ответственности за оказание помощи осужденному при совершении побега. Уголовное законодательство Японии тоже не исключение, так, в ст. 100 указано, что лицо подлежит ответственности при предоставлении осужденному предметов, с помощью которых совершен побег³.

При этом законодатель разграничил сотрудников и простых граждан. В соответствии со ст. 101 субъектом преступления является сотрудник, в обязанности которого входит охрана и конвоирование⁴.

В соответствии с уголовным законодательством, уголовной ответственности подлежит лицо, которое способствовало сокрытию преступника, совершившего тяжкое преступление, или оказанию помощи заключенному, совершившему побег⁵.

Вместе с тем в законодательстве существует основание освобождения от уголовной ответственности для родственника осужденного, совершившего побег, если он оказывал ему помощь (ст. 105).

Особое внимание законодателем уделено противодействию массовым беспорядкам. Законодателем в Японии разделена ответственность организатора и участника, при этом определено понятие толпы и применения насилия⁶.

К ответственности также привлекаются сотрудники правоохранительных органов, если ими

¹ Закон об уголовном праве Израиля. Постатейный перевод с иврита на русский / автор перевода судья М. Дорфман. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Хайфа, 2010. С. 101.

² Закон об уголовном праве Израиля. Постатейный перевод с иврита на русский / автор перевода судья М. Дорфман. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Хайфа, 2010. С. 252.

³ Уголовный кодекс Японии: Закон № 45 от 24 апреля 1907 г. в ред. Закона № 91 от 12 мая 1995 г. / под ред. сост. и ред. О.И. Макачук. 2014. С. 67.

⁴ Уголовный кодекс Японии: Закон № 45 от 24 апреля 1907 г. в ред. Закона № 91 от 12 мая 1995 г. / под ред. сост. и ред. О.И. Макачук. 2014. С. 67.

⁵ Уголовный кодекс Японии: Закон № 45 от 24 апреля 1907 г. в ред. Закона № 91 от 12 мая 1995 г. под ред. сост. и ред. О.И. Макачук. 2014. С. 68.

⁶ Уголовный кодекс Японии: Закон № 45 от 24 апреля 1907 г. в ред. Закона № 91 от 12 мая 1995 г. под ред. сост. и ред. О.И. Макачук. 2014. С. 68.

допущен факт насилия или оскорбления в отношении заключенных¹.

В литературе отмечается, что безопасность пенитенциарных учреждений Японии осуществляется с помощью вооруженной охраны, также осуществляется вооруженное конвоирование спецконтингента. В учреждениях активно применяются специальные средства и меры усмирения [6, с. 133–142].

Результаты

Характерной особенностью зарубежных нормативно-правовых актов является наличие в них ответственности сотрудников и служащих правоохранительных органов за оказание помощи при совершении побега, сокрытие преступления, совершение деяний, в результате которых дискредитируется пенитенциарная служба, также установлена уголовная ответственность за совершение действий, в результате которых произошли массовые беспорядки или групповые неповиновения.

Необходимо отметить наличие оснований уго-

ловной ответственности иных граждан за передачу запрещенных предметов, организацию совершения побега, сокрытие или оказание помощи осужденному, совершившему побег из мест лишения свободы или из-под стражи, организацию или планирование неповиновений администрации. При этом интересна идея о необходимости взыскания денежной компенсации за потраченные силы при ликвидации совершенных преступлений.

Заключение

На основании вышеизложенного, предлагаем использовать опыт уголовного законодательства зарубежных стран для подготовки предложений по внесению изменений в уголовное законодательство Российской Федерации, в части привлечения к уголовной ответственности за оказание помощи в совершении пенитенциарного преступления, а также возмещения денежных средств, потраченных на ликвидацию последствий указанного преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права. М.: Прогресс, 1981. С. 38–81.
2. Греков М.Л. Тюремные системы: состояние, перспективы: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. 195 с.
3. Иванцов С.В. Обеспечение органами внутренних дел системного подхода в изучении и предупреждении организованной преступности: монография: научная специальность 12.00.08 «Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право» / С.В. Иванцов; под ред. С.Я. Лебедева. Москва: ЮНИТИ: Закон и право, 2012. 287 с.
4. Сурин В.В. Характеристика «побеговой» активности осужденных (на примере работы зарубежных и отечественных пенитенциарных учреждений) // Проблемы перспективных способов несения службы подразделениями охраны и надзора. Использование современных комплексов ИТСОН в деятельности УИС: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2010. С. 55–63.
5. Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии / Кан Уэда; пер. с яп. О.А. Белявской; под общ. ред. и с вступ. ст. Н.Ф. Кузнецовой, В.Н. Еремина. М.: Прогресс, 1989. 253 с.
6. Фумм А.М. Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в Японии // Зарубежный опыт исполнения уголовных наказаний: сб. науч. статей. Вып. 2 / сост. и ред. О.И. Макаручук. М.: НИИ ФСИН России, 2010. С. 133–142.
7. Ohsson S.M. Code penal. Tableau general le l Empire Othoman. P., 1824, 6. P. 242–349.

REFERENCES

1. Ansel' M. Methodological problems of comparative law. *Essays on comparative law*. Moscow, Progress. 1981. P. 38–81. (In Russ.).
2. Grekov M.L. *Prison systems: state, prospects*. Krasnodar. 2000. 195 p. (In Russ.).
3. Ivantsov S.V. *Providing a systematic approach to the study and prevention of organized crime by the internal affairs bodies*. Monograph. Ed. by S.Ya. Lebedev. Moscow, UNITI, Legislation and Law. 2012. 287 p. (In Russ.).
4. Surin V.V. Characteristics of the «escape» activity of convicts (on the example of the work of foreign and domestic penitentiary institutions). *Problems of prospective methods of carrying out service by security and supervision units. Use of modern complexes of technical security and supervision equipment in the activities of the FPS*. Perm'. 2010. P. 55–63. (In Russ.).

¹ Уголовный кодекс Японии: Закон № 45 от 24 апреля 1907 г. в ред. Закона № 91 от 12 мая 1995 г. под ред. сост. и ред. О.И. Макаручук. 2014. С. 74.

5. Ueda K. *Crime and Criminology in Modern Japan*. Trans. from jap. O.A. Belyavskaya; ed. and with ent. N.F. Kuznetsova, V.N. Eremina. Moscow, Progress. 1989. 253 p. (In Russ.).

6. Fumm A.M. Features of the execution of punishment in the form of imprisonment in Japan. *Foreign experience in the execution of criminal sentences*. Issue 2. Comp. and ed. O.I. Makarchuk. Moscow, NII FSIN Rossii. 2010. P. 133–142. (In Russ.).

7. Ohsson S.M. *Code penal. Tableau general le l Empire Othoman*. Paris. 1824, 6. P. 242–349. (In Fr.).

Информация об авторе:

Хохрин Сергей Александрович,

доцент кафедры уголовного права Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: hohrinsa@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0900-1195

Information about the author:

Sergei A. Hokhrin,

Assistant Professor of the Department of Criminal Law of the Institute of State and Municipal Officers' Training of the Academy of Law and Management of the Federal Penal Service, Ph. D. (Law), Associate Professor

E-mail: hohrinsa@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0900-1195

Информация для цитирования:

Гришковец А.А. Право собственности и его защита (административно-правовые аспекты) // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 2(41). С. 110–122. DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.013.

For citation:

Grishkovets A.A. Pravo sobstvennosti i ego zaschita (administrativno-pravovye aspekti) [Rights to Ownership and its Defense (Administrative Law Aspects)]. *Journal of Perm Institute of the FPS of Russia*, 2021, no. 2 (41), pp. 110–122 (In Russ.). DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.013.

УДК 342.92

**ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ И ЕГО ЗАЩИТА
(АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ)**

*Фиск есть грабеж, а собственность есть кража затем,
что кража есть единственная форма законного приобретения.*

Максимилиан Волошин (1877–1932),
русский поэт Серебряного века,
поэма «Путьями Каина»

А.А. Гришковец^{1,2}

¹ ФГБУ НИИ институт государства и права Российской академии наук
119019, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

² ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России
614012, г. Пермь, ул. Карпинского, 125

E-mail: grishkovecz65@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5548-8096

Аннотация. Введение: В статье рассматривается право собственности в современной России, которое является одним из фундаментальных прав человека и гражданина, закрепленных на конституционном уровне. Данное право – важнейшая политико-правовая категория, изучение которой привлекало многих выдающихся мыслителей прошлого. Их взгляды кратко анализируются в статье. Подчеркивается, что в современной России существует проблема легитимного, ответственного собственника. Выявляются административно-правовые средства защиты, применение которых, наряду с гражданско-правовыми средствами, обеспечивают эффективную защиту права собственности. Кратко рассмотрено значение налоговой системы как самостоятельного средства защиты права собственности. **Цель:** изучить право собственности и его защиту административно правовыми средствами. **Методы:** диалектический метод, анализ, синтез, метод сравнительного правоведения (компаративистики), статистической метод, системный метод. **Результаты:** На основе проведенного исследования изучено право собственности, которое является одним из конституционных прав, основой рыночной экономики. Показаны преимущества административно-правовых средств защиты права собственности. **Выводы:** Право собственности является одним из основополагающих конституционных прав. Административно-правовые средства являются самостоятельным средством его защиты. Их использование наряду с гражданско-правовыми средствами защиты права собственности свидетельствует о системном, эффективном применении права.

Ключевые слова: право собственности; формы собственности; политико-правовая категория собственность; защита права собственности; административное право; гражданское право; административно-правовые средства защиты права собственности.

RIGHTS TO OWNERSHIP AND ITS DEFENSE
(ADMINISTRATIVE LAW ASPECTS)

Alexey A. Grishkovets^{1,2}

¹ Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka st., Moscow, 119019

² Perm Institute of the FPS of Russia
125, Karpinskogo st., Perm, Russia, 614012

E-mail: grishkovecz65@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5548-8096

Abstract. Introduction: The article is devoted to scientific research of ownership rights in modern Russia which are one of the fundamental human and civil rights enshrined at the constitutional level. This right is the most important political and legal category, the study of which attracted many outstanding thinkers of the past. Their views are analyzed in the article shortly. It is emphasized that in modern Russia there is a problem of a legitimate, responsible owner. The paper reveals administrative and legal means of protection, the use of which, along with civil law means, provide effective protection of property rights. The importance of the tax system as an independent means of protecting property rights is also briefly considered. **Aim:** to study ownership rights and its defense by administrative law means. **Methods:** dialectical method, analysis, synthesis, method of comparative jurisprudence (comparative studies), statistic method, systematic method. **Results:** On the base of the research the ownership rights which are one of the constitutional rights and the base of market economy were studied. Advantages of administrative law means of ownership rights defense are revealed. **Conclusions:** Ownership rights is one of based constitutional rights. Administrative law means are independent mean of its defense. This means are used equally with civil law means of defense of ownership rights that is evidence of systematic using of law which is most effective.

Keywords: ownership rights; forms of ownership; political and law category ownership rights; defense of ownership rights; administrative law; civil law; administrative law means of defense of ownership rights.

Введение

Право собственности – одно из фундаментальных конституционных прав человека и гражданина. В части 2 статьи 8 российской Конституции закрепляется положение о том, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Именно государство выступает гарантом незыблемости права собственности, реализует широчайшие полномочия по его защите. От того, насколько эффективно оно справляется с данными полномочиями, в решающей степени зависит развитие экономики страны, ее инвестиционная привлекательность и, в конечном счете, конкурентоспособность на мировом рынке, а значит уровень благосостояния населения.

Закономерно этому принципу авторитетная международная организация The Heritage Foundation совместно с влиятельной газетой американ-

ских деловых кругов The Wall Street Journal, с 1995 года, ежегодно публикует рейтинг экономической свободы, рассчитанный по среднеарифметическому десяти показателей, в котором в качестве одного из таких показателей включены именно **гарантии прав собственности**. Нельзя не отметить также, что с проблемой обеспечения экономической свободы неразрывно связаны проблемы противодействия коррупции и защиты прав и свобод человека и гражданина. Опыт современных демократических государств убедительно показывает, что в странах с либеральной экономикой обычно низок уровень коррупции и высока степень защиты прав и свобод человека и гражданина, и наоборот, там, где экономика не свободна или преимущественно несвободна уровень коррупции высок, а ситуация с правами человека далека от благополучной. Приходится признать, что данные проблемы длительное время сохраняют актуальность в современной России.

Выступая 8 февраля 2013 года на расширенном заседании коллегии МВД России, Президент Российской Федерации специально отмечал, что актуальными задачами ведомства остаются декриминализация экономики, а защита законопослушного предпринимателя от любых противоправных посягательств – это не просто ведомственный приоритет, это, подчеркнул глава государства, – вопрос нашего национального развития; люди, обращающиеся в органы МВД за защитой своих прав, в том числе прав собственности, должны получать реальную помощь¹. В дальнейшем Глава государства в своих выступлениях на различных публичных мероприятиях не раз возвращался к обозначенной проблеме, что свидетельствует о сохранении ее актуальности в современной России. Так, на расширенном заседании коллегии МВД России 3 марта 2021 года, российский Президент призвал руководство ведомства выйти на новые рубежи в обеспечении надежной защиты собственности². И действительно проблемы здесь были и остаются серьезные. Противоправные посягательства на собственность весьма значительны. Так, по данным Пресс-центра МВД России в 2012 году было выявлено 150 квалифицированных преступлений, связанных с рейдерством, что в два раза больше, чем в 2011 году. Всего в том же 2012 году органами внутренних дел выявлено 45 тыс. преступлений такой направленности, из которых около 7,5 тыс. – в крупном или особо крупном размере. К уголовной ответственности привлечено более 10 тыс. лиц³. Хотя в последние годы положение заметно улучшилось и рейдерские захваты теперь редкость, собственность продолжает оставаться одним из основных объектов противоправных посягательств.

Такое положение объясняется недостаточной правовой защищенностью собственника, организационными недостатками в деятельности государственных органов, прежде всего органов исполнительной власти, которые призваны создавать условия для нормального осуществления хозяйствующими субъектами экономической деятельности. При этом следует отметить, что силы правопорядка, а это главным образом полицейские структуры, как правило, начинают действовать только тогда, когда права собственности уже нарушены или находятся в процессе нарушения и требуется их восстановить либо пресечь

противоправные посягательства.

Не преуменьшая значение сугубо полицейских пресекательно-восстановительных мер, тем не менее, есть основания полагать, что главная задача государства видится в предупреждении возможных нарушений права собственности, создании таких условий, когда любое посягательство на собственность изначально оказывается крайне затруднительно и из-за неотвратимости наказания крайне опасно для тех, кто пытается это сделать. Общеизвестно, что посягательства на собственность во многих случаях оказываются возможными именно из-за недостатков в работе, а чаще прямого, как правило, коррупционного умысла должностных лиц органов публичной власти.

Наконец, достаточно серьезной для России остается **проблема легитимного собственника**. В обществе по-прежнему далеко не однозначно воспринимаются итоги приватизации 90-х годов XX в. Ибо, как образно и емко выразилась русская поэтесса Серебряного века Марина Цветаева (1892-1941), «осознание неправды денег в русской душе невытравимое». Данную проблему однозначно признает и политическое руководство страны.

Глава российского государства, выступая на официальном открытии XVI Петербургского международного экономического форума, специально отметил, что «сложно требовать уважения к криво возникшей собственности»⁴. Таким образом, государство в решающей степени заинтересовано в легитимации прав собственности. Решение данной проблемы повысит инвестиционную привлекательность страны, обеспечит приток в экономику иностранных инвестиций, которые так необходимы для ее роста в условиях нестабильности мировой экономики и антироссийских санкций со стороны стран Запада и их союзников.

Приходится признать, что инвестиционная привлекательность России пока остается на неоправданно низком уровне, а деловой климат далек от благоприятного. Согласно рейтингу Всемирного банка по условиям ведения бизнеса (Doing Business) наша страна в 2012 году находилась на 120 позиции, а это, напомним, время до введения антироссийских санкции стран Запада и их союзников.

Индикаторами, которые используются для

¹ Президент России. URL: <http://президент.рф/news/17461> (дата обращения 13.05.2021).

² Президент России. URL: <https://www.kremlin.ru/catalog/person/310/events/65090> (дата обращения 11.05.2021).

³ Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <http://mvd.ru/mvd/bkbor> (дата обращения 10.05.2021).

⁴ Стенограммы Президент События Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/15709> (дата обращения 11.05.2021).

оценки делового климата, выступают: создание предприятий; получение разрешений на строительство; подключение к системе электроснабжения; регистрация собственности; получение кредитов; защита инвесторов; налогообложение; международная торговля; обеспечение исполнения контрактов; разрешение неплатежеспособности (процедура банкротства).

Как видно, вопросы защищенности права собственности, являются основополагающими для обеспечения делового климата в стране. Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике»¹ Правительству Российской Федерации ставилась задача повысить позиции России в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса до 50-й в 2015 году и до 20-й в 2018 году. Очевидно, что для ее выполнения требовалось дальнейшее совершенствование организационно-правового обеспечения защиты права собственности.

Однако данный показатель так и не был достигнут и в настоящее время в официальных документах о нем даже не упоминают. К примеру, нет его в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»² и принятых в целях его реализации Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации до 2024 года³, и тем более нет в Указе от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года»⁴. Как видно, приоритеты экономического развития страны заметно изменились. Приходится признать, что ее граждан о причинах этого официально не информировали, обществу так ничего не объяснили, с чем вряд ли можно согласиться.

Исходя из предмета гражданского права, отношения собственности как отношения имущественные, традиционно исследовались цивилистами, что выглядит вполне логично и закономерно.

Вместе с тем, известны также увидевшие свет в разные годы капитальные работы государствоведов и административистов, в которых с позиции отраслевых юридических наук конституционного и административного права анализируются различные аспекты права собственности⁵.

Если говорить об административистах, то они, главным образом, уделяли внимание совершенствованию механизма управления государственным имуществом, включая его приватизацию⁶. Такое положение лишний раз убедительно подтверждает сущностный характер данного права, в котором органично сочетаются как частноправовые, так и публично правовые аспекты.

В условиях интеграции национальной экономики России в глобальную мировую экономику происходит процесс взаимопроникновения частного права и права публичного. На данное явление в свое время обратил внимание известный отечественный цивилист и видный государственный деятель В.Ф. Яковлев. В результате возникла исключительно интересная в научном плане область исследования. Некоторые ее аспекты применительно к защите административно-правовыми средствами права собственности исследуются в настоящей работе. Автором принята попытка взглянуть на право собственности именно с позиций публичного, в данном случае административного права, но для начала представляется оправданным рассмотреть собственность не иначе, как фундаментальную политико-правовую категорию.

Собственность как фундаментальная политико-правовая категория

Категория собственность издавна привлекала к себе внимание выдающихся зарубежных и отечественных мыслителей, включая юристов, которые неизменно связывали собственность с правом и государством, без которых ее существование немислимо.

Подобный интерес совсем не случаен. Крупнейший представитель английского материализ-

¹ СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2333.

² СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

³ Отчет о результатах деятельности Правительства Российской Федерации за 2018 год. URL: <http://static.government.ru/media/files/ne0vGNJUk9SQjIGNNsXIX2d2CpCho9qs.pdf>.

⁴ СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

⁵ См.: Винницкий А.В. Государственная собственность в административном праве. М., Статут. 2010; Мазаев В.Д. Публичная собственность в России: конституционные основы. М., ОАО «Издательский дом «Гордец». 2004; Чичерин Б. Собственность и государство. М., 1883.

⁶ См.: Винницкий А.В. Административно-правовые вопросы управления государственной собственностью: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, УрГЮА. 2005; Дзыбик Е.К. Государственное управление федеральным имуществом: административно-правовые аспекты: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., ИГиП РАН. 2009; Закупень Т.В. Управление государственной собственностью в условиях реформирования российской экономики // Журнал российского права. 2001. № 8; Пермяков В.А. Система управления государственным имуществом в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., ИГиП РАН. 2012; Талапина Э.В. Управление государственной собственностью. СПб., Издательство «Юридический центр Пресс». 2002.

ма XVII в. философ Дж. Локк включил в свою знаменитую книгу «Два трактата о правлении», где впервые выдвигалась и обосновывалась идея разделения властей, отдельную Главу V «О собственности» [8, с. 276–291]. Мыслитель рассматривал право собственности наряду с правом на жизнь и свободу как одно из основных естественных прав людей.

Вопросы собственности интересовали и французских просветителей XVIII столетия. В трактате Жан-Жака Руссо «Об общественном договоре» имеется самостоятельная Глава IX «О владении имуществом» [11, с. 165–167]. Глубокие идеи относительно роли и значения собственности были высказаны Руссо также в статье «О политической экономии». Несомненно, утверждает в ней мыслитель, что право собственности – это самое существенное из прав граждан и даже более важное в некоторых отношениях, чем свобода: потому ли что оно теснее всего связано с сохранением жизни; и труднее защитить чем личность и в силу этого следует больше уважать то, что легче похитить; либо, наконец, потому, что собственность это истинное основание гражданского общества и истинная порука в обязательствах граждан, ибо если бы имущество не было залогом за людей, то не было бы ничего легче, как уклониться от своих обязанностей и насмеяться над законами [11, с. 128].

Не обошел своим вниманием категорию «собственность» и великий немецкий философ Г.В.Ф. Гегель. В его выдающемся произведении по истории социальной и политико-правовой мысли «Философия права» содержится отдельный раздел «Собственность» [3, с. 101-128]. Свою реализацию свобода личности, прежде всего, находит, по Гегелю, в праве частной собственности. Гегель обосновывает формальное, правовое равенство людей: люди равны именно как свободные личности, равны в их одинаковом праве на частную собственность, но не в размере владения собственностью [3, с. 108].

Обстоятельное исследование категории собственность проделал выдающийся русский дореволюционный ученый-юрист Б.Н. Чичерин, рассматривая ее в своем труде «Собственность и государство»¹. При этом особое внимание он уделит вопросу соотношения частного права и права государственного, т.е. права публичного применительно к отношениям в сфере собственности.

Проблему свободы, как основание и источник всего общественного развития, Б.Н. Чичерин показал в ее сочетании с другими «вечными началами общественной жизни», в число которых он, в частности, включил и собственность; также ученый анализировал основания права собственности. Сравнивая «теорию труда» и «теорию овладения» как основания возникновения данного права, Б.Н. Чичерин приходит к выводу, что право овладения есть наложение воли на физический предмет; право труда есть соединение с вещью части самой личности человека, его деятельности, направленной к обращению вещи в пользу лица. Последнее право предполагает первое, ибо для того, чтобы приложить свой труд к физическому предмету, надобно первоначально им овладеть [16, с. 108]. Таким образом, ученый показал связь между обоими основаниями возникновения права собственности.

Работа Б.Н. Чичерина, где излагались его политико-правовые воззрения на собственность, писалась с 1881-1882 гг. Это было время, когда не только в России, но и в Европе в целом широко распространялись и, надо признать, имели популярность в обществе социалистические и социал-политические теории собственности. Б.Н. Чичерин выступал с их жесткой и последовательной критикой. В частности, рассматривая воззрения Р. фон Иеринга, он упрекает выдающегося немецкого ученого-юриста за то, что тот видит в учении юристов, признающих «священным» право собственности, только выражение самого насыщенного эгоизма. В результате, приходит к выводу Б.Н. Чичерин, социал-политической теорией Иеринга личное право собственности не устраняется. В таком виде оно представляет только смутное смешение частного права и публичного. Но так как первое подчиняется последнему, то истинным собственником является государство².

Марксистское учение рассматривало категорию собственности с позиций классовой теории. Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» прямо связывал возникновение государства с необходимостью в условиях зарождения классов защиты права собственности имущего класса. Рассматривая разложение родового строя в древней Греции, которому сопутствовало злоупотребление родовыми порядками с целью оправдания насильственного грабежа богатств, Ф. Энгельс замечал:

¹ Чичерин Б.Н. Собственность и государство / сост., авт. вступит. ст. и коммент.: А.И. Нарезный; Институт общественной мысли. М.: РОССПЭН, 2010. С. 183.

² Чичерин Б.Н. Собственность и государство / сост., авт. вступит. ст. и коммент.: А.И. Нарезный; Институт общественной мысли. М.: РОССПЭН, 2010. С. 183.

«Недоставало еще только одного: учреждения, которое не только ограждало бы вновь приобретенные богатства отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя, которое не только сделало бы прежде столь мало ценившуюся частную собственность священной и это освящение объявило бы высшей целью всякого человеческого общества, но и приложило бы печать всеобщего общественного признания к развивающимся одна за другой новым формам приобретения собственности, а значит и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатств; недоставало учреждения, которое увековечило бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущего и господство первого над последним». И, делает вывод Ф. Энгельс, «такое учреждение появилось. Было изобретено государство» [17, с. 118].

Как видно, марксизм напрямую связывал происхождение государства с необходимостью защиты права собственности имущего класса. В свою очередь В.И. Ленин, после Октябрьской революции 1917 года и победы большевиков в Гражданской войне, весьма радикально высказался относительно, казалось бы, начавшегося в условиях новой экономической политики Советского государства, возврата к капиталистическим отношениям, основанным на признании права частной собственности. «Мы – писал В.И. Ленин в широко известном письме Д.И. Курскому от 20 февраля 1922 года «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики» – признавали и будем признавать лишь государственный капитализм, а государство, это мы, мы, сознательные рабочие, мы, коммунисты» [7, с. 397]. Касаясь хода подготовки нового, теперь уже светского гражданского законодательства, В.И. Ленин формулирует позицию большевистской партии по вопросам собственности и влияния государства на экономику в целом. «Мы – категорично указывает В.И. Ленин – ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. Отсюда – расширить применение государственного вмешательства в частноправовые отношения; расширить право государства отменять «частные» договоры; применять не свод законов римского права к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание [7, с. 398]. Именно такое понимание отношений собст-

венности безраздельно господствовало в Советском государстве на протяжении почти всей истории его существования. Только с началом перестройки в середине 80-х годов прошлого столетия и инициированными в ходе нее преобразованиями в экономике начался постепенный отход от ленинских взглядов на отношения собственности.

После распада СССР, который справедливо считается величайшей геополитической катастрофой XX столетия, перед руководством новой демократической России остро встал вопрос о том, чтобы не допустить «коммунистического реванша» и возврата к прошлому. Для этого требовалось пройти своеобразную точку невозврата. Опыт экономически развитых правовых демократических государств современности убедительно показывает, что основу их политической стабильности и процветания составляет значительный по численности класс собственников. Это люди, которым есть что терять, и поэтому они естественным образом противятся любым радикальным социальным потрясениям, угрожающим их благополучию и, прежде всего, посягающим на их собственность. В России также была предпринята попытка в кратчайшие сроки попытаться сформировать такой класс. Сделать это решено было через приватизацию общенародной собственности, которая была основой плановой распределительной экономики в СССР. Поэтому вполне правы те, кто полагает, что приватизация в России в 1990-х осуществлялась в политических целях¹. Действительно, в условиях политической нестабильности того периода невозможно было привлечь эффективного собственника, но требовалось через перераспределение собственности решить насущные политические проблемы, прежде всего обеспечить выживание нового демократического политического строя. Кстати сказать, схожие задачи, направленные на преобразование отношений собственности в политических целях, решались во Франции в годы Великой французской революции. Прежде всего, в статье 2 Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 года² собственность вслед за свободой провозглашалась прирожденным правом человека. Во время революции были выпущены так называемые ассигнаты – пятипроцентные государственные ценные бумаги, обеспечивавшиеся конфискованными церковными и эмигрантскими землями. По данным, приводимым

¹ См.: Загадки экономического роста. Беседа с ректором РАНХиГС Владимиром Мау // Компания. 2013. № 26. С. 41.

² См.: Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 3 / Институт законодательства и сравнит. Правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Норма. 2001. С. 401–434.

английский мыслителем Т. Карлейлем (1795-1881), в результате революции во Франции появилось четыре миллиона земельных держателей [5, с. 547]. Таким образом, буржуазные революционные преобразования обеспечили появление значительного по численности класса собственников, чего при «Старом порядке» Франция не знала. И это притом, что тот же французский крестьянин, говоря словами французского философа-позитивиста XIX столетия Ипполита Тэна (1828-1893), обладал «наследственной страстью к собственности и к земле» [14, с. 479].

Становление и развитие в России рыночной экономики закономерно повлекло за собой снижение роли государственной собственности, имевшей в советский период государственного строительства безоговорочный приоритет. Конечно, государственная собственность продолжает сохраняться в значительном и возможно даже избыточном объеме, но ее роль и значение в современных условиях кардинально изменились. Место государства, как собственника и выразителя общественных интересов, теперь во многом занимает собственник частный, который эти интересы также не может игнорировать. Однако в современной России повсеместное появление ответственного собственника пока не произошло и, очевидно, именно государство должно работать над тем, чтобы такой собственник появился. Общей правовой основой для этого является закрепленная в статье 75.1 российской Конституции норма об **экономической солидарности**. В этом отношении интересен и в практическом плане ценен зарубежный опыт.

Так, Закон об акционерных обществах Германии (Aktengesetz) предусматривает, что правление компании должно служить всем заинтересованным сторонам, то есть не только акционерам, но и сотрудникам компании, и клиентам, и обществу в целом¹. Данный подход основан на нормах германской Конституции. Напомним, в части 2 статьи 14 Основного закона Федеративной Республики Германии (23 мая 1949 г.) специально провозглашается: «Собственность обязывает. Пользование ею должно одновременно служить общему благу»².

Именно под лозунгом «Собственность обязывает», думается, должна проводиться государственная политика по культивированию в нашей стране слоя ответственных собственников. Тот, кто рассчитывает на защиту со стороны госу-

дарств его права собственности, сам должен поступать в качестве собственника ответственно, имея в виду безусловное исполнение определенных обязательств, например, вовремя и в полном объеме выплачивать работникам заработную плату, сглаживать социальные противоречия (особенно в сфере трудовых отношений) и не допускать порождаемые ими конфликты, сохранять окружающую природную среду, так или иначе поддерживать социальную сферу, уважать права других граждан и не препятствовать их реализации, как например, в случае с незаконной застройкой береговой линии озер и рек, когда людей лишают права пользоваться общедоступными водными объектами.

Таким образом, есть все основания рассматривать собственность в качестве фундаментальной политико-правовой категории, на которой основана рыночная экономика в правовом демократическом государстве.

Сущность защиты права собственности и некоторые административно-правовые средства ее обеспечения

В современных условиях определяющее значение для развития общества имеет экономика страны. Конституционное закрепление разнообразных форм собственности обязывает государство иметь политику, которая обеспечивает полноценность каждой из форм собственности на основе баланса секторов хозяйства, наиболее благоприятного для населения страны, его отдельных структур по самым различным признакам [4, с. 158].

Элементом такой политики, ее самостоятельным направлением следует признать **административно-правовые средства защиты** права собственности. Конкретизируя, дополняя, детализируя нормы конституционного, а также других отраслей права... в сфере государственного управления, нормы административного права определяют многие дополнительные права и обязанности граждан, и, что особенно важно, механизмы их реализации и защиты от нарушений³. Эти средства защиты универсальны. В них сочетаются традиционные, назовем их «силовые» средства, с которыми они обычно ассоциируются, и которые предполагают прямое применение различных мер государственного принуждения, той же полицией. К примеру, полиция вправе изъять чужую собственность у того, кто ее неза-

¹ См.: «Нам нужна мощная инфляция» // Компания. 2013. 22 июля. С. 34.

² См.: Конституции буржуазных стран: учеб. пос. М., ВЮЗИ. 1977. С. 118.

³ См.: Административное право. Учебник / под ред. Л.Л. Попова. 2-е изд., перераб. и доп. М., Юристъ. 2005. С. 107.

конно удерживает, и вернуть ее собственнику законному.

Наряду с силовыми существуют превентивные средства организационного характера, которые в общем виде сводятся к тому, чтобы исключить саму возможность противоправных посягательств на собственность за счет качественного законодательства и отлаженной работы тех органов публичной власти, которые имеют отношение к регулированию отношений собственности (например, Федеральное агентство по управлению государственным имуществом и его территориальные органы, Федеральная налоговая служба и входящие в ее систему налоговые органы, Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии).

Для института защиты права собственности исключительное значение сыграло принятие Конституции Российской Федерации 1993 года, которая, закрепив многообразие форм собственности, способствовала введению принципа **единства квалификации и санкций** за преступления против собственности, чьей бы она не была (государственной, частной и т.д.).

В результате, различие в форме собственности, на которую осуществлено посягательство, не влечет различий в квалификации преступлений. Также это различие больше не должно влечь и различие в организации непосредственно следственной работы и оценки тяжести вины преступника. Эти положения применимы и к ответственности административной, которая нередко рассматривается не иначе, как «ослабленная» уголовная ответственность. Таким образом, государство в равной мере защищает все существующие в стране формы собственности, не определяя для себя каких-либо приоритетов.

С этим сопряжен еще один важный принцип, который утвердился в России после принятия действующей Конституции 1993 года. Им стал **принцип юридического равенства государства как собственника в отношениях с другими собственниками**. Однако на практике, когда речь идет не только о формально юридическом, но, что особенно важно, равенстве фактическом, интересы государства как собственника в отдельных случаях оказываются де-факто и неявно превалирующими. Считаем, что подобная практика должна безоговорочно прекратиться и впредь не возвращаться ни при каких обстоятельствах.

Вместе с тем, нельзя не учитывать и то обстоятельство, что немало современных собствен-

ников стали ими в 90-годы, когда происходила стремительная и юридически далеко не всегда безупречная и даже откровенно криминальная передача государственной собственности в частные руки. В таких случаях интересы государства должны превалировать и быть надежно защищены, а законные права восстановлены. Не будет лишним сказать, что, несмотря на юридическое равенство различных форм собственности, которое провозглашается на конституционном уровне, государство в некоторых случаях все же отдает явное правовое предпочтение защите государственной собственности. В этом отношении показателен казахстанский опыт. Так, в статье 9 Закона Республики Казахстан 23 июля 1999 года № 453-І «О государственной службе»¹ среди обязанностей государственных служащих закреплена, в частности, их обязанность сохранять государственную собственность. Очевидно, что при таком положении о равенстве всех форм собственности говорить вряд ли приходится. Конечно, в условиях устоявшейся и стабильной рыночной экономики, исходя из публичных интересов, административно-правовое регулирование должно быть направлено на обеспечение единого экономического пространства, включая налоговое и бюджетное администрирование, на **защиту конкуренции**, а также **всех форм собственности**, на обеспечение законности и правопорядка [10, с. 17]. Поэтому, думается, России и многим другим государствам, возникшим в постсоветском пространстве, еще предстоит проделать значительную работу для обеспечения не только формально-юридического, здесь в настоящее время вопросов не возникает, но и, что особенно важно, фактического равенства государственной и иных форм собственности.

Заметный интерес для понимания и научного осмысления значения административного права для защиты права собственности представляют взгляды отечественных ученых-юристов. Современное административное право, справедливо отмечает М.В. Костенников, регламентирует самые разнообразные отношения в экономике, финансах, предпринимательстве, банковской деятельности. Без регулятивных и **охранительных свойств** норм административного права в названных сферах просто не обойтись. Насущная проблема сегодня сделать административно-правовое регулирование экономических и финансовых правоотношений наиболее оптимальным, снять необоснованные административные барье-

¹ Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1999. № 21. Ст. 773.

ры, запреты и ограничения, устранить необоснованное и чрезмерное государственное вмешательство в экономические отношения [6, с. 704].

Очевидно, что именно отношения собственности являются здесь основополагающими. Эти отношения, безусловно, являются ключевыми для сферы экономики, тем более экономики рыночной, основанной на частной инициативе и свободе предпринимательства. При этом основным правовым режимом, воздействующим на предпринимательскую деятельность, является именно административно-правовой режим. Позиции М.В. Костенникова созвучна точка зрения Н.Г. Салищевой, которая полагает, что в качестве одного из основных приоритетов социально-экономического развития следует рассматривать защиту прав и свобод человека и гражданина, снижение административных барьеров для собственников [12, с. 6]. Отсутствие, а в необходимых случаях выявление и снятие таких барьеров, является административно-правовой гарантией беспрепятственного осуществления собственником его законных прав.

Согласно части 1 статьи 35 Конституции Российской Федерации право частной собственности охраняется законом. Законодатель, как представляется, учитывая негативный опыт советского периода, когда право частной собственности отрицалось, решил специально подчеркнуть значимость именно этой формы собственности. При этом, как справедливо отметил М.П. Мозолин, комментируя статью 35 российской Конституции, нормы данной статьи получают развитие в гражданском, административном, природоресурсном законодательствах, законодательстве об охране окружающей среды, уголовном и ином законодательстве, охраняющем право частной собственности¹. Как видно, административное право, сразу же после права гражданского, совершенно справедливо названо в числе юридических инструментов охраны частной собственности.

Известный советский цивилист, впрочем, не чуждый по своим научным интересам проблем административного права, Р.О. Халфина еще в середине 50-х годов XX в., анализируя механизм гражданско-правовой охраны личной собственности граждан СССР, отмечала, что охрана личной собственности граждан осуществляется различными отраслями советского права: гражданским, административным, уголовным [15, с. 156].

Таким образом, в триаде отраслей права, которые охраняют собственность, причем не только личную или, в современном понимании, частную собственность, административное право занимает свое самостоятельное место. В этом отношении позиции административистов и цивилистов совпадают.

Анализируя критерии разграничения юридической ответственности, Н.В. Витрук отмечал, что основу частного права составляет гражданское право, которое в обновлении и развитии получило современное осмысление, связанное, прежде всего с регулированием и защитой отношений частной собственности во всех ее формах и проявлениях [2, с. 163]. Как видно, указанный автор сделал акцент на цивилистической защите права собственности, но умалчивает о публично-правовых и, в частности, административно-правовых средствах защиты. Такой подход представляется односторонним, переоценивающим в данном случае значение гражданского права как инструмента защиты права собственности, не позволяя взглянуть на ситуацию панорамно.

Определенный интерес представляет позиция А.Ю. Кинёва относительно защиты права частной собственности. Он считает целесообразным рассматривать защиту права частной собственности в материальном и процессуальном аспектах². При этом процессуальная защита права частной собственности осуществляется в рамках двух форм – юрисдикционной и неюрисдикционной.

Юрисдикционная форма защиты права собственности представляет собой деятельность уполномоченных государством органов и должностных лиц по защите нарушенных или оспариваемых субъективных прав частной собственности. В рамках юрисдикционной формы защиты права частной собственности, в свою очередь, выделяют общий специальный порядок защиты. По общему правилу, защита прав собственника осуществляется в судебном порядке. Специальный порядок защиты права частной собственности в соответствии со ст. 11 ГК РФ предполагает административную форму и применяется в виде исключения только в прямо указанных в законе случаях. Средством защиты права частной собственности, осуществляемом в административном порядке, является жалоба, подаваемая в соответствующий управленческий орган собственником, право которого нарушено.

¹ Конституция Российской Федерации. Комментарий / под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М.: Юридическая литература, 1994. С. 202.

² Кинёв А.Ю. Правовой режим реализации и защиты права частной собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003. С. 22.

В некоторых случаях, продолжает далее А.Ю. Кинёв, в соответствии с законом применяется смешанный, т.е. административно-судебный порядок защиты права собственности¹. Таким образом, следуя логике А.Ю. Кинёва, защита есть реакция собственника на уже нарушенное или оспариваемое право его частной собственности, продиктованное потребностью это право обеспечить. В общем, защита есть реакция на некий возникший спор между собственником и субъектом, оспаривающим его право. И хотя работа А.Ю. Кинёва написана по теории права, но в ней налицо чисто цивилистическое понимание ее автором защиты права собственности.

Вряд ли с таким, как представляется, весьма узким подходом можно согласиться. Защита не должна сводиться исключительно к восстановлению нарушенного или оспариваемого права, т.е. выступать в качестве средства разрешения спора. Думается, защита – это, в первую очередь, комплекс мер, направленных на недопущение самого спора, т.е. нарушения права собственности, а уж потом – средство восстановления уже нарушенного права. Еще итальянский мыслитель XVIII столетия Чезаре Беккариа (1738-1794) глубоко верно заметил, что лучше предупреждать преступления, чем наказывать. В этом, по его мнению, главная цель всякого хорошего законодательства, которое является искусством вести людей к возможно большему счастью или к возможно меньшему несчастью, если говорить об общем итоге добра и зла в жизни [1, с. 393]. В полной мере данная формула применима не только к законам, о которых говорил Беккариа, но и к тем административным мерам и средствам, применяемым государством на их основе, для защиты прав, включая право собственности. Такие меры и средства наряду с собственно законами обеспечивают предупреждение не только преступлений, но и вообще всех правонарушений.

Нельзя не признать, что в настоящее время сами цивилисты во многих случаях отказываются от упрощенного понимания охраны права собственности преимущественно гражданско-правовыми средствами. К примеру, тот же В.П. Мозолин, анализируя деликтную ответственность как разновидность гражданско-правовой ответственности, отмечает, что на стадии ее возникновения в большей степени присутствуют публично-правовые элементы. Данные

отношения, полагает он, возникают из действий комплексного характера, непосредственно связанных с защитой конституционных прав и свобод граждан и охраной права частной собственности граждан и организаций, права государственной собственности и права муниципальной собственности на принадлежащее Российской Федерации, субъектам Российской Федерации и муниципальным образованием имущество [9, с. 25]. С позицией указанного автора трудно не согласиться. Оптимальным представляется комплексный подход, когда применяются как гражданско-правовые, так и административно-правовые средства защиты права собственности.

Если говорить о перспективах развития административно-правовых средств защиты, то хотелось бы обратиться к авторитетному мнению профессора К.С. Бельского. Ученый отмечает, что роль полицейского права (одна из подотраслей административного права согласно трактовке его предмета, предложенной К.С. Бельским, – авт.), как показывают события в Российской Федерации и в других странах мира, с каждым годом будет расти. Если, как гласит Конституция РФ, Россия есть правовое государство и его обязанностью является защита прав и свобод, то самые существенные права и свободы (право на жизнь, на личную неприкосновенность, право частной собственности и др.) обеспечиваются в первую очередь полицейскими структурами². Насколько оправдывается данный прогноз, как обычно, покажет только время. Однако мероприятия по реформированию контрольно-надзорной деятельности, оптимизация обязательных требований, наконец, реформирование собственно полиции, нацеленное на постепенную трансформацию ее из организации сугубо силовой в структуру, отчасти, сервисную, внушают относительно прогноза К.С. Бельского определенный, пусть и сдержанный, но оптимизм.

В этой связи представляет заметный интерес **проблема владельческой защиты в административном порядке** (курсив мой – авт.). Напомним, назначение владельческой защиты – это борьба с насильственными самоуправными действиями. При весьма высокой степени самоуправства в современной российской действительности нужда в оперативных средствах защиты от него очевидна. Введение владельческой защиты существенно укрепит надежность оборо-

¹ Кинёв А.Ю. Правовой режим реализации и защиты права частной собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003. С. 23.

² См.: Бельский К.С. Все течет, но ничего не изменяется. Ю.А.Копытов. Административное право. Учебник для бакалавров // Государство и право. 2013. № 11. С. 119.

та и создаст эффективные юридические средства против захвата чужого имущества¹. Такая форма защиты в частности предусматривается в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации². Правда, она воспринимается неоднозначно.

Так, известный современный цивилист академик Ю.К. Толстой полагает, что владельческая защита должна предоставляться в судебном порядке, но в рамках не обычного искового, а приказного или особого производства [13, с. 35]. Свою позицию ученый мотивирует ссылками на опросы общественного мнения, которые, как он отмечает, показывают, что процент доверия населения к правоохранительным органам низок.

Приходится признать, что данная проблема долгое время действительно существовала. Однако в последние годы ситуация постепенно изменяется в лучшую сторону. После проведения мероприятий по реформированию МВД России, уровень доверия к ней граждан за последние пять лет устойчиво растет, что подтверждается данными опросов населения, проводимых такими широко известными в стране и заслуживающими доверия организациями, как Всероссийский центр исследования общественного мнения (ВЦИОМ) или Фонд «Общественное мнение». Так, к примеру, по данным ВЦИОМ по состоянию на 10 ноября 2020 года сотрудникам полиции своего региона доверяли 58 % респондентов³.

При таком положении проблема **владельческой защиты в административном порядке** приобретает немалый научный интерес, а потому нуждается во всестороннем осмыслении и, как представляется, прежде всего, с позиций науки административного права. Как известно, часть 3 статьи 10 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции»⁴ устанавливает, что полиция в пределах своих полномочий оказывает содействие государственным и муниципальным органам, общественным объединениям и организациям в обеспечении защиты прав и свобод граждан. Очевидно, что это содействие в полной мере распространяется и на защиту их права собственности. Думается, что ключевым моментом владельческой защиты является ее направленность на, прежде всего, обеспечение **оператив-**

ности мер, принимаемых для защиты интересов владельца. Если делать акцент именно на оперативность, как важнейшее качество владельческой защиты в административном порядке, то тогда с позицией Ю.К. Толстого согласиться сложно. Судебная процедура в силу ее чрезвычайной формализованности и громоздкости, значительной временной продолжительности, даже если речь идет о судебном приказе, а не исковом производстве, в этом отношении, очевидно, проигрывает тем же полицейским мероприятиям.

В современном цивилизованном мире, в условиях рыночной экономики наличие разветвленной налоговой системы свидетельствует о демократичности общества, ограничении вмешательства государства в частную жизнедеятельность граждан и организаций. Суть такого понимания может быть выражена в так называемом «налоговом парадоксе» – частном проявлении правового парадокса: налоги ограничивают право собственности, чтобы эту собственность защитить (сохранить, гарантировать). От кого же требуется защитить частную собственность? Прежде всего, от потенциально безграничных притязаний государства на доходы частных лиц налог фиксирует границы публично-правовых обязанностей налогоплательщика, который должен передать государству часть собственности, но не более чем определено налоговым законодательством. Вся остальная собственность находится в полном распоряжении налогоплательщика. Именно в этом качестве звучит лозунг А. Смита: «Для тех, кто их (налоги) выплачивает, это признак не рабства, а свободы» [18]. Устанавливая меру допустимого вмешательства государства в отношения частной собственности, налоговое право обеспечивает необходимый баланс публичных и частных интересов в обществе⁵. В этом отношении ситуация в современной России обстоит не слишком благополучно. Как свидетельствуют опросы предпринимателей, они рассматривают налоговую нагрузку в качестве одной из ключевых проблем малого и среднего бизнеса. Данную проблему выделили 57 % участников опроса⁶. Поэтому, как представляется, необходимо корректировать сложившуюся налоговую систему, которая должна стимулировать экономику и, в конечном счете, обеспечивать действенную за-

¹ См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М., Статут. 2009. С. 72–73.

² См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М., Статут. 2009. С. 74.

³ Общественное мнение. URL: <https://мвд.рф/publicopinion> (дата обращения 13.05.2021).

⁴ СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

⁵ Демин А.В. Система российского права: тенденции и перспективы // Системность в праве: сб. ст. / под ред. к.ю.н., доц. Н.Л. Клык; Краснояр. гос. ун-т. Красноярск: Изд-во «Универс», 2002. С. 11–12.

⁶ См.: Предприниматели оценили условия ведения бизнеса в России. Малый бизнес. ТАСС. 2021. 05 мая.

щиту права собственности.

Результаты

Проведенное исследование позволило изучить право собственности и показать правовой механизм его защиты именно с позиций науки административного права, тогда как этот механизм традиционно исследовался с цивилистических позиций. Такой подход способствует лучшему и более полному научному осмыслению права собственности, как одного из основных конституционных прав, на основе которого существует и развивается рыночная экономика современного демократического государства. Показаны административно-правовые средства защиты права

собственности и, в частности, владельческая защита в административном порядке.

Заключение

Изучив право собственности, автор приходит к выводу, что в системе правовых средств его защиты административно-правовые средства занимают самостоятельную позицию. Их использование имеет свои преимущества перед гражданско-правовыми средствами защиты и позволяет путем сочетания этих средств обеспечивать системное применение права, наиболее полно и всесторонне защищать право собственности как основополагающего конституционного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. 464 с.
2. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., исп. и доп. М.: Издательство «Норма», 2009. 431 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Издательство «Мысль», 1990. 524 с.
4. Исполнительная власть в Российской Федерации. Проблемы развития / отв. ред. д-р юрид. наук И.Л. Бачило. М.: Юристъ, 1998. 432 с.
5. Карлейль Т. История Французской революции / пер. с англ. С.Ю. Дубровина и Е.А. Мельниковой (Ч. 1). М.: Издательство «Мысль», 1991. 575 с.
6. Костеников М.В. К вопросу о некоторых актуальных проблемах административного права // Право и политика. 2013. № 5 (161). С. 700–707.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Том 44. М.: Издательство политической литературы, 1970. 725 с.
8. Локк Дж. Два трактата о правлении. Сочинения: в 3 т. Т. 3 / пер. с англ. и лат.; ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин. М.: Мысль, 1988. 668 с.
9. Мозолин В.П. Гражданско-правовая ответственность в системе российского права // Журнал российского права. 2012. № 1. С. 26–31.
10. Публичный интерес в административном праве / под общ. ред. д.ю.н. проф. С.В. Запольского, к.ю.н. проф. Н.Г. Салищевой, к.ю.н. проф., засл. юриста РФ В.В. Альхименко. М.: Инст. гос. и права РАН, Академический правовой институт. М., 2015. 304 с.
11. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Издательство «Наука», 1969. 703 с.
12. Салищева Н.Г. О некоторых тенденциях развития законодательства об административной ответственности в России в современный период // Административное право и процесс. 2009. № 5. С. 2–13.
13. Толстой Ю.К. О Концепции развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 31–47.
14. Тэн И. Происхождение общественного строя Современной Франции. Т. I. Старый порядок. С.-Петербург: Издание М.В. Пирожкова, 1907. 576 с.
15. Халфина Р.О. Право личной собственности граждан СССР. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 183 с.
16. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. 654 с.
17. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. Изд. второе. М.: URSS, 2009. 228 с.
18. Smith A. *An Inquiry into the Nature and Cause of the Wealth of Nations*. Ed. by S.M. Soares. MetaLibri Digital Library, 29th May. 2007. 754 p.

REFERENCES

1. Bekkaria Ch. *O prestuplenijah i nakazaniyah* [On Crimes and Punishments]. M., Juridical Publishing House of PCJ of USSR, 1939. 464 p. (In Russ.).
2. Vitruk N.V. *Obshhaja teorija juridicheskoy otvetstvennosti* [Common Theory of Juridical Responsibility]. M., Publ. House «Norma», 2009. 431 p. (In Russ.).
3. Gegel G.V.F. *Filosofija prava* [Philosophy of Law]. Publ. House «Mysl», 1990. 524 p. (In Russ.).

4. *Ispolnitel'naja vlast' v Rossijskoj Federacii. Problemy razvitija* [Executive Power in Russian Federation. Problems of Development] / ed. by Doctor of Law I.L. Bachilo. M.: Lower, 1998. 432 p. (In Russ.).
5. Carlyle T. *History of French Revolution*. Transl. from English by S.Y. Dubrovin and E.A. Melnikova (P. 1). M., Publ. House «Mysl», 1991. 575 p. (In Russ.).
6. Kostennikov M.V. К вопросу о некоторых актуальных проблемах административного права [To Question of Some Actual Problems of Administrative Law]. *Law and Policy*, 2013, № 5 (161), pp. 700–707. (In Russ.).
7. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. Vol. 44. Publ. House of Political Literature, M., 1974. 725 p. (In Russ.).
8. Locke J. *Dva traktata o pravlenii* [Two Treaties of Government]. Works: in 3 vol. Vol. 3. M., Publ. House «Mysl». 1988, pp. 276–291. (In Russ.).
9. Mozolin V.P. Grazhdansko-pravovaja otvetstvennost' v sisteme rossijskogo prava [Civil Law Responsibility in System of Russian Law]. *Journal of Russian Law*, 2012, № 1, pp. 26–31. (In Russ.).
10. *Publichnyj interes v administrativnom prave* [Public Interest in Administrative Law] / ed. by S.V. Zapolsky, N.G. Salischeva, V.V. Alkhimenko. M., 2015. 304 p. (In Russ.).
11. Russo J.-J. *Traktaty* [Treaties]. M., Publ. House «Nauka», 1969. 703 p. (In Russ.).
12. Salischeva N.G. О некоторых тенденциях развития законодательства об административной ответственности в России в современный период [On Some Tendencies of Development of Legislation About Administrative Responsibility in Russia in Modern Period]. *Administrative Law and Process*, 2009, № 5, pp. 2–13. (In Russ.).
13. Tolstoy Y.K. О Концепции развития гражданского законодательства [On Development of Concept or Project for Civil Legislation]. *Journal of Russian Law*, 2010, № 1, pp. 31–47. (In Russ.).
14. Ten I. *Proishozhdenie obshhestvennogo stroja Sovremennoj Francii* [Origin of Social Order of Modern France]. Vol. I. *Staryj porjadok* [Old Order]. SPb., Edition of M.V. Pirojkova, 1907. 576 p. (In Russ.).
15. Khal'fina R.O. *Pravo lichnoj sobstvennosti grazhdan SSSR* [Law of Personal Ownership of Citizens of USSR]. Edition of the Academy of Science of USSR. M., 1955. 183 p. (In Russ.).
16. Chicherin B.N. *Filosofija prava* [Philosophy of Law]. SPb., Nauka, 1998. 654 p. (In Russ.).
17. Engels F. *Proishozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva. V svyazi s issledovanijami L'juisa G. Morgana* [Origin of Family, Private Ownership and State. In Connection with Challenge Luise G. Morgana]. Second edition. M., URSS, 2009. 228 p. (In Russ.).
18. Smith A. *An Inquiry into the Nature and Cause of the Wealth of Nations*, ed. by S.M. Soares. MetaLibri Digital Library, 29th May. 2007. 754 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

Гришковец Алексей Алексеевич,

ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ФГБУН Институт государства и права Российской академии наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ФКОУ ВО Пермский институт ФСИИ России, доктор юридических наук, профессор

E-mail: grishkovecz65@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5548-8096

Information about the author:

Alexey A. Grishkovets,

Leading Researcher of the Department of Administrative Law and Administrative Procedure of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Science, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Perm Institute of the FPS of Russia, Doctor of Law, Professor

E-mail: grishkovecz65@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5548-8096

Информация для цитирования:

Занина Т.М., Бутова М.В. К вопросу об административно-правовых средствах, применяемых подразделениями по делам несовершеннолетних при осуществлении профилактики правонарушений несовершеннолетних // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 2(41). С. 123–130. DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.014.

For citation:

Zanina T.M., Butova M.V. K voprosu ob administrativno-pravovyh sredstvah, primenjaemyh podrazdelenijami po delam nesovershennoletnih pri osushhestvlenii profilaktiki pravonarushenij nesovershennoletnih [On the Issue of Administrative and Legal Means Used by the Units for Juvenile Affairs in the Implementation of the Prevention of Juvenile Delinquency]. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2021, no. 2(41), pp. 123–130. (In Russ.). DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.014.

УДК 342.9

**К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВАХ,
ПРИМЕНЯЕМЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Т.М. Занина¹, М.В. Бутова²

¹ ФГКОУ ВО Воронежский институт МВД России

394065, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53

E-mail: m-barnova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3443-3472

² ФГКОУ ВО Воронежский институт МВД России

394065, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53

E-mail: m-barnova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5512-6960

Аннотация. Введение: Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что, несмотря на общую тенденцию к снижению преступности среди несовершеннолетних, на практике у сотрудников системы профилактики возникают трудности в осуществлении их деятельности. В данной статье рассматривается проблема профилактики правонарушений несовершеннолетних в части, касающейся осуществления специальных мер превентивного воздействия на несовершеннолетнего правонарушителя. Авторы приводят статистические данные и анализируют административно-правовые средства, применяемые инспекторами по делам несовершеннолетних в отношении несовершеннолетних. **Цель:** исследовать соотношение общих и специальных мер административно-правового воздействия на несовершеннолетних. **Методы:** общенаучные (анализ, дедукция, системно-функциональный), междисциплинарный (статистический) и специальные. **Результаты:** Исследование показало, что эффективность профилактического воздействия на несовершеннолетних зависит исключительно от профессиональной корреляции существующих административно-правовых средств и тесного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики, с ограничением одновременно в методах убеждения. **Выводы:** Меры общей профилактики реализуются ПДН посредством пропаганды здорового образа жизни, правовых знаний, путем профилактического воздействия на несовершеннолетних. В целях предупреждения правонарушений несовершеннолетних сотрудники ПДН используют

административно-правовые средства в форме принудительных действий и в форме принудительных действий.

Ключевые слова: административные правонарушения; профилактика; профилактический учет; предупреждение, выявление правонарушений несовершеннолетних; административно-правовые средства; превентивное воздействие; пресечение правонарушений несовершеннолетних.

ON THE ISSUE OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEANS
USED BY THE UNITS FOR JUVENILE AFFAIRS IN THE IMPLEMENTATION
OF THE PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY

Tatyana M. Zanina¹, Maria V. Butova²

¹ Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
53, Patriotov Avenue, Voronezh, 394065

E-mail: m-barnova@mail.ru

ORCID: 0000-0000-0000-0000

² Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
53, Patriotov Avenue, Voronezh, 394065

E-mail: m-barnova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5512-6960

Abstract. Introduction: The relevance of the topic is due to the fact that despite the general tendency to reduce juvenile delinquency, in practice, police officers have difficulties in implementing prevention. The article deals with the problem of prevention of juvenile delinquency in the part concerning special preventive measures. The author provides statistical data and analyzes the administrative and legal means used by juvenile inspectors in relation to minors. **Aim:** to study the ratio of general and special measures of administrative and legal impact on minors. **Methods:** general scientific (analysis, deduction, system-functional), interdisciplinary (statistics) and special. **Results:** The study showed that the effectiveness of preventive action on minors depends solely on the professional correlation of existing administrative and legal means and close interaction of bodies and institutions of the prevention system, but with limiting in the methods used for persuasion. **Conclusions:** General prevention measures are implemented by the police through the promotion of a healthy lifestyle, legal knowledge, and through preventive influence on minors. In order to prevent juvenile delinquency, the police use administrative and legal means in the form of non-coercive actions and in the form of coercive actions.

Keywords: administrative offenses; prevention; preventive accounting; prevention, detection of juvenile delinquency; administrative and legal means; preventive impact; suppression of juvenile delinquency.

Введение

Проблема профилактики правонарушений несовершеннолетних является одной из приоритетных в реализации государственной политики. На ежегодных расширенных заседаниях коллегии Министерства внутренних дел, в том числе на прошедшем 3 марта 2021 года, Президент Российской Федерации В.В. Путин акцентировал особое внимание на данном вопросе, даже не-

смотря на тенденцию к снижению преступности среди несовершеннолетних. Он также отметил, что эффективность профилактики правонарушений в молодежной среде возросла за истекший 2020 год. Однако имеет место рост преступности (уличные акции, детская порнография, проституция, мошенничество, доведение до самоубийства и др.) через интернет-пространство, где несовершеннолетних активно втягивают в противоправные действия¹. В диаграмме 1 представлены ста-

¹ Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090> (дата обращения: 04.03.2021).

статистические данные, полученные из Раздела 3 снижения административных правонарушений Формы 180, которая наглядно демонстрирует среди несовершеннолетних и их родителей¹.

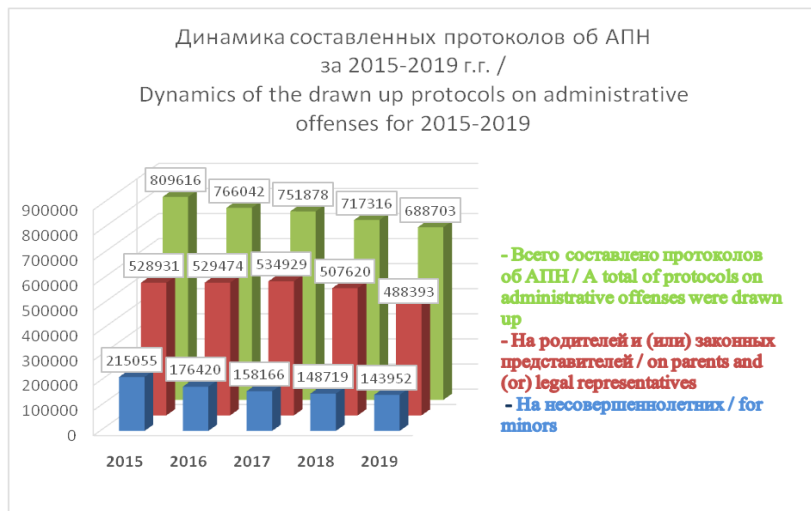

Диаграмма 1 / Chart 1

Обратимся к статистическим сведениям, представленным Федеральной службой государственной статистики, по числу состоявших на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел и поставленных на учет лиц. Так, в России общее количество несовершеннолетних и их родителей или законных представителей составило: в 2015 г. – 518 144, в 2016 г. – 516 558, в 2017 г. – 507740, в 2018 г. – 497183, в 2019 г. – 489 624 человека².

Известно, что превентивное воздействие на несовершеннолетних, которое лежит в основе уменьшения количественных показателей преступности в России, возлагается на полицию, в частности, инспекторов по делам несовершеннолетних (далее – ПДН). Из вышепредставленных данных следует сделать вывод о том, что эффективность профилактического воздействия сотрудников ПДН на несовершеннолетних безусловно возросла. Это вызвано не только более качественным отбором молодых специалистов территориальных органов внутренних дел, но и профессиональным уровнем выполнения непосредственных обязанностей.

Теоретические основы

Одной из основных обязанностей ПДН как подразделения полиции, предусмотренных ст. 12 закона «О полиции», является выявление причин правонарушений, в том числе преступлений, и способствующих их совершению условий, а так-

же лиц, намеревающихся совершить противоправные деяния.

Если говорить о задачах производства по делам об административных правонарушениях, то они закреплены в ст. 24.1 КоАП РФ³, а именно выявление причин и условий. Данная деятельность сотрудников ПДН предполагает реализацию комплекса специальных мер превентивного воздействия данными подразделениями и их сотрудниками в пределах установленной компетенции во взаимодействии с другими субъектами системы профилактики правонарушений [4].

Положительный результат выявления правонарушений, на наш взгляд, возможен на основе активной работы ПДН с населением и целенаправленного осуществления различных комплексных мероприятий. Сотрудники ПДН должны представлять для регистрации всю полученную информацию о признаках правонарушений, как совершаемых, так и уже совершенных. Это обеспечит более полную государственную защиту граждан от возможных правонарушений.

Таким образом, по нашему мнению, выявление ПДН факторов совершения правонарушений есть деятельность, направленная на применение мер общей и специальной профилактики правонарушений.

Следует согласиться с мнением А.В. Равнюшкина о том, что общая профилактика ПДН осуществляется в ограниченных преде-

¹ Диаграмма составлена с использованием статистической отчетности ГИАЦ МВД России. Форма «18» (180), раздел 3, утвержденная приказом МВД России от 30.01.2014 № 57 «Об утверждении формы статистической отчетности «Несовершеннолетние»: ред. от 29.09.2017 // Интегрированная мультисервисная телекоммуникационная система (ИМТС ОВД) (дата обращения: 17.12.2020).

² Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 20.02.2021).

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: в ред. от 24.02.2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.02.2021).

лах, поскольку она связана с выявлением политических, экономических, социальных и других причин совершения правонарушений, на которые ПДН не могут оказывать профилактическое воздействие в той мере, в которой способны другие государственные органы¹.

Общая профилактика направлена на устранение целого комплекса причин совершения правонарушений. Эти причины подразделяются на несколько групп: социальные (социальные противоречия, безработица, социальное расслоение и т.п.), экономические (например, несправедливое распределение материальных благ, низкий уровень доходов), политические (политические кризисы, нестабильность политического развития общества), правовые (правовой нигилизм, несовершенство законодательства), психологические (эгоистичность, агрессивность, месть, зависть и т.п.). Все эти причины оказывают свое негативное влияние и на совершение правонарушений несовершеннолетних.

Меры общей профилактики реализуются преимущественно государством через осуществление правовых, экономических, социальных, политических, идеологических и технических средств [5]. Это, в частности, пропаганда здорового образа жизни, правовых знаний и др. В данном случае ПДН, например, оказывает профилактическое воздействие на несовершеннолетних и их родителей, употребляющих алкоголь и наркотические средства, и др.

Специальная профилактика направлена на решение задач ст. 24.1 КоАП РФ, указанной выше [1]. Причины и условия, которые в случае непринятия мер по их устранению (нейтрализации), дают почву для совершения несовершеннолетними различных асоциальных и противоправных деяний.

К ним можно отнести:

1) объективные причины и условия:

– отсутствие условий для надлежащего воспитания детей (неблагоприятные жилищные и (или) материальные условия; полное либо временное отсутствие работы у родителей);

– вхождение или вовлечение несовершеннолетнего в негативное социальное окружение (клубы, секты, молодежные и другие группы антиобщественной направленности);

– смерть или тяжелая болезнь одного из родителей и т.п.

2) субъективные причины и условия:

– наркомания и токсикомания;

– пьянство и алкоголизм;

– глубокие конфликты родителей по вопросам воспитания ребенка;

– развод родителей;

– увлечение несовершеннолетнего компьютерными или азартными играми;

– возвращение в семью одного из родителей из мест лишения свободы;

– слабая связь ребенка и семьи со школой и т.п.

Специальную профилактику осуществляют ПДН совместно с другими специальными субъектами, используя различные правовые средства (оперативно-розыскные, уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, административно-правовые и др.) в целях предупреждения правонарушений несовершеннолетних, выявления и устранения причин и условий их совершения, а также несовершеннолетних, которые склонны к антиобщественному поведению [2].

Специальная профилактика осуществляется ПДН как общими, так и специальными административно-правовыми средствами.

Общие (общесубъектные) административно-правовые средства применяются многими полномоченными субъектами в целях выявления, устранения или нейтрализации причин и условий совершения правонарушений несовершеннолетними.

Комплекс общих административно-правовых средств выявления правонарушений несовершеннолетних включает, в частности, получение информации о подготавливаемых и совершаемых правонарушениях несовершеннолетних из разных источников: средств массовой информации, в ходе проведения комплексных мероприятий, специализированных рейдов, комплексных целевых рейдов, из заявлений и жалоб граждан, полученных во время приема и т.п.

Так, к обязанностям сотрудников ПДН относится принятие мер, направленных на предупреждение среди несовершеннолетних распространения алкоголизма, наркомании и токсикомании. Для реализации этой обязанности сотрудники ПДН участвуют в проведении рейдов и операций во взаимодействии с работниками муниципальных образований, в которых подлежат выявлению (п. 33.13 Приказа МВД России № 845)²:

¹ Равношукин А.В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения органами внутренних дел правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 120.

² Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15.10.2013 № 845; в ред. от 31.12.2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.02.2021).

а) несовершеннолетние, которые употребляют алкогольную и (или) спиртосодержащую продукцию;

б) лица, нарушающие установленные правила продажи несовершеннолетним алкогольной продукции;

в) несовершеннолетние, потребляющие без назначения врача наркотики или психотропные вещества, а также места концентрации таких подростков, места возможного сбыта, приобретения и употребления наркотиков и психотропных веществ;

г) лица, вовлекающие несовершеннолетних в употребление алкогольной (спиртосодержащей) продукции, немедицинское потребление наркотических средств и т.п.;

д) лица, вовлекающие несовершеннолетних в занятие попрошайничеством, бродяжничеством.

На наш взгляд, рассматриваемые профилактические мероприятия способствуют устранению негативных последствий для несовершеннолетних. А в случае обнаружения признаков состава правонарушений, виновные лица привлекаются к ответственности, что позитивно сказывается на состоянии правонарушений среди несовершеннолетних. Так, своевременное выявление в ходе проведения рейда и в последствии пресечение фактов продажи алкогольной продукции несовершеннолетним способствует ограничению употребления алкогольной продукции среди несовершеннолетних.

К числу специальных относятся административно-правовые средства выявления правонарушений несовершеннолетними сотрудниками ПДН. Последние выявляют лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и (или) антиобщественных действий и т.п.

В ходе проведенного социологического опроса среди инспекторов по делам несовершеннолетних, проходивших курсы повышения квалификации в Воронежском институте МВД России, нами получена информация о том, что вовлекающие лица, как правило, характеризуются следующими субъективными признаками:

- 1) психическими или умственными отклонениями;
- 2) невоспитанностью и безграмотностью;
- 3) неформальным поведением;
- 4) личностными чертами и свойствами (грубостью, агрессивностью, дерзостью, циничностью) и т.п.

ПДН осуществляют выявление признаков правонарушений несовершеннолетних различными формами. Это, в частности, использование в ка-

честве административно-правового средства наблюдения за поведением несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете, кругом их общения, образом жизни. Например, сотрудники ПДН вправе посещать несовершеннолетних, проводить с ними, их родителями (законными представителями) и иными лицами профилактические беседы.

Неблагоприятные бытовые и материальные условия жизни несовершеннолетних, семейное неблагополучие, негативные межличностные отношения и другие факторы, способствующие совершению правонарушений, оказывают влияние на поведение несовершеннолетних. Поэтому ПДН должны осуществлять своевременную, последовательную, комплексную, реальную и основанную на законе предупредительную работу.

Предупредительная деятельность ПДН должна быть направлена на изменение поведения несовершеннолетнего, намеревающегося совершить правонарушение впервые, а также на предотвращение повторных правонарушений со стороны несовершеннолетних. Она реализуется, как правило, на этапе формирования у несовершеннолетнего умысла на совершение правонарушений. В целях предупреждения правонарушений несовершеннолетних сотрудники ПДН, на наш взгляд, реализуют следующие административно-правовые средства:

1) Административно-правовые средства в форме принудительных действий:

а) воспитательного характера: профилактические беседы, разъяснение положений законодательства и правовая пропаганда, критика аморальных поступков, вовлечение в социально полезную деятельность, меры общественного воздействия и т.п.;

б) организационного характера: обмен информацией и опытом, подготовка информационных обзоров, информирование о результатах работы по профилактике правонарушений несовершеннолетних, пресс-конференции, работа с общественностью, и т.п.

2) Административно-правовые средства в форме принудительных действий: разобщение членов асоциальной микрогруппы (подростков) с целью прекращения между ними общения; осуществление задержания; доставление несовершеннолетних, совершивших правонарушения или антиобщественные действия, а также безнадзорных и беспризорных в ЦВСНП, в специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации (СУВУЗТ) и т.д.

Следует отметить, что меры убеждения и административного принуждения, в ходе предупредительной деятельности правонарушений несовершеннолетних могут сочетаться.

Одним из наиболее применяемых сотрудниками ПДН административно-правовых средств предупреждения правонарушений является проведение профилактических бесед с несовершеннолетними с отклоняющимся поведением. Профилактическая беседа служит средством, применяемым в целях формирования положительных черт у детей и убеждения в правильности законопослушного поведения. При этом в деятельности ПДН методы убеждения преобладают над методами принуждения.

В целях предупреждения правонарушений несовершеннолетних ПДН применяют такие методы убеждения, как:

1) Правовое и нравственное воспитание несовершеннолетних:

а) правовая пропаганда – состоит в разъяснении действующего законодательства сотрудниками ПДН. Целью реализации таких мер является доведение до несовершеннолетних и их родителей положений законодательства об ответственности за совершение правонарушений;

б) проведение профилактических бесед с несовершеннолетними правонарушителями, а также с несовершеннолетними, способными совершить правонарушение в силу своего аморального поведения, либо оказания на них негативного воздействия.

Следует согласиться, на наш взгляд, с мнением Е.В. Ищенко о целесообразности проведения выступлений и профилактических бесед с участием психологов среди учащихся образовательных организаций. Психологическая диагностика позволит проводить мероприятия по коррекции поведения, выявить на ранних этапах подростков, склонных к самовольным уходам, предупредить повторные самовольные уходы и предотвратить их последствия [3].

Сотрудники ПДН применяют в своей профилактической работе также такие административно-правовые средства, как:

– посещение несовершеннолетних;

– внесение в органы и учреждения предложений об устранении причин и условий, которые способствуют совершению правонарушений несовершеннолетними; и др.

2) Средства общественного воздействия включают в себя влияние трудового или учебного коллектива, отдельной группы коллег, знакомых соседей и др. Прежде всего, данные средства при-

меняются сотрудниками ПДН при посещении различных предприятий образовательных учреждений, расположенных на обслуживаемых участках, а также за их пределами.

3) Убеждение организационного характера применяется сотрудниками ПДН в целях предупреждения правонарушений в следующих формах: 1) отчеты руководителей, в том числе по профилактике и пресечению правонарушений; 2) выступления руководителей ПДН с докладами и сообщениями перед трудовыми и иными коллективами на тему предупреждения правонарушений несовершеннолетних; 3) предложение практических рекомендаций по данному вопросу; 4) пресс-конференции, встречи с представителями СМИ для информирования о результатах работы по предупреждению правонарушений; 5) организация взаимодействия с общественностью (совместные рейды по проверке подучетных несовершеннолетних, неблагополучных семей).

Результаты

В ходе исследования выявлено, что сотрудникам ПДН необходимо ориентироваться на проведение профилактической беседы таким образом, чтобы воздействие на профилируемого несовершеннолетнего ограничилось лишь средствами убеждения. У несовершеннолетнего должна сформироваться в голове четкая схема, что в случае нарушения закона, ему грозит соответствующая деянию ответственность, которая в последствии негативно скажется на его будущем трудоустройстве. Речь идет здесь, прежде всего, о возможности применения административно-правовых принудительных средств – психологических мер принуждения путем устного предупреждения о постановке на профилактический учет, сообщения о правонарушении в учебное заведение, применении иных мер вплоть до наложения административного наказания.

Анализ существующих средств административно-правового воздействия и применения их на практике показал, что сотрудники ПДН в единичном своем представлении не в силах эффективно воздействовать на несовершеннолетних, склонных к совершению правонарушений и уже находящихся на профилактическом учете ввиду своего противоправного поведения ранее. К данной проблеме необходимо подходить комплексно с использованием сил и средств всех субъектов системы профилактики, в частности, психолога, педагога, которые имеют профессиональные умения и навыки воздействия на человека.

Заключение

Итак, учитывая вышесказанное, можно сде-

лать следующие выводы:

1) Выявление ПДН правонарушений, причин и условий их совершения предполагает реализацию комплекса специальных мер превентивного воздействия данными подразделениями и их сотрудниками в пределах установленной компетенции во взаимодействии с другими субъектами системы профилактики правонарушений несовершеннолетних. Общие административно-правовые средства применяются многими уполномоченными субъектами, а специальные – полицией, в том числе ПДН.

2) Меры общей профилактики реализуются ПДН посредством пропаганды здорового образа жизни, правовых знаний, путем профилактического воздействия на несовершеннолетних и их родителей, употребляющих алкоголь и наркотические средства. Для этого используется получение информации о подготавливаемых и совершаемых несовершеннолетними правонарушениях из СМИ, в ходе проведения комплексных мероприятий, специализированных рейдов, из заявлений и жалоб граждан, полученных во время приема и т.п.

К числу специальных административно-правовых средств следует отнести: использование наблюдения за поведением несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете, кругом их общения, образом жизни (посещение сотрудниками ПДН несовершеннолетних, прове-

дение с ними, их родителями профилактических бесед); взаимодействие ПДН с органами социальной защиты, здравоохранения, опеки и попечительства.

3) Предупредительная деятельность ПДН направлена на изменение поведения несовершеннолетнего, намеревающегося совершить правонарушение впервые, а также на предотвращение повторных правонарушений со стороны несовершеннолетних. В целях предупреждения правонарушений несовершеннолетних сотрудники ПДН используют административно-правовые средства: 1) в форме непринудительных действий: а) воспитательного характера (профилактические беседы, разъяснение положений законодательства, правовая пропаганда, вовлечение в социально полезную деятельность и т.п.); б) организационного характера (обмен информацией и опытом, информирование о результатах работы по профилактике, пресс-конференции, и т.п.); 2) в форме принудительных действий (разобщение членов асоциальной микрогруппы (подростков); осуществление задержания; доставление несовершеннолетних, совершивших правонарушения или антиобщественные действия, безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних в ЦВСНП, в специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации (СУВУЗТ) и т.д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гендеев Э.Н. Современные особенности пресечения административных правонарушений сотрудниками полиции по делам несовершеннолетних МВД России и пути их реализации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2016. № 1. С. 97–100.
2. Занина Т.М., Бутова М.В. К вопросу о компетенции органов внутренних дел (полиции) по предупреждению и пресечению административных правонарушений несовершеннолетних // Административное право и процесс. 2020. № 10. С. 22–25.
3. Ищенко Е.В. Приоритетные направления деятельности подразделений по делам несовершеннолетних в профилактике самовольных уходов детей // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2017. № 3-1. С. 51–53.
4. Рамкулов Р.Ф., Худобородов А.Л. Деятельность подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: педагогические аспекты воспитательной работы с подростками // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 5. С. 89–94.
5. On the problems and directions for the prevention of juvenile delinquency / V.N. Zhadan, G.T. Kamalova, Z.E. Sadykanova, A.Y. Karipova // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2019. Vol. 10, iss. 1(39). Pp. 401–411. DOI: 10.14505/jarle.v10.1(39).42.

REFERENCES

1. Gendeev E.N. Sovremennyye osobennosti presecheniya administrativnyh pravonarushenij sotrudnikami policii po delam nesovershennoletnih MVD Rossii i puti ih realizacii [Modern Features of the Suppression of Administrative Offenses by Police Officers for Minors of the Ministry of Internal Affairs of Russia and Ways of Their Implementation]. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice*, 2016, no. 1, pp. 97–100. (In Russ.).
2. Zanina T.M., Butova M.V. K voprosu o kompetencii organov vnutrennih del (policii) po preduprezhdeniyu i presecheniyu administrativnyh pravonarushenij nesovershennoletnih [On the Issue of the Competence of the Internal Affairs Bodies (Police) for the Prevention and Suppression of Administrative Offenses of Minors]. *Administrative Law and Process*, 2020, no. 10, pp. 22–25. (In Russ.).

3. Ishchenko E.V. Prioritetnye napravleniya deyatel'nosti podrazdelenij po delam nesovershennoletnih v profilaktike samovol'nyh uhodov detej [Priority Areas of Activity of the Juvenile Affairs Units in the Prevention of Unauthorized Child Care]. *The science. Thought: electronic periodical journal*, 2017, no. 3-1, pp. 51–53. (In Russ.).

4. Ramkulov R.F., Hudoborodov A.L. Deyatel'nost' podrazdelenij po delam nesovershennoletnih organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii: pedagogicheskie aspekty vospitatel'noj raboty s podrostkami [Activities of the Divisions for Juvenile Affairs of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation: Pedagogical Aspects of Educational Work with Adolescents]. *Chelyabinsk State Pedagogical University Herald*, 2016, no. 5, pp. 89–94. (In Russ.).

5. On the Problems and Directions for the Prevention of Juvenile Delinquency / V.N. Zhadan, G.T. Kamalova, Z.E. Sadykanova, A.Y. Karipova. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2019, Vol. 10, iss. 1 (39), pp. 401–411. (In Eng.). DOI: 10.14505/jarle.v10.1(39).42.

Информация об авторах:

Занина Татьяна Митрофановна,

профессор кафедры административной деятельности
ОВД Воронежского института МВД России, кандидат
юридических наук, профессор

E-mail: m-barnova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3443-3472

Information about the authors:

Tatyana M. Zanina,

Professor of the Department of Administrative Activity of
the Department of Internal Affairs of the Voronezh Insti-
tute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candi-
date of Law, Professor

E-mail: m-barnova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3443-3472

Бутова Мария Владимировна,

адъюнкт Воронежского института МВД России, стар-
ший лейтенант полиции

E-mail: m-barnova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5512-6960

Maria V. Butova,

Post-Graduate Cadet of the Voronezh Institute of the Min-
istry of Internal Affairs of Russia, senior police lieutenant

E-mail: m-barnova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5512-6960

Информация для цитирования:

Пастухов П.С., Сурин Н.В. Информационная безопасность цифровизации органов государственной власти (на примере уголовно-исполнительной системы) // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 2(41). С. 131–140. DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.015.

For citation:

Pastukhov P.S., Surin N.V. Informatsionnaya bezopasnost' tsifrovizatsii organov gosudarstvennoi vlasti (na primere ugolovno-ispolnitel'noi sistemy) [Information Security of Digitalization of Public Authorities (On the Example of the Penal System)]. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2021, no. 2(41), pp. 131–140. (In Russ.). DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.015.

УДК 342.09

**ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ)**

П.С. Пастухов¹, Н.В. Сурин²

¹ ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

614012, г. Пермь, ул. Карпинского, 125

E-mail: pps64@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0391-5540

² Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: surin.nikolay@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7501-7964

Аннотация. Введение: Мы являемся свидетелями значительных изменений, происходящих в обществе, развитие технологий порождает новые общественные отношения, значительно видоизменяет существовавшие ранее социальные связи. Эволюция информационной сферы превращает ее в важнейший ресурс современной цивилизации. Трансформация внешних и внутренних угроз требует модернизации деятельности по обеспечению информационной безопасности личности, общества и государства. **Цель:** Учитывая вышеизложенные обстоятельства, существует необходимость комплексного анализа вопросов обеспечения информационной безопасности в условиях цифровой трансформации. **Методы:** Методологическую основу исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы абстрагирования и конкретизации, актуализации и моделирования. **Результаты:** На основе проведенного анализа было установлено, что обеспечение информационной безопасности в условиях цифровизации деятельности органов государственной власти, имеет ряд особенностей: появляются новые информационные угрозы; требуется пересмотр форм и методов проведения защитных мероприятий; становится актуален переход от фрагментарной к комплексной модели защиты сведений; возникает необходимость привлечения практически всех сотрудников к обеспечению сохранности корпоративных сведений, организация их подготовки и переподготовки; активизация совершенствования правового обеспечения данной деятельности. **Выводы:** Авторы приходят к выводу, что обеспечение информационной безопасности ФСИН России представляет комплексное явление, включающее в себя технические, организационные и правовые аспекты. В современном обществе требуется не столько увеличение объемов используемой

техники, сколько понимание целей преобразований, разработка новых алгоритмов деятельности, организационных решений, основанных на широком использовании современных технологий.

Ключевые слова: информационная безопасность; цифровизация; цифровая трансформация; органы государственной власти; уголовно-исполнительная система.

INFORMATION SECURITY OF DIGITALIZATION OF PUBLIC AUTHORITIES
(ON THE EXAMPLE OF THE PENAL SYSTEM)

Pavel S. Pastukhov¹, Nikolay V. Surin²

¹ Perm Institute of the FPS of Russia
125, Karpinskogo st., Perm, Russia, 614012
E-mail: pps64@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0391-5540

² Perm State National Research University
15, Bukireva st., Perm, 614990
E-mail: surin.nikolay@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7501-7964

Abstract. Introduction: Today we become the witness of significant changes taking place in society, the development of technology creates new social relations, significantly alters the previously existing social ties. The evolution of the information sphere turns it into the most important resource of modern civilization. The transformation of external and internal threats requires a radical modernization of activities to ensure the information security of the individual, society and the state. **Aim:** In the framework of the mentioned circumstances, there is a need for a comprehensive analysis of information security issues in the context of digital transformation. **Methods:** The methodological base of the study is a set of methods of scientific knowledge, among which the main place is occupied by the methods of abstraction and concretization, actualization and modeling. **Results:** On the base of the research, it was found that information security in the conditions of digitalization of the activities of public authorities has a number of features: new information threats appear; a radical revision of the forms and methods of conducting protective measures is required; the transition from a fragmentary to a complex model of information protection is relevant; there is a need to involve almost all employees in ensuring the safety of corporate information, the organization of their training and retraining; activation of improvement of legal support of this activity. **Conclusions:** Within the conducted research, it was concluded that the provision of information security of the Federal Penitentiary Service of Russia is a complex phenomenon, including technical, organizational and legal aspects. Modern society needs not so greatly in an increase of the used equipment, but in the understanding of transformation goals, in the development of new algorithms of activity, in new organizational solutions based on the widespread use of modern technologies.

Keywords: information security; digitalization; digital transformation; public authorities; penal system.

Введение

В окружающем нас мире постоянно происходят изменения различного рода: появляются новые технологии, мы начинаем использовать ранее не востребованные ресурсы, меняются употребляемая терминология. Все это является отра-

жением общего процесса развития.

Сказанное в полной мере справедливо относительно деятельности органов государственной власти. В данной сфере можно выделить огромное количество разнообразной деятельности, одна из которых связана с обеспечением информационной безопасности. По мнению многих со-

временных авторов [5, с. 25–27; 6, с. 14–19; 4, с. 8–10], данный аспект приобретает все большее и большее значение, с чем же это связано? На наш взгляд, причин несколько, и одна из них связана с возрастающей ролью информационной сферы в жизни общества и государства. Информационные технологии стали неотъемлемой частью всех сфер деятельности, условием реализации стратегических национальных приоритетов.

Вместе с тем, расширение роли данных технологий порождают новые угрозы. С целью их минимизации государство стремится реализовать комплекс мер, направленных на обеспечение безопасности в информационной сфере. Данная работа является частью системы обеспечения национальной безопасности и включает в себя законодательную, правоприменительную, правоохранительную, техническую, организационную деятельность. Быстрое развитие современных общественных отношений заставляет уделять внимание тем аспектам, которые ранее играли второстепенную роль или вообще отсутствовали. Одним из таких явлений является цифровизация. Для того что понять особенности обеспечения информационной безопасности в условиях новых реалий, необходимо уточнить содержание самого термина «цифровизация» и понять характер деятельности, которую он обозначает.

Цифровизация и ее роль в деятельности органов государственной власти

Сам термин «цифра» известен человечеству уже несколько тысячелетий, однако в современном мире появился целый ряд производных от этого понятия слов, смысл которых не сводится только к технико-математической сфере.

Как правило, проходит достаточно много времени, на протяжении которого вновь появляющийся термин наполняется конкретным содержанием, в обществе вырабатывается определенное мнение относительно его значения. В полной мере это касается и дефиниции «цифровизация». Некоторые считают данное понятие синонимом «информатизации», «цифровая трансформация», другие считают, что это качественно новый этап развития, деятельность сугубо технического аспекта. Ряд ученых считают термин вообще неудачным, не отражающим сути происходящих

процессов, есть и другие позиции [3, с. 23–32].

На наш взгляд, каждый подход имеет свое рациональное зерно, а множество значений отражает многогранность и новизну рассматриваемого процесса. В таких условиях, как правило, более конструктивным видится анализ явления в более узком аспекте. В нашем случае, предлагаем рассмотреть «цифровизацию органов государственной власти». Примерами здесь могут служить преобразования в органах прокуратуры¹, министерства труда и социальной защиты², таможенной службы [2, с. 17–21] и др.

Актуальна данная работа и для уголовно-исполнительной системы, о чем свидетельствует проект указа Президента Российской Федерации «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации», согласно которому предполагается введение должности заместителя директора ФСИН ответственного за цифровую трансформацию³. В проекте документа предлагается сформировать «Управление информационных технологий и цифровой трансформации», основной задачей которого будет информатизация УИС. Предполагается, что основными целями деятельности данного органа управления станут: определение стратегии информатизации федеральной службы исполнения наказаний; оптимизация информационной деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы; модернизация технической архитектуры, используемых вычислительных систем; расширение взаимодействия подразделений ФСИН с органами власти и общественными организациями; разработка и внедрение новых моделей владения собственной цифровой инфраструктурой; широкое внедрение цифровых технологий; разработка прикладного программного обеспечения; модернизация методов управления с учетом возможностей применяемых цифровых технологий. В том числе приоритетной деятельностью управления должна стать работа по обеспечению информационной безопасности. С целью лучшего понимания значения данного направления, предлагаем вернуться к анализу содержания термина «цифровизация органов государственной власти», постараемся выявить некоторые его характерные особенности, понять какое место в процессах цифровой трансформации может играть

¹ Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года: приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 № 627 // Законность. 2017. № 12.

² Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 20.02.2021 № 431-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 10, ст. 1634.

³ Федеральный портал проектов нормативно-правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=100599> (дата обращения: 21.04.2021).

работа по защите информации.

С нашей точки зрения, предшественником рассматриваемого явления были процессы «информатизации», для которых являлись характерными следующие тенденции: увеличение возможностей сбора информации и скорости ее передачи; разработка алгоритмов управления производственными процессами; внедрение автоматизированных систем. Перечисленные процессы привели к тому, что, с одной стороны, мы научились аккумулировать, быстро передавать огромные объемы информации, с другой стороны, вопросам анализа получаемой информации и автоматизации принятия решений уделялось недостаточное внимание, следствием этого стала невосприимчивость огромного массива информации. В результате «коэффициент полезной деятельности» процессов информатизации оказался гораздо ниже, чем предполагалось изначально. Разнообразная деятельность по преодолению данной негативной тенденции, в конечном счете, и стала называться «цифровизацией». Какие же стратегии предполагает данный подход?

Во-первых, даже из наименования термина можно предположить о широком внедрении технологий, предполагающих цифровое представление информации. И это правильно, но к данному процессу надо подходить вдумчиво, не забывая, что мы хотим повысить эффективность работы. Учитывая данное обстоятельство, мы должны выбирать именно тот массив информации, который нам будет полезен для достижения поставленной цели, и работать именно с ним, в противном случае, попытка оцифровать все используемые сведения может исчерпать все наши ресурсы, что не позволит решить имеющиеся задачи. В этом смысле попытка автоматизировать деятельность в традиционных формах в большинстве случаев обречена на провал. Оцифровка автобиографических сведений осужденного вряд ли существенно изменит работу по обеспечению безопасности в исправительном учреждении, а вот внедрение реального электронного документооборота способно значительно повысить эффективность управления подразделениями.

Во-вторых, учитывая современный уровень развития технологий, мы должны научиться выстраивать наиболее оптимальные схемы достижения результата. Принимая во внимание тот факт, что цифровая техника бурно развивается всего лишь несколько десятков лет, а традиционные формы работы складывались столетиями, переход к новым логистическим решениям, как правило, труден и протекает болезненно. Но дру-

го пути нет, мы должны отдавать себе отчет в том, что в тех сферах, где использование цифровых технологий существенно не изменит положение дел, вполне оправданы привычные процедуры, там же, где использование автоматизации сулит значительные выгоды, необходимо попробовать «вписать» новые технологии в жизнь, пусть даже отказавшись от привычных вещей. Например, применимо к пенитенциарной деятельности, внедрение технологий распознавания личности и технологий, позволяющих автоматизировать процессы принятия некоторых решений, может привести к изменениям традиционных сил надзора, существенно изменить форму работы сотрудников.

В-третьих, предполагается широкое использование обработки больших объемов данных и внедрение технологий «искусственного интеллекта», что позволит оперативно проводить аналитическую работу и автоматизировать процесс принятия ряда решений, что является существенным преимуществом перед процессами обычной автоматизации и информатизации. Например, цифровизация комплексных систем охраны исправительных учреждений может существенно повысить надежность изоляции осужденных.

В-четвертых, широкое использование цифровых технологий, разработка принципиально новых способов принятия решений влечет необходимость перераспределения трудовых ресурсов, изменения мышления коллектива, целеполагания и мотивации сотрудников. Появление новых и отмирание ряда традиционных профессий, безусловно, трансформирует рынок труда. Актуализируется вопрос подготовки и переподготовки кадров.

Таким образом, цифровизация органов государственной власти представляет не просто механическое увеличение количества применяемой техники, это комплексное изменение деятельности, затрагивающее логику принятия решений, изменение кадрового состава, трансформацию внутренних и внешних коммуникаций. Составной частью цифровизации является развитие иных способов коммуникации, формирующих новую социальную среду, которая способна изменять человека и общество в целом. Другое направление связано с появлением новых видов деятельности, продуктов, услуг, трансформирующих экономическую составляющую.

Важным документом, подтверждающим наши рассуждения, и определяющим многие элементы «цифровой трансформации», являются методические рекомендации, разработанные Министерством

вом цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации¹. В соответствии с текстом документа, организация, стремящаяся реализовать свою цифровую трансформацию, должна подходить разносторонне к данной проблеме, провести большую подготовительную работу. В этой связи органам уголовно-исполнительной системы необходимо осуществить комплексный анализ современного состояния процессов информатизации пенитенциарного ведомства, оценить готовность к проведению цифровой трансформации, выявить существующие и спрогнозировать возможные риски и угрозы.

Принципиально важным является определение глобальных направлений цифровой трансформации. Согласно общему подходу, основная цель цифровизации заключается в повышении эффективности деятельности системы. Вот здесь и логично поставить вопрос, на что конкретно должны быть направлены преобразования в пенитенциарном ведомстве. Традиционными флагманами цифровой трансформации были и остаются коммерческие предприятия и учреждения, оказывающие услуги гражданам. Для первых индикатором успешности цифровизации является увеличение прибыли, для вторых – повышение удовлетворенности граждан в оказываемых им услугах и снижение собственных издержек.

Из всего перечисленного для ФСИН России актуальна только последняя цель, действительно, повышение эффективности деятельности, ведущей к уменьшению затрат, – это цель любого органа государственного управления. Но мы понимаем, что это далеко не достаточное основание для начала масштабных преобразований.

Предлагаем обратить внимание на глобальные цели существования самой уголовно-исполнительной системы, традиционно к ним относят оказание исправительного воздействия и предупреждение преступлений и правонарушений (ст. 1 УИК РФ). Уголовно-исполнительным законодательством дается перечень основных средств исправления, к ним относятся: режим исполнения и отбывания наказания, воспитательная работа с осужденными, привлечение осужденных к труду, предоставление возможности получить образование, пройти профессиональное обучение, а также общественное воздействие

(ст. 9 УИК РФ). Из всех перечисленных сфер, на наш взгляд, наиболее быстро можно получить положительный эффект от мероприятий цифровой трансформации в вопросах организации режима содержания осужденных. В данной сфере многие процессы частично автоматизированы, и дальнейшее внедрение цифровых технологий способно повысить их эффективность. Тем более что успехи в этом направлении теснейшим образом связаны и с достижением второй цели – предупреждение преступлений и правонарушений. Как нам представляется, одним из перспективных направлений цифровизации здесь является оптимизация надзора за осужденными, его реализация направлена, прежде всего, на предупреждение преступлений и правонарушений со стороны лиц, отбывающих наказание.

Говоря о целях цифровой трансформации ФСИН России, хотелось бы обратить внимание на аспект, значимость которого может быть велика. Речь идет об изменении условий и характера труда сотрудников пенитенциарной системы. Не секрет, что сегодня служба в уголовно-исполнительной системе зачастую сопряжена с преодолением различных тягот и лишений, характер многих выполняемых функций можно отнести к низкоквалифицированному. Процессы цифровой трансформации неизбежно приведут к качественному изменению выполняемой работы, потребуют от сотрудников иных знаний и навыков. Все это способно изменить условия труда и сделать службу в пенитенциарной системе более социально привлекательной, что само по себе несет дополнительный потенциал совершенствования деятельности ФСИН России.

Роль информационной безопасности в процессе цифровой трансформации

Новизна процессов цифровой трансформации до недавнего времени не позволяла сформулировать единые для всех органов государственной власти рекомендации. Только в 2020 году появляется документ, подводящий законодательную основу под процессы цифровизации на законодательном уровне, мы имеем в виду «Положение о ведомственных программах цифровой трансформации»².

Одним из достоинств упомянутого положения является законодательное определение термина

¹ Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием: утв. Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru> (дата обращения: 21.04.2021).

² О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами: Постановление Правительства РФ от 10.10.2020 № 1646 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 42, ч. III, ст. 6612.

«цифровая трансформация»: под ним понимается совокупность действий, осуществляемых государственным органом, направленных на изменение государственного управления и деятельности государственного органа по предоставлению им государственных услуг и исполнению государственных функций за счет использования данных в электронном виде и внедрения информационных технологий в свою деятельность в целях повышения удовлетворенности граждан государственными услугами, снижения издержек государственного управления, повышения уровня надежности и безопасности информационных систем¹. Как мы видим, в самом рассматриваемом определении обеспечение безопасности рассматривается как одна из целей цифровой трансформации. Далее (в п. 30) указывается на необходимость планирования мероприятий в сфере информационной безопасности для обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак, а также адекватного ответа на компьютерные инциденты. Данная деятельность должна быть направлена на создание и обеспечение функционирования средств обеспечения безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры. Столь пристальное внимание, уделяемое обеспечению информационной безопасности, с нашей точки зрения не случайно.

Вышеизложенное отражает значимость вопросов цифровизации в решении задач, стоящих перед обществом и государством. В данной сфере тесно переплетаются технические и организационные вопросы.

Расширяющееся использование компьютерных систем и сетей увеличивает сектор уязвимости для кибератак. Риски могут возникать как вследствие существования киберпреступности, так и вследствие естественного процесса развития технологий [8]. Например, преобладание на рынке информационных технологий закрытых программных и аппаратных обеспечений, производимых небольшим количеством стран (КНР, США), несет в себе потенциальную угрозу информационной безопасности, поскольку создает условия для невозможности отследить ряда типов угроз. В этой связи перед органами государственной власти, в целом, и перед уголовно-исполнительной системой, в частности, остро встает вопрос об использовании исключительно отечественных разработок, по крайней мере, в

работе с критически важной информацией.

Новые вызовы заставляют искать и новые решения. Процессы цифровизации ставят на повестку дня необходимость автоматизации процессов обеспечения информационной безопасности, которые, безусловно, намного эффективнее ручного мониторинга угроз и событий. Наглядным примером в данной области могут служить системы SOC (Security Operations Center, центр обеспечения безопасности). Построение единой архитектуры безопасности, обеспечивающей комплексную защиту, является переходом от уровня локализации отдельных угроз к уровню эффективного обеспечения информационной безопасности в целом.

Новым подходом в обеспечении информационной безопасности является применение методов проактивной защиты. Данные технологии способны не просто защитить, но и предотвратить кибератаки. Примером здесь могут являться «ханипоты» (honeypots и honeynets), а также системы по разворачиванию распределенной инфраструктуры ложных целей (Distributed Deception Platform, DDP).

С целью обеспечения информационной безопасности все большую популярность набирают системы SIEM (Security Information and Event Management), основная задача которых – мониторинг корпоративных систем и анализ событий безопасности в режиме реального времени.

Процессы информатизации привели к появлению корпоративных инфраструктур, отличающихся высокой степенью обособленности. Это хорошо видно при анализе ведомственного информационного обеспечения. Зачастую системы, используемые ФСИН России, не сопрягаются с подобными системами МВД, ФССП, ФСБ и других органов государственной власти, что создает огромные сложности для цифровизации деятельности государственного аппарата, в целом. В противовес сложившемуся положению, цифровая трансформация строится на принципах открытости и унификации технологической базы, использования единых баз данных, следовательно, наущным является вопрос разработки унифицированных подходов и правил в области защиты информации, единых для всех органов государственной власти. Настало время перехода от узковедомственных форм работы к созданию единых федеральных подходов.

Появление новых управленческих решений,

¹ О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами: Постановление Правительства РФ от 10.10.2020 № 1646 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 42, ч. III, ст. 6612.

изменение традиционных форм деятельности требуют пересмотра устоявшихся технологий обеспечения информационной безопасности. Необходимо актуализировать применяемые методы защиты под возникающие реалии. Традиционные приемы защиты информации предполагают локализацию носителей информации в конкретном помещении (здании). Лишь малая часть рассматриваемых правил касалась возможности перемещения данных носителей. Сегодня процессы глобализации и цифровизации в корне меняют информационную сферу: появляются новые формы представления и хранения информации, резко увеличивается объем передаваемых сведений, цифровые устройства становятся неотъемлемой частью не только нашей работы, они активно используются нами в быту, на отдыхе. Все это требует принципиально новых подходов в организации деятельности по защите информации. Пока же, мы в большей степени пытаемся лишь модернизировать старые правила, которые в новых условиях подчас уже не работают.

Обеспечение информационной безопасности сегодня представляется комплексной проблемой, ее решение зависит не от одного пользователя или обладателя информации, а от всех субъектов, участвующих в использовании информационных продуктов. Данное положение является следствием параллельного развития цифровизации и процессов глобализации. В этой связи остро встает проблема знания и соблюдения соответствующих правил, не только со стороны узких специалистов, но и большинством участников современных информационных процессов. Ранее считалось, что угрозы информационной безопасности характерны только для отдельно взятых отраслей: банковской, военной, коммерческой сфер. Процессы цифровизации меняют наше представление, мы начинаем понимать, что данные вопросы сегодня могут возникать практически везде: включая дома бытовую технику, подключенную к сети Интернет, оплачивая безналичным способом покупки в магазине, регистрируясь в гостинице, разговаривая по сотовому телефону, работая на компьютере, управляя автоматизированным рабочим процессом – везде мы становимся участниками информационной деятельности. Многочисленные современные примеры кибератак показывают уязвимость нашего мира от информационных угроз, тем самым подтверждая возрастающую значимость работы по защите ин-

формации.

Сегодня уже стало очевидным, что глобальность используемых информационных процессов требует масштабы знаний их особенностей, в том числе и в области безопасности. Мы можем вкладывать огромные средства в покупку дорогостоящего оборудования, настраивать сложное программное обеспечение, но при этом мы не должны забывать, что все вышесказанное «завязано» на людях. По многочисленным свидетельствам аналитиков большинство успешных информационных атак были реализованы из-за недостаточной подготовленности сотрудников¹. При этом, в подавляющем большинстве случаев речь идет не о преднамеренных действиях, а о халатности, недисциплинированности, легкомыслии людей. Еще раз мы убеждаемся в истине, что информационная безопасность деятельности определяется силой самого «слабого звена». Эффективность разрабатываемых и применяемых технических и организационных средств защиты информации напрямую зависит от грамотности и подготовленности сотрудников работать в новых условиях. Стоит подчеркнуть, что речь идет не только об узких специалистах, а вообще обо всех сотрудниках, поскольку цифровизация вовлекает в информационное пространство организации практически всех ее работников. Отсутствие у них соответствующих компетенций способны свести на нет все усилия по защите информационного пространства ведомства. Следовательно, предотвращение рисков возникновения киберугроз связано не только с программно-аппаратной сферой, а прежде всего, с организацией комплексного обучения персонала.

Понимание важности сферы работы с персоналом заставляют искать новые формы организации деятельности [1, с. 29–31; 7, с. 31–33], которые способны качественно изменить организацию работы. Одной из распространенных моделей является Prosci ADKAR². Согласно данному подходу, в рамках модернизации защиты информации в пенитенциарной сфере, необходимо понимать пять основных моментов. Во-первых, проводимые изменения выводят сотрудников из привычной обстановки, следовательно, они должны четко понимать причины и цели данных изменений. Во-вторых, персонал должен не только понимать, но и желать изменений. Задача руководства заключается в создании соответствующих стимулов. В-третьих, переход к новым фор-

¹ Журавлева А. Опасности цифровизации или цифровизация в опасности // Digital Forum RBK. Вып. № 5. 25.06.2019. URL: <https://spb.plus.rbc.ru/news/5cb448c57a8aa90a3814c68e> (дата обращения: 21.04.2021).

² Международная ассоциация речевой коммуникации. URL: <https://isca-speech.org/iscaweb/> (дата обращения: 21.04.2021).

мам работы требует новых знаний, сотрудники должны быть соответствующим образом подготовленными к работе с инновациями. В четвертых, необходимо создать не только систему теоретического обучения, но и оказать помощь в практическом овладении полученными знаниями. Пятым элементом является комплексность и систематичность усилий в области работы с персоналом, это должна быть продуманная постоянная деятельность, а не разовые акции. Непрерывность процесса обучения методам обеспечения информационной безопасности диктуется высокой скоростью проникновения цифровых технологий в нашу жизнь.

Продолжая тему организации подготовки персонала, хотелось бы обратить внимание на соотношение объемов (а соответственно стоимости) применяемых образовательных программ и финансовых средств, которыми располагает организация. Расширяющаяся сфера киберугроз, с одной стороны, требует увеличения затрат на противодействие им, с другой стороны, процессы цифровизации значительно увеличили необходимость работы по защите информации, она стала гораздо объемней и сложнее, но ресурсы организации всегда ограничены, мы должны научиться соотносить стоимость защитных мероприятий, и тот положительный эффект, который мы получим. В противном случае защита информации будет существовать только для себя, мы получим «цифровизацию ради цифровизации». Об этой опасности всегда стоит помнить, планируя и реализовывая планы цифровой трансформации.

Повсеместность использования электронных устройств привела к тому, что люди стали делить информационную безопасность на «свою» (складывающуюся в сфере использования личных вещей) и «общую» (формирующуюся вне личного пространства). Вместе с тем, цифровизация во многом стирает границы между данными двумя сферами, понятия «личная безопасность» и «корпоративная безопасность» во многом отождествляются. Например, мы привыкли пользоваться мобильными телефонами, и конфиденциальность сохраненных на нем сведений – это наша личная компетенция, но, если мы приносим телефон на рабочее место, это может стать частью канала утечки информации. Другой пример, мы привыкли пользоваться электронной почтой, однако, если мы пересылаем служебную документацию с использованием данного канала связи, никто не гарантирует сохранность этих сведений.

Следующую угрозу, которую несет с собой цифровизация, можно было бы назвать «дефицит доверия». Широкое использование технологий «искусственного интеллекта», обработка больших данных, все это уже сегодня широко используется для принятия управленческих решений. Вместе с тем, применяя эти технологии, мы, в большинстве своем не знаем об особенностях, заложенных в них алгоритмов, нам приходится только надеяться на компетенцию разработчиков. Расширяющаяся сфера использования систем данного рода приводит на рынок все новых и новых производителей, о надежности которых мы ничего судить не можем.

Процессы цифровизации заставляют задуматься и над вопросами правовой регламентации вопросов обеспечения безопасности. Законодательная техника разрабатывалась столетиями и соответствовала существовавшему жизненному укладу, однако, темпы развития современных технологий требуют резкого повышения оперативности законодательных процедур. Отставание в данной сфере тормозит развитие предприятий и организаций, устаревшие формы и методы обеспечения информационной безопасности на практике зачастую не работают. Медлительность современного законодательства привела к тому, что большинство правовых норм, регламентирующих кибербезопасность, сосредоточено в подзаконных актах, остро ощущается дефицит актуальных и действенных правил федерального уровня.

Результаты

Процессы глобализации и цифровизации меняют подходы к обеспечению безопасности. Расширение сферы использования технических устройств, увеличение объемов информационных потоков, применение технологий «искусственного интеллекта», все это создает новые угрозы информационной безопасности.

Сегодня вопрос обеспечения информационной безопасности должен быть актуален не только для работников отдельной категории, он значим практически для всех сотрудников уголовно-исполнительной системы, эта деятельность должна осуществляться не только в рабочее время, а постоянно. Остро встает проблема грамотности, подготовленности сотрудников ФСИН России осуществлять меры по защите информации. Процессы цифровой трансформации заставляют пересмотреть и сами способы защиты сведений, назрела необходимость перехода от традиционных форм, обеспечивавших «фрагментарную»

защиту, к автоматизации этих процессов, к построению единой архитектуры безопасности системы, обеспечивающей комплексную защиту. Особую актуальность приобретают методы проактивной защиты информационных ресурсов. Создание актуальной, мобильной, внутренне непротиворечивой правовой базы, безусловно, будет способствовать решению вопросов обеспечения информационной безопасности уголовно-исполнительной системы.

Заключение

Учитывая вышеизложенное, хотелось бы подчеркнуть, что цифровая трансформация ФСИН России как органа государственной власти, не сводится только лишь к механическому увеличению используемых технических средств. Необходимо разработать принципиально новые модели организации службы, в которых цифровая сфера будет являться одним из главных элементов механизма пенитенциарной деятельности. В данных условиях остро встанет вопрос о необхо-

димости подготовки и переподготовки сотрудников. Принципиально важным является определение целей цифровизации уголовно-исполнительной системы, с нашей точки зрения, они должны быть связаны с повышением эффективности деятельности ФСИН России и качественным улучшением условий труда сотрудников пенитенциарных органов.

Процессы цифровизации актуализируют и проблему обеспечения информационной безопасности. Разработка уголовно-исполнительной системой собственной системы безопасности, интегрированной в общероссийскую, является одной из самых актуальных задач. Как это ни парадоксально, но успех как самой цифровой трансформации ФСИН России, так и решение вопросов обеспечения информационной безопасности зависят не только от решения технических проблем, но еще в большей степени от способности системы подготовить грамотных сотрудников, умеющих и желающих работать в новых условиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вилкова А.В., Литвишков В.М., Швырев Б.А. Проблемы непрерывного обучения персонала информационной безопасности // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4(77). С. 29–31.
2. Воронова А.А., Дианова В.Ю. От стратегии развития к стратегии цифровизации // Таможенное дело. 2020. № 4. С. 17–21.
3. Zubarev S.M. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 23–32.
4. Камалова Г.Г. Перспективы совершенствования правового регулирования государственной тайны в глобальном информационном обществе // Информационное право. 2018. № 4. С. 8–10.
5. Лобанов С.Г. Информационная безопасность как диалектика закрытости и открытости // Информационные ресурсы России. 2002. № 7. С. 25–27.
6. Лопатин В.Н. Информационная безопасность в электронном государстве // Информационное право. 2018. № 2. С. 14–19.
7. Швырев Б.А. Образовательные потребности в информационной безопасности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 5-1. С. 31–33.
8. Diehl E. Ten Laws for Security // Springer International Publishing Switzerland. 2016. ISBN 978-3-319-42641-9.

REFERENCES

1. Vilkova A.V., Litvishkov V.M., Shvyrev B.A. Problemy nepreryvnogo oobucheniya personala informacionnoj bezopasnosti [Problems of Continuous Training of Information Security Personnel]. *The World of Science, Culture, and Education*, 2019, no. 4 (77), pp. 29–31. (In Russ.).
2. Voronova A.A., Dianova V.Yu. Ot strategii razvitiya k strategii cifrovizacii [From the Development Strategy to the Digitalization Strategy]. *Customs Business*, 2020, no. 4, pp. 17–21. (In Russ.).
3. Zubarev S.M. Pravovye riski cifrovizacii gosudarstvennogo upravleniya [Legal Risks of Digitalization of Public Administration]. *Actual Problems of Russian Law*, 2020, no. 6, pp. 23–32. (In Russ.).
4. Kamalova G.G. Perspektivy sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya gosudarstvennoj tajny v global'nom informacionnom obshchestve [Prospects for Improving the Legal Regulation of State Secrets in the Global Information Society]. *Information Law*, 2018, no. 4, pp. 8–10. (In Russ.).
5. Lobanov S.G. Informacionnaya bezopasnost' kak dialektika zakrytosti i otkrytosti [Information Security as a Dialectic of Closeness and Openness]. *Information Resources of Russia*, 2002, no. 7, pp. 25–27. (In Russ.).
6. Lopatin V.N. Informacionnaya bezopasnost' v elektronnom gosudarstve [Information Security in the Electronic State]. *Information Law*, 2018, no. 2, pp. 14–19. (In Russ.).
7. Shvyrev B.A. Obrazovatel'nye potrebnosti v informacionnoj bezopasnosti [Educational Needs in Information Security]. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2019, no. 5-1, pp. 31–33. (In Russ.).

8. Diehl E. *Ten Laws for Security*. Springer International Publishing Switzerland, 2016. (In Eng.). ISBN 978-3-319-42641-9.

Информация об авторах:

Пастухов Павел Сыроевич,

профессор кафедры публичного права ФКОУ ВО
Пермский институт ФСИН России, доктор юридиче-
ских наук, доцент

E-mail: pps64@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0391-5540

Сури́н Николай Владимирович,

студент 5 курса Пермского государственного нацио-
нального исследовательского университета

E-mail: surin.nikolay@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7501-7964

Information about the authors:

Pavel S. Pastukhov,

Professor of the Department of Public Law of Perm Insti-
tute of the FPS of Russia, Doctor of Law, Associate Pro-
fessor

E-mail: pps64@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0391-5540

Nikolay V. Surin,

5th-year student of Perm State National Research
University

E-mail: surin.nikolay@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7501-7964

Информация для цитирования:

Соболева Ю.В., Фаисханов Р.Р. Совершенствование понятийного аппарата, применяемого в области оборота оружия // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 2(41). С. 141–146. DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.016.

For citation:

Soboleva Yu.V., Faiskhanov R.R. Sovershenstvovanie ponyatijnogo apparata, primenyaemogo v oblasti oborota oruzhiya [Improving the Conceptual Framework Used in the Field of Arms Trafficking]. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2021. no. 2(41). pp. 141–146. (In Russ.). DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.016.

УДК 342.9

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА,
ПРИМЕНЯЕМОГО В ОБЛАСТИ ОБОРОТА ОРУЖИЯ**

Ю.В. Соболева¹, Р.Р. Фаисханов²

¹ Саратовская государственная юридическая академия
410028, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104
E-mail: j.soboleva@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5138-2828

² Саратовская государственная юридическая академия
410028, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104
E-mail: emilzola1990@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6254-9563

Аннотация. Введение: В ходе участия в ежегодном расширенном заседании коллегии МВД России в марте 2021 года Президент Российской Федерации отметил снижение количества преступлений, совершенных с применением оружия, а также потребовал и дальше уделять этому направлению особое внимание, совместно с органами ФСБ России и Росгвардии контролировать оборот оружия¹. Целями контроля за оборотом оружия являются: охрана конституционного строя Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды от преступных посягательств. Учитывая значение надлежащей регламентации правоотношений, возникающих при обороте оружия, остро стоит вопрос о недопустимости пробельности в нормативных правовых актах в этой сфере. **Цель:** изучить нормативную правовую базу, правоприменительную практику, понятия, используемые в процессе правового регулирования оборота оружия. **Методы:** В работе использован метод сравнительно-правового анализа. **Результаты:** На основе проведенного анализа раскрыты противоречия и несоответствия толкований понятий «использование оружия» и «применение оружия». Предложены авторские определения понятий «использование оружия» и «применение оружия». **Вывод:** Сформулировано предложение по дополнению федерального законодательства об оружии посредством включения в часть 1 статьи 1 двух дополнительных абзацев, содержащих разъяснения понятий «использование оружия» и «применение оружия».

¹ См.: Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65090> (дата обращения: 16.03.2021).

Ключевые слова: оборот оружия; пробелы в праве; использование оружия; применение оружия; контроль и надзор; Росгвардия.

IMPROVING THE CONCEPTUAL FRAMEWORK USED IN THE FIELD OF ARMS TRAFFICKING

Yulia V. Soboleva¹, Rinat R. Faiskhanov²

¹ Saratov State Law Academy
104, Chernyshevskogo st., Saratov, 410028
E-mail: j.soboleva@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5138-2828

² Saratov State Law Academy
104, Chernyshevskogo st., Saratov, 410028
E-mail: emilzola1990@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6254-9563

Abstract. Introduction: On March 3, 2021, during participation in the annual expanded meeting of the board of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, President of the Russian Federation noted a decrease in the number of crimes committed with the use of weapons, and also demanded to continue to pay special attention to this area, together with the bodies of the FSB of Russia and Rosgvardiya to control the turnover of weapons. The focus on arms control is based on the objectives of its implementation. The objectives of arms control are to protect the constitutional order of the Russian Federation, human and civil rights and freedoms, property, public order and public safety, and the environment from criminal encroachments. Given the importance of proper regulation of legal relations arising from the circulation of weapons, the issue of the inadmissibility of gaps in regulatory legal acts in this area is acute. **Aim:** to research of the regulatory legal framework, law enforcement practice, scientific works concerning the concepts used in the process of legal regulation of arms trafficking. **Methods:** It is used the method of comparative legal analysis. **Results:** On the base of the conducted analysis, contradictions and inconsistencies in the interpretation of the concepts of «use of weapons» and «use of weapons» are revealed. The author's definitions of the concepts «use of weapons» and «use of weapons» are proposed. **Conclusion:** A proposal has been formulated to supplement the federal legislation on weapons by including in part 1 of Article 1 two additional paragraphs containing explanations of the concept of «use of weapons» and «use of weapons».

Keywords: arms trafficking; gaps in the law; use of weapons; use of weapons; control and supervision; Rosgvardiya.

Введение

Единство юридической терминологии, ее общепризнанность, точность и недвусмысленность являются основными критериями определения понятий, используемых в законодательстве. Особую значимость это приобретает в области регулирования оборота такого источника повышенной

опасности как оружие¹.

Вместе с тем, до настоящего времени термины «использование оружия» и «применение оружия» нормативно не закреплены.

В период стремительного становления нанотехнологий, когда фундаментальные исследования в области нанотехнологий носят стратегический характер [5, с. 31], снижение количества

¹ Соболева Ю.В., Фаисханов Р.Р. Оборот списанного оружия: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права. Санкт-Петербург: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 144.

нарушений в области оборота оружия остается одной из острых проблем международного и российского права [3, с. 58]. В связи с чем, подобный пробел в законодательстве сказывается на эффективности практики противодействия незаконному обороту оружия.

Основная часть

Из содержания статьи 1 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 2 августа 2019 г.) «Об оружии»¹ (далее – Закон об оружии) следует, что использование оружия является самостоятельным и отдельным элементом оборота оружия, наряду с его производством, торговлей, продажей, передачей, приобретением, коллекционированием, экспонированием, учетом, хранением, ношением, перевозкой, транспортированием, изъятием, уничтожением, ввозом в Российскую Федерацию и вывозом оружия из Российской Федерации.

При этом, исходя из статей 6, 11, 12, 13, 15, 16, 18, 22, 26 Закона об оружии, очевидно, что законодателем понимается под использованием оружия и его непосредственное применение. В Федеральных законах от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.) «О животном мире»², от 19 июля 1998 г. № 113-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.) «О гидрометеорологической службе»³, от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ (ред. от 24 апреля 2020 г.) «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса»⁴, отражена та же позиция.

Однако, термин «применение оружия» имеет такое же самостоятельное содержание, как и «использование оружия». Так, в статье 4 Закона об оружии содержится положение о том, что в качестве правовых условий идентификации юридических лиц с особыми уставными задачами, определено возложение законодательством функций, связанных с использованием и применением служебного оружия, а статья 24 Закона об оружии называется «Применение оружия гражданина Российской Федерации».

Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой под применением предлагает понимать действие «...по отношению к кому-нибудь, чему-нибудь», а под использованием –

«воспользоваться (пользоваться) чем-нибудь, употребление с пользой»⁵.

Толковый словарь Д.Н. Ушакова под словом применить обозначает «дать употребление чему-либо, осуществить на деле каким-нибудь образом». А под словом использовать – «найти применение чему-нибудь, с целью извлечения пользы»⁶.

Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой слово «применять» разъясняет как приспособлять к чему-либо, а слово «использовать» соотносит со словом пользоваться, т.е. извлекать выгоду из чего-либо⁷.

Анализ толковых словарей дает представление о том, что понятие «применять» более узкое, по отношению к понятию использовать, и указывает на осуществление деятельности с предметом, по его непосредственному предназначению. В то время как использование представляет собой реализацию полезных свойств предмета в целом, в том числе его применение.

Различие в интерпретациях терминов «использование оружия» и «применение оружия» прослеживается и в следующих нормативных правовых актах.

Так, в Федеральных законах от 17 декабря 1994 г. № 67-ФЗ (ред. от 30.03.2015) «О федеральной фельдъегерской связи»⁸, от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.) «О статусе военнослужащих»⁹, от 7 мая 2009 г. № 92-ФЗ «Об обеспечении охраны психиатрических больниц (стационаров) специализированного типа с интенсивным наблюдением»¹⁰, очевидно четкое разграничение понятий «применение оружия» (в отношении физического лица) и «использование оружия» (для таких целей, как подача сигнала тревоги или вызов помощи, а также против животного).

Кроме того, можно выделить нормативные правовые акты, в которых термин «применение оружия» употребляется как для обозначения ведения огня по нарушителям, например при отражении группового или вооруженного нападения, так и для производства предупредительных выстрелов, подачи сигналов, пресечения нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 51, ст. 5681; 2019. № 31, ст. 4439.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 17, ст. 1462; 2020. № 50 (часть III), ст. 8074.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 30, ст. 3609; 2020. № 50 (часть III), ст. 8074.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 30 (ч. 1), ст. 4604; 2020. № 17, ст. 2717.

⁵ Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 13.03.2021).

⁶ Толковый словарь Ушакова. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov> (дата обращения: 14.03.2021).

⁷ См.: Толковый словарь Ефремовой. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 14.03.2021).

⁸ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 34, ст. 3547; 2015. № 13, ст. 1809.

⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. № 22. 1998, ст. 2331; 2020. № 50 (часть III), ст. 8074.

¹⁰ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. № 19. 2009, ст. 2282.

пространстве. К ним относятся Федеральные законы от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (ред. от 9 ноября 2020 г.) «О федеральной службе безопасности»¹, от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 24 февраля 2021 г.) «О полиции»², от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»³, от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ (ред. от 1 апреля 2020 г.) «О государственной охране»⁴ (далее – Федеральный закон о государственной охране).

Отдельно выделим Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 (ред. от 8 декабря 2020 г.) «О Государственной границе Российской Федерации»⁵, в котором термин «применение оружия» употребляется для обозначения ведения огня против лиц, воздушных, морских и речных судов и других транспортных средств. При этом для обезвреживания животных, угрожающих жизни и здоровью военнослужащих и других граждан, а также для подачи сигнала тревоги или вызова помощи указано, что оружие «используется».

Также, необходимо отметить тот факт, что Федеральным законом о государственной охране поименовано «применение» оружия для пресечения движения транспортных средств, обезвреживания животного, производства предупредительного выстрела или подачи сигнала тревоги, лишь с 12 апреля 2020 года. Ранее производство стрельбы обозначалось как «использование» оружия.

Отсутствие законодательного закрепления терминов «использование оружия» и «применение оружия» привело к неоднозначному подходу при их толковании.

Так, Постановлениями Пленумов Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 16 мая 2017 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»⁶ и от

15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»⁷ разъяснено, что под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, следует понимать их умышленное использование лицом как для физического воздействия на потерпевшего, так и для психического воздействия на него в виде угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья.

Руководствуясь указанными актами, суды обоснованно признавали под применением оружия направление травматического пистолета «ОСА» в грудь потерпевшему⁸ и направление на потерпевшего ствола пневматического пистолета⁹.

Вместе с тем, Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 (ред. от 11 июня 2020 г.) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»¹⁰ (далее – Пленум ВС РФ от 16 октября 2009 г. № 19) определено, что судам под применением оружия или специальных средств надлежит понимать умышленные действия, связанные с использованием лицом поражающих свойств указанных предметов, или использование их по назначению (пункт 20).

На основании Пленума ВС РФ от 16 октября 2009 г. № 19 судами не признавалось под применением оружия нанесение удара прикладом пистолета-пулемета «Кедр», как подручным средством¹¹, направление табельного боевого оружия в спину потерпевшему при его незаконном задержании¹², умышленное приставление огнестрельного оружия к шее потерпевшего¹³.

Особо отметим, что в соответствии с пунктом «к» части 1 статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 15, ст. 1269; 2020. № 46, ст. 7210.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900; 2019. № 23, ст. 2905.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27 (Часть I), ст. 4159; 2020. № 31 (часть I), ст. 5034.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 22, ст. 2594; 2020. № 14 (часть I), ст. 2022.

⁵ См.: Российская газета. 1993. 4 мая.

⁶ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

⁷ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

⁸ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.06.2019 № 1-АПУ19-11. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.01.2019 № 127-УД18-19. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: Российская газета. 2009. 30 октября.

¹¹ См.: Приговор Калининского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 19.12.2011 по делу № 1-544/2011 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 11.03.2021).

¹² См.: Приговор Ленинского районного суда г. Пензы Пензенской области от 6 февраля 2018 г. по делу № 1-3/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 10.03.2021).

¹³ См.: Приговор Кушнаренковского районного суда Республики Башкортостан, дело № 1-3/2011 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.03.2021).

от 24 февраля 2021 г.)¹ совершение преступления с использованием оружия признается обстоятельством, отягчающим наказание. В свою очередь, применение оружия, по ряду статей, предусматривающих уголовную ответственность, является квалифицирующим признаком. Следовательно, санкция, последующая за рассмотрением судом уголовного дела, находится в зависимости от того, как будут интерпретированы действия обвиняемого с оружием в период совершения преступного деяния.

Заметим, что учеными вопросам совершенствования законодательства в области оборота оружия уделяется достаточно большое внимание.

Например, под использованием огнестрельного оружия некоторые авторы предлагают понимать действия, не причинившие фактического вреда человеку, и без намерения его причинить, а именно: стрельбу по колесам автомашины, по замкам и другим запирающим устройствам, в опасное животное и т.п. Под применением оружия понимается: производство выстрела², поражающего человека [1, с. 27], а также непосредственное использование его по своему назначению, т.е. для поражения живой или иной цели, подачи сигналов [4, с. 15].

Очевидно, что в перечисленных мнениях сформулированные авторами понятия терминов «использование оружия» и «применение оружия» сводятся к последствиям, к которым привело производство выстрелов. В таком случае неясно, чем считать выстрелы по колесам автотранспорта, произведенные для его остановки, приведшие к пулевому ранению пассажиров такого транспорта, либо ведения огня преступником по исполняющим специальные обязанности должностным лицам правоохранительных органов.

Высказывалось мнение, что в отличие от применения оружия (направленность на поражение посягающего лица), использование оружия осуществляется в целях охоты и занятий спортом³. Однако, такое понимание не соответствует действующим нормативным правовым актам, регламентирующим данные вопросы.

По мнению Т.Т. Шиктыбаева, применение оружия – это производство любого выстрела, независимо от его цели, умысла, законности и т.д.⁴ При

таком подходе под применение оружия подпадает и производство случайных выстрелов, и использование при самоубийствах, а также ведение огня преступником.

М.И. Катбамбетов также отмечает проблему отсутствия в законодательстве определений «применение» и «использование» оружия и приходит к выводу о том, что если оружие используется не по прямому назначению при причинении вреда потерпевшему, то следует говорить о применении предметов, используемых в качестве оружия [2, с. 194, 197].

С таким мнением сложно согласиться, так как само понятие «применение предметов, используемых в качестве оружия» подразумевает использование любых материальных объектов, посредством которых возможно причинение вреда здоровью.

Особо выделим мнение, которое высказывалось Д.Н. Бахрахом, в соответствии с которым огнестрельное оружие применяется субъектами административной власти и только ими, а все остальные субъекты права (должностные лица, граждане) используют его не для реализации властных полномочий, а для необходимой обороны⁵. Оно наиболее соответствует положениям Закона об оружии.

Таким образом, очевидно наличие проблемы, связанной с интерпретацией понятий «использование оружия» и «применение оружия», и отсутствие единства во мнениях по существу рассматриваемых понятий.

Результаты

В целях устранения пробелов в законодательстве, недопущения двусмысленности определения понятий и повышении эффективности практики реализации нормативных правовых актов в сфере регулирования оборота оружия, полагаем целесообразным часть 1 статьи 1 Закона об оружии дополнить абзацами следующего содержания:

«применение оружия – волевое действие, направленное в производстве выстрелов по живой цели, для подачи сигналов, а также, ведении огня уполномоченными должностными лицами по целям, определенным специальным законодательством;

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; Рос. газета. 2021. 26 февраля.

² Каплунов А.И., Милоков С.Ф. Применение и использование боевого ручного стрелкового, служебного и гражданского огнестрельного оружия: науч.-практ. пос. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 33.

³ См.: Сургутсков В.И., Зайцева Е.В. Комментарий к Федеральному закону от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Шиктыбаев Т.Т. Основания и условия правомерности применения огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов: учеб. пос. Алматы: Данекер, 2001. С. 13.

⁵ См.: Бахрах Д.Н. Административная ответственность: учеб. пос. М.: Юриспруденция, 1999. С. 18.

использование оружия – действия, направленные на достижение каких-либо целей посредством свойств оружия, в том числе производство выстрелов неуполномоченными должностными лицами, либо по не определенным в специальном законодательстве целям».

Заключение

Таким образом, мы пришли к выводу, что под применением оружия целесообразно понимать употребление его по назначению.

Учитывая положения Закона об оружии, определяющего оружие как устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов, непосредственно под применением оружия предлагается рассматривать волевое действие, выраженное в производстве выстрелов по живой цели,

для подачи сигналов, а также, ведении огня уполномоченными должностными лицами по целям, определенным специальным законодательством.

В свою очередь под использованием оружия следует понимать непосредственно действия, направленные на достижение каких-либо целей посредством свойств оружия, в том числе производство выстрелов неуполномоченными должностными лицами, либо по не определенным в специальном законодательстве целям. Например, ведение огня по обнаруженной mine, либо иному взрывному устройству, в целях его детонации и устранения поражающего действия, при невозможности разминирования другими способами.

Представляется, что указанные дополнения, позволят обеспечить единообразие применения правовых норм на практике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Векленко В.В., Зайцева Е.В. Спорные вопросы квалификации преступлений, совершенных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия // Уголовное право. 2009. № 2. С. 23–29.
2. Катбамбетов М.И. Применение оружия как квалифицирующий признак преступления: терминологический анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 1(70). С. 191–197.
3. Ковалева Н.Н., Фаисханов Р.Р. Использование исторического опыта в решении проблемных вопросов контроля над оборотом оружия // Административное право и процесс. 2020. № 10. С. 58–61. DOI 10.18572/2071-1166-2020-10-58-61.
4. Моляров А.Н., Опарин В.Н. Административная ответственность за нарушение правил оборота гражданского и служебного оружия: монография. Омск: Изд-во Омск. юрид. ин-та, 2007. 132 с.
5. Problems of state regulation of innovation policy in the Russian Federation and foreign countries / A.J. Pavlov, V.N. Batova, N.N. Kovalyova, A.V. Kolesnikov, A.Y. Sokolov, Y.V. Soboleva // International Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2016. Iss. 3. Pp. 25–32.

REFERENCES

1. Veklenko V.V., Zaitseva E.V. Spornye voprosy kvalifikatsii prestuplenij, sovershennyh s primeneniem oruzhija ili predmetov, ispol'zuemyh v kachestve oruzhija [Disputable Issues of Qualification of Crimes Committed with the Use of Weapons or Objects Used as Weapons]. *Criminal Law*, 2009, no. 2, pp. 23–29. (In Russ.).
2. Katbambetov M.I. Primenenie oruzhija kak kvalificirujushhij priznak prestuplenija: terminologicheskij analiz [The Use of Weapons as a Qualifying Sign of Crime: Terminological Analysis]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2017, no. 1(70), pp. 191–197. (In Russ.).
3. Kovaleva N.N., Faiskhanov R.R. Ispol'zovanie istoricheskogo opyta v reshenii problemnyh voprosov kontrolja nad oborotom oruzhija [The Use of Historical Experience in Dealing with Problems of Control over the Circulation of Weapons]. *Administrative Law and Process*, 2020, no. 10, pp. 58–61. (In Russ.).
4. Molars A.N., Oparin V.N. *Administrativnaja otvetstvennost' za narushenie pravil oborota grazhdanskogo i sluzhebnogo oruzhija* [Administrative Responsibility for Violation of the Rules of Circulation of Civilian and Service Weapons]. Омск, 2007. 132 p. (In Russ.).
5. Pavlov A.J., Batova V.N., Kovalyova N.N., Kolesnikov A.V., Sokolov A.Y., Soboleva Y.V. Problems of State Regulation of Innovation Policy in the Russian Federation and Foreign Countries. *International Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2016, no. 3, pp. 25–32. (In Eng.).

Информация об авторах:

Соболева Юлия Викторовна, профессор кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, доцент
E-mail: j.soboleva@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5138-2828

Фаисханов Ринат Рифгатович, аспирант кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии
E-mail: emilzola1990@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6254-9563

Information about the authors:

Yulia V. Soboleva, Professor of the Department of Administrative and Municipal Law of Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Associate Professor
E-mail: j.soboleva@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5138-2828

Rinat R. Faiskhanov, Post-graduate Student of the Department of Administrative and Municipal Law of the Saratov State Law Academy
E-mail: emilzola1990@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6254-9563

Информация для цитирования:

Тетерятников Н.Ю. Использование водителем устройств связи во время управления транспортным средством: нормативно-правовое регулирование и правоприменительная практика // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2021. № 2(41). С. 147–153. DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.017.

For citation:

Teteryatnikov N.Yu. Ispol'zovanie voditelem ustroystv svyazi vo vremya upravleniya transportnym sredstvom: normativno-pravovoe regulirovanie i pravoprimeritel'naya praktika [Driver's Use Communication Devices while Driving a Vehicle: Legal Regulation and Law Enforcement Practice]. *Journal of the Perm Institute of the FPS of Russia*, 2021, no. 2(41), pp. 147–153. (In Russ.). DOI: 10.34988/2226-2326.2021.41.2.017.

УДК 342.95

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОДИТЕЛЕМ УСТРОЙСТВ СВЯЗИ ВО ВРЕМЯ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Н.Ю. Тетерятников¹

¹ ФГКОУ ВО Сибирский юридический институт МВД России
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

E-mail: colyambus@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1888-0873

Аннотация. Введение: Использование водителем во время движения автомобиля, телефона либо иных средств связи, не оборудованных техническим устройством, позволяющим вести переговоры без использования рук, увеличивает риск дорожно-транспортного происшествия в 4-6 раз. Существующий в России соответствующий запрет основан не на законе, а на подзаконном акте, в котором использован лишь устаревший в современных условиях термин «телефон». Автор анализирует как имеющуюся нормативную правовую базу данного запрета, так и правоприменительную практику за его нарушение. Недостаточная изученность данных проблем делает целесообразным продолжение изучения темы. **Цель:** выявить проблемы, возникающие при правовом регулировании использования водителем устройств связи во время управления транспортным средством, и сформулировать конкретные предложения по их решению, в том числе путем внесения изменений в действующее административное законодательство. **Методы:** Методологическую основу исследования составляет система общих и специальных методов научного познания, среди которых основное место занимают формально-юридический метод, метод государственно-правового моделирования. **Результаты:** На основе проведенного анализа сформулированы предложения по совершенствованию действующего административного законодательства Российской Федерации в части исследуемой проблематики. **Выводы:** Автор фиксирует несовершенство действующей в России нормативно-правовой регламентации запрета на использование водителем во время движения средств связи, не оборудованных техническим устройством, позволяющим вести общение без использования рук, предлагает варианты решения этой проблемы.

Ключевые слова: телефон; техническое устройство, позволяющее вести переговоры без использования рук; управление транспортным средством; водитель; ограничение субъективного права.

DRIVER'S USE OF COMMUNICATION DEVICES WHILE DRIVING A VEHICLE:
LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Nikolay Yu. Teteryatnikov¹

¹ Siberian Law Institute of the MIA of Russia
20, Rokossovskiy st., Krasnoyarsk, Russia, 660131
E-mail: colyambus@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1888-0873

Abstract. Introduction: The use of a telephone or other means of communication by a driver while driving a car that is not equipped with a technical device that allows you to negotiate without using your hands increases the risk of a road accident by 4-6 times. The existing corresponding ban Russia is not based on a law, but on a by-law, in which the authors used only the term "telephone", which is outdated in modern conditions. The author analyzes both the existing regulatory framework for this prohibition and the law enforcement practice for its violation. Insufficient knowledge of these problems makes it advisable to continue studying the topic. **Aim:** to identify the problems that arise in the legal regulation of the use of communication devices by the driver while driving a vehicle, and to formulate specific proposals for their solution, including by making changes to the current administrative legislation. **Methods:** The methodological base of the study is a system of general and special methods of scientific knowledge, among which the main place is occupied by the formal legal method, the method of state-legal modeling. **Results:** On the base of the analysis, proposals are formulated to improve the current administrative legislation of the Russian Federation in terms of the issues under study. **Conclusions:** The author fixes the imperfection of the current Russian legal regulation of the ban on the use of communication means by a driver while driving, which are not equipped with a technical device that allows communication without the use of hands, and offers solutions to this problem.

Keywords: telephone; hands-free device; driving a vehicle; driver; restriction of subjective rights.

Введение

В 2001 году в Правила дорожного движения Российской Федерации, утвержденные постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090, в пункт 2.7 было внесено дополнение, согласно которому водителю запретили «пользоваться во время движения телефоном, не оборудованным техническим устройством, позволяющим вести переговоры без использования рук». Связано это было с началом массового использования мобильных телефонов гражданами России, в том числе водителями, во время управления транспортным средством, что закономерно привело к увеличению количества дорожно-транспортных происшествий.

Так, по результатам совместного исследования специалистов интернет-портала «Hi-Tech Mail.ru» и экспертов общенационального союза автопрофессионалов «Гильдия автошкол», прове-

денного в 2017 году, было выяснено, что разговор водителя по телефону во время управления автомобилем увеличивает риск дорожно-транспортного происшествия в 4 раза, а переписка через службу коротких сообщений (SMS) или иной мессенджер – в 6 раз. Для отправки одного SMS или иного текстового сообщения водитель отвлекается от слежения за дорожной ситуацией в среднем на 5 секунд. В целом в России более 25 000 000 водителей пользуются телефоном во время управления транспортным средством. Доля водителей, попавших в аварию и пользовавшихся в этот момент телефоном, достигает 15 %. Примерно 70 % женщин-водителей хотя бы однажды применяли резкое торможение при разговоре по телефону, среди мужчин таких – 55 %¹.

В 2019 году Главное управление по обеспечению безопасности дорожного движения МВД России на своем официальном интернет-сайте «Госавтоинспекция», как сообщает Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-

¹ Золотарев Р. Смартфоны за рулем: грозная статистика и причины ДТП. URL: <https://www.prav-net.ru/6056-ira/> (дата обращения: 11.04.2021).

ТАСС), провела социологический опрос о влиянии использования мобильных устройств за рулем на безопасность дорожного движения. Вариант, что это опасно и может привести к дорожно-транспортному происшествию, выбрали 56,4 % опрошенных. 25,4 % участников опроса выбрали вариант, предполагающий, что телефонные разговоры во время управления транспортным средством являются безопасными только при использовании технического устройства, позволяющего делать это без использования рук. Еще 7,7 % респондентов посчитали необходимым ужесточить юридическую ответственность за такое деяние¹.

В свою очередь исследование Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведенное в 2019 году, как указывается в публикации «Российской газеты», показало, что 62 % водителей ведут телефонные разговоры во время движения, 31 % – читают, пишут и отправляют текстовые сообщения².

В связи с приведенной статистикой нет никаких сомнений в целесообразности и необходимости правового запрета водителю использовать во время управления транспортным средством телефон, не оборудованный техническим устройством, позволяющим вести переговоры без использования рук. При этом под техническим устройством, позволяющим вести переговоры без использования рук водителя, следует понимать как проводные, так и беспроводные гарнитуры, подключаемые к мобильному телефону (смартфону), а также системы громкой голосовой связи (так называемые устройства и системы «hands-free»), встроенные в автомобиль либо иное транспортное средство, например, мотоцикл³.

Конституция России и административная ответственность водителей за нарушение правил пользования телефоном во время управления транспортным средством: дело Бауэра В.В.

В 2007 году Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях был дополнен статьей 12.36.1 («Нарушение правил пользования телефоном водителем транспортного средства»), предусматривающей юридическую ответственность в виде штрафа водителю, который во время движения транспортного средства пользо-

вался телефоном, не оборудованным техническим устройством, позволяющим вести переговоры без использования рук. Примерно тогда же возникает практика привлечения водителей к административной ответственности по данной статье.

Так, в частности в апреле 2008 года в г. Екатеринбурге гражданин Бауэр В.В. начальником специализированной роты ГИБДД ГУВД по Свердловской области был признан виновным в нарушении требований пункта 2.7 Правил дорожного движения и, соответственно, в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 12.36.1 КоАП РФ, за что его подвергли наказанию в виде административного штрафа. Бауэр В.В. посчитал это незаконным и подал жалобу в районный суд с требованием отмены как решения о признании его виновным, так и административного штрафа⁴.

Основанием для оспаривания решения по признанию виновным и выплате штрафа могла послужить норма части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, предусматривающая возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина только федеральным законом и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты здоровья, прав и законных интересов других лиц. Запрет водителю пользоваться телефоном, не оборудованным техническим устройством, позволяющим вести переговоры без использования рук, во время движения однозначно ограничивает его права, в частности – право собственности (в части такого правомочия как пользование). При этом данный запрет, бесспорно, имеет своей целью защиту здоровья, прав и законных интересов других участников дорожного движения – иных водителей, пассажиров и пешеходов.

Вместе с тем, рассматриваемый запрет и, соответственно, ограничение права собственности водителя по отношению к его мобильному телефону введены не федеральным законом, как этого буквально требует Конституция России, а подзаконным актом – Правилами дорожного движения, фактически являющимися постановлением Правительства Российской Федерации.

Однако федеральный закон от 10.12.1995

¹ Российские водители признали использование телефонов за рулем опасным // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6558504> (дата обращения: 11.04.2021).

² Баршев В. Опасный фактор // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/09/24/bolshe-poloviny-voditelej-otvlekaitsia-ot-dorogi-na-telefon.html> (дата обращения: 11.04.2021).

³ Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. Часть первая / Р.В. Амелин, А.В. Колоколов, М.Д. Колоколова и др.; под общ. ред. Л.В. Чистяковой. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2019. Т. 2. 1337 с.

⁴ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 20.07.2009 по делу № 45-АД09-11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.04.2021).

№ 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», подтверждая в статье 1, что его задача «охрана жизни, здоровья и имущества граждан, защита их прав и законных интересов, а также защита интересов общества и государства путем предупреждения дорожно-транспортных происшествий, снижения тяжести их последствий», что соответствует норме части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, в части 4 статьи 24 обязывает участников дорожного движения, в том числе и водителей, выполнять не только его требования, но и «издаваемых в соответствии с ним нормативно-правовых актов в части обеспечения безопасности дорожного движения».

Под понятие издаваемого в соответствии с федеральным законом «О безопасности дорожного движения» нормативно-правового акта подпадают, в первую очередь, Правила дорожного движения. Этот вывод косвенно подтверждается текстом части 1 статьи 24 указанного закона, где закрепляется, что «права граждан на безопасные условия движения по дорогам Российской Федерации <...> обеспечиваются путем выполнения законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения». Представляется, что в этой норме не случайно использован термин «законодательство»; он по своему смыслу шире, чем понятие «законы» и может включать помимо законодательных актов еще и подзаконные, в том числе постановления Правительства Российской Федерации, в рассматриваемой ситуации – Правила дорожного движения.

Получается, что в данном случае права граждан (водителей) ограничиваются не столько федеральным законом («О безопасности дорожного движения»), как это предусмотрено частью 3 статьи 55 Конституции России, сколько подзаконным актом – постановлением Правительства Российской Федерации, являющимся, по сути, документом органа исполнительной власти, принятым на основании и в соответствии с федеральным законом – законом от 10.12.1995 № 196-ФЗ. Насколько такое положение дел соответствует букве и духу Конституции Российской Федерации – вопрос открытый, т.к. существование в России института делегированного законодательства либо его аналога многими отечественными правоведами ставится под обоснованное сомнение [2, 3, 6]. Вместе с тем, мировая практика, в том числе в сфере административного права [8], знает примеры подобного фактического делегирования правотворческих полномочий от законо-

дательных органов государственной власти органам исполнительным [1, 5].

Самым лучшим, правда, не вполне оптимальным в сложившейся ситуации представляется перенос нормы о запрете водителю пользоваться во время движения телефоном, а также иным средством связи, не оборудованным техническим устройством, позволяющим вести переговоры без использования рук из пункта 2.7 Правил дорожного движения в федеральный закон «О безопасности дорожного движения». Собственно, это же касается не только данного запрета, но и всех норм пунктов 2 «Общие обязанности водителей», 4 «Обязанности пешеходов» и 5 «Обязанности пассажиров» Правил дорожного движения Российской Федерации. В первую очередь такие изменения отечественного законодательства нужны для устранения сомнений о несоответствии части 3 статьи 55 Конституции России положения пункта 2.7 Правил дорожного движения.

Очевидно, что столь масштабные трансформации законодательного регулирования вопросов безопасности дорожного движения в Российской Федерации в настоящее время и даже в обозримом будущем крайне маловероятны. Поэтому данные предложения по большей части, если не целиком, еще долгое время будут оставаться не более чем благими пожеланиями.

Ограничение права собственности водителя в части права пользования телефоном во время управления транспортным средством

Возвращаясь к кейсу Бауэра В.В., который оспаривал законность решений о признании его виновным в совершении административного правонарушения, выразившегося в использовании мобильного телефона во время управления автомобилем, следует отметить следующее. Сперва Ленинский районный суд г. Екатеринбурга Свердловской области, потом Свердловский областной суд, а затем и Верховный Суд Российской Федерации последовательно отказали в удовлетворении жалобы данного гражданина по поводу признания его виновным в нарушении требований пункта 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации¹. Похожим образом поступил и Верховный суд Республики Карелия в 2014 году, оставив в силе постановление должностного лица и решение судьи по делу об административном правонарушении, предусмотренном статьей 12.36.1 КоАП РФ [7].

Логика судебных решений очевидна – право собственности в части правомочия права-

¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 20.07.2009 по делу № 45-АД09-11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.04.2021).

пользования обычным мобильным телефоном во время движения автомобиля водителем ограничена федеральным законом, как это и предусмотрено Конституцией России. Только в данном случае необходимо вести речь не столько о федеральном законе «О безопасности дорожного движения», сколько о Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях.

Именно в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, в норме статьи 12.36.1 установлен запрет пользования водителем во время движения транспортного средства телефоном, не оборудованным техническим устройством, позволяющим вести переговоры без использования рук, под угрозой административного штрафа. Насколько безупречна такая логика вынесенных судебных решений – вопрос спорный, однако даже Верховный Суд Российской Федерации посчитал ее вполне приемлемой¹.

Перспектив обращения по подобной категории дел в Европейский Суд по правам человека или иные международные судебные инстанции нет. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, заключенная в городе Риме 4 ноября 1950 года, не содержит никаких предписаний относительно права собственности в части ее использования – в статье 1 Дополнительного протокола к Конвенции, заключенного в городе Париже 20 марта 1952 года, есть только запрет на безусловное лишение собственника его имущества.

В связи с последним, нужно подчеркнуть, что при применении меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в рамках положений части 1 статьи 27.1 и статьи 27.10 КоАП РФ правоприменитель не вправе оправдывать целью пресечения административного правонарушения изъятие телефона у водителя, если он им пользовался во время управления транспортным средством, не имея устройства, позволяющего вести переговоры без использования рук (статья 12.36.1 КоАП РФ). Такое изъятие могло бы быть оправдано только необходимостью обеспечения исполнения возможного постановления по делу, предполагающего конфискацию соответствующего телефона. Однако санкция статьи 12.36.1 КоАП РФ такого административного наказания не предусматривает. Соответственно, изъятие телефона в данной ситуации не может быть признано законным и правомерным [4].

Особо необходимо отметить, что в ранее упомянутой статье 1 Дополнительного протокола к Конвенции о защите прав человека и основных свобод специально оговаривается, что у государства есть полномочие «обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами». Под общими интересами в этой норме как раз и подразумеваются интересы общества и государства в защите здоровья, а также прав и законных интересов других лиц, упомянутые в части 3 статьи 55 Конституции РФ в качестве цели, ради которой федеральным законом можно ограничивать права и свободы человека и гражданина. В том числе право собственности водителей во время управления автомобилем в части правомочия права-пользования средством связи, не оборудованным техническим устройством, позволяющим вести телефонные и иные переговоры без использования рук.

Понятие «телефон» подразумевает телефон или нечто большее? К вопросу о толковании отдельного законодательного термина

Еще одной весьма существенной уязвимостью запрета водителям во время движения пользоваться телефоном, не оборудованным техническим устройством, позволяющим вести переговоры без использования рук, является употребление в тексте пункта 2.7 Правил дорожного движения и, соответственно, в тексте статьи 12.36.1 КоАП РФ самого термина «телефон».

Дело в том, что двадцать лет назад, в 2001 году, когда эта норма только вводилась в российское законодательство, не существовало устоявшейся терминологии по отношению к индивидуальным мобильным средствам связи, ставшим на тот момент доступными широкому кругу россиян. Поэтому авторы проекта постановления Правительства Российской Федерации использовали для определения таких средств связи наиболее распространенное, относительно нейтральное, более-менее точное и вполне, как казалось на тот момент, устоявшееся слово – «телефон». Тем более, что применительно к таким устройствам на рубеже двадцатого и двадцать первого века чаще всего употребляли словосочетания «мобильный телефон» и даже «сотовый телефон». Последний термин, кстати, является не вполне корректным, так как если «телефон», то он «мобильный», а вот если связь, то «сотовая»: от понятия «соты».

В 2007 году, когда вносились изменения в

¹ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 20.07.2009 по делу № 45-АД09-11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.04.2021).

КоАП РФ, предусматривающие штраф за использование мобильных устройств связи, у законодателей не было иного варианта, кроме как употребить тот же самый термин, который уже был зафиксирован в Правилах дорожного движения, а именно – «телефон». Иначе были бы нарушены общеправовой принцип системности, а также устойчивая причинно-следственная логическая связь между нормой Правил дорожного движения и нормой Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

В настоящее время – в 2021 году – в отношении индивидуальных мобильных технических средств связи в русском языке чаще всего используются такие термины как «девайс», «гаджет», «смартфон», «абонентский терминал» (из официальной документации к таким устройствам) и другие. Правоприменители – и из числа представителей подразделений ГИБДД МВД России, и из числа судей – обоснованно трактуют термин «телефон», использованный в соответствующих положениях Правил дорожного движения и КоАП РФ, максимально широко.

Так, например, под понятие телефона в контексте запрета на его использование водителем во время движения подпадает, скажем, планшетный компьютер, который также можно использовать как для голосового общения, так и текстового, в том числе посредством каких-либо мессенджеров или службы коротких сообщений (SMS). То же справедливо для КПК (карманных персональных компьютеров), т.н. наладонников, лэптопов, ноутбуков и т.п.

Под использованием же водителем телефона, а также иного устройства связи во время движения транспортного средства, необходимо понимать не только собственно телефонный разговор как таковой или прослушивание голосовых сообщений, но и набор текста на дисплее либо клавиатуре, иной ввод информационных данных, чтение тестовых сообщений, просмотр видео, включая ответы на видеозвонки, просмотр видеостримов и полученных или хранящихся на устройстве видеофайлов. Под транспортным средством, в свою очередь, нужно подразумевать как все виды автомобилей – от легковых до грузовых, общественный транспорт (трамваи, троллейбусы, автобусы), мотоциклы, мокики, мопеды, трициклы, квадрициклы, снегоходы, так и велосипеды, а также иные технические средства, предназначенные для передвижения по проезжим частям дорожной инфраструктуры.

Результаты

В связи с вышеизложенным в существующей

ситуации правовой регламентации в России порядка использования водителем устройств связи во время движения представляется оптимальным и целесообразным переработать текст пункта 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации, который начинается со слов «Водителю запрещается:», изложив его предпоследний абзац следующим образом – «пользоваться во время движения телефоном либо иным средством связи, не оборудованным техническим устройством, позволяющим вести переговоры без использования рук».

В целях обеспечения преемственности норм административного права и системности правового регулирования в целом статью 12.36.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях также необходимо переформулировать, зафиксировав ее в следующей редакции.

«Пользование водителем во время движения транспортного средства телефоном либо иным средством связи, не оборудованным техническим устройством, позволяющим вести переговоры без использования рук, –

влечет наложение административного штрафа в размере одной тысячи пятисот рублей».

Санкция в предложенном варианте текста целиком и полностью позаимствована из действующей редакции анализируемой статьи. При этом она, конечно же, может быть – и даже, пожалуй, – должна быть иной – большей, соответствующей социально-экономическому положению тех представителей населения Российской Федерации, которые являются водителями, а нередко и собственниками автомобилей, а также иных транспортных средств. Вместе с тем, обсуждение особенностей санкции статьи 12.36.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях выходит за пределы предмета настоящего исследования и по данной причине дальнейшему рассмотрению здесь не подлежит.

Заключение

Подытоживая, важно подчеркнуть, что сам запрет водителю пользоваться во время движения телефоном, а также иным средством связи, не оборудованным техническим устройством, позволяющим вести переговоры без использования рук, а также юридическая ответственность за это в виде имущественного штрафа – весьма правильная и необходимая мера для профилактики дорожно-транспортных происшествий, травматизма, и преждевременных смертей среди участников дорожного движения в Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белых В.С. Договорное право Англии: сравнительно-правовое исследование: монография. М.: Проспект, 2017. 208 с.
2. Дементьев А.Н., Дементьева О.А., Бондарь В.Н. Экспертиза нормативных правовых актов в сфере реализации промышленной политики в Российской Федерации: монография / под ред. А.Н. Дементьева. М.: НОРМА, 2020. 232 с.
3. Дробот С.Е. Президент РФ и Федеральное собрание: некоторые аспекты разделения и взаимодействия властей в законодательной сфере // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 8. С. 25–30.
4. Кисин В.Р. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: юридическая природа и недостатки правового регулирования // Административное право и процесс. 2018. № 1. С. 29–33.
5. Макарушкова А.А., Соловьева И.В. Сравнительно-правовой анализ современных источников гражданского права России, Франции и Германии // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12. С. 149–161.
6. Трубилов Г.В. Проект реформы российского парламентаризма: взаимоотношения парламента с исполнительной властью и населением // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 43–48.
7. Щепалов С.В. О дискреционных формах процессуальных действий судей при рассмотрении дел об административных правонарушениях // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 20–26.
8. Bamzai A. Delegation and Interpretive Discretion: Gundy, Kisor, and the Formation and Future of Administrative Law // Harvard Law Review. 2019. Vol. 133. Iss. 1. Pp. 164–199. URL: <https://www.harvardlawreview.org/2019/11/delegation-and-interpretive-discretion-gundy-kisor-and-the-formation-and-future-of-administrative-law/> (дата обращения: 11.04.2021).

REFERENCES

1. Belykh V.S. *Dogovornoe pravo Anglii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Contract Law in England: Comparative Legal Research]. Moscow, Prospekt, 2017. 208 p. (In Russ.).
2. Dement'ev A.N., Dement'eva O.A., Bondar' V.N. *Ekspertiza normativnykh pravovykh aktov v sfere realizatsii promyshchlennoi politiki v Rossiiskoi Federatsii* [Examination of Regulatory Legal Acts in the Field of Industrial Policy Implementation in the Russian Federation]. Ed. by A.N. Dement'ev. Moscow, NORMA, 2020. 232 p. (In Russ.).
3. Drobot S.E. Prezident RF i Federal'noe sobranie: nekotorye aspekty razdeleniya i vzaimodeistviya vlastei v zakonodatel'noi sfere [The President of the Russian Federation and the Federal Assembly: Some Aspects of the Separation and Interaction of Powers in the Legislative Sphere]. *State Power and Local Self-Government*, 2018, no. 8, pp. 25-30. (In Russ.).
4. Kisin V.R. Mery obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh: yuridicheskaya priroda i nedostatki pravovogo regulirovaniya [Measures to Ensure the Proceedings in Cases of Administrative Offenses: the Legal Nature and Shortcomings of Legal Regulation]. *Administrative Law and Process*, 2018, no. 1, pp. 29-33. (In Russ.).
5. Makarushkova A.A., Solov'eva I.V. Sravnitel'no-pravovoi analiz sovremennykh istochnikov grazhdanskogo prava Rossii, Frantsii i Germanii [Comparative Legal Analysis of Modern Sources of Civil Law in Russia, France and Germany]. *Current Problems of Russian Law*, 2019, no. 12, pp. 149–161. (In Russ.).
6. Trubilov G.V. Proekt reformy rossiiskogo parlamentarizma: vzaimootnosheniya parlamenta s ispolnitel'noi vlast'yu i naseleniem [Russian Parliamentarism Reform Project: Relations Between the Parliament and the Executive Branch and the Population]. *Constitutional and Municipal Law*, 2020, no. 7, pp. 43–48. (In Russ.).
7. Tchepalov S.V. O diskreсионnykh formakh protsessual'nykh deistvii sudei pri rassmotrenii del ob administrativnykh pravonarusheniyakh [About Discretionary Forms of Procedural Actions of Judges when Considering Cases of Administrative Offenses]. *Russian Justice System*, 2017, no. 1, pp. 20-26. (In Russ.).
8. Bamzai A. Delegation and Interpretive Discretion: Gundy, Kisor, and the Formation and Future of Administrative Law. *Harvard Law Review*, 2019, vol. 133, no. 1, pp. 164-199. (In Eng.). Available at: <https://www.harvardlawreview.org/2019/11/delegation-and-interpretive-discretion-gundy-kisor-and-the-formation-and-future-of-administrative-law/> (accessed 11.04.2021).

Информация об авторе:

Тетерятников Николай Юрьевич,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Сибирского юридического института МВД России,

кандидат юридических наук, полковник полиции

E-mail: colyambus@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1888-0873

Information about the author:

Nikolay Yu. Teteryatnikov,

Associate Professor of the Department of State and Legal
Disciplines of the Siberian Law Institute of the MIA of
Russia, Ph. D. (Law), colonel of the police

E-mail: colyambus@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1888-0873

Уважаемые подписчики!

Вы можете оформить подписку на научно-популярный журнал «Вестник Пермского института ФСИН России» в отделениях почтовой связи по объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 10304.

Условия оформления подписки содержатся в I томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 2 раза в полугодие.

Вестник Пермского института ФСИН России

Научно-популярный журнал

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала. Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений.

**По вопросам опубликования материалов обращаться
в организационно-научное и редакционно-издательское отделение
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России
по тел. (342)228-65-04 (150),
e-mail: nauka-perm@yandex.ru**

Главный редактор С.Б. Жемулин
Редакторы А.И. Криворучко, А.И. Согрина
Оформление, компьютерная верстка А.И. Согрина

Подписано в печать 23.06.2021
Выход в свет 30.06.2021
Формат 60x90¹/₈. Бумага офсетная и мелованная.
Печать на ризографе. Усл. печ. л. 19,3. Тираж 50.
Цена свободная.

Адрес редакции, типографии и издателя:
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России.
614012, г. Пермь, ул. Карпинского, д. 125.
